

АННЕТТ МАРИ

Трилогия
Алой Зимы

Алая зима

Аннетт Мари

Трилогия алой зимы

«Издательство АСТ»

2016, 2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Мари А.

Трилогия алой зимы / А. Мари — «Издательство АСТ», 2016,
2017 — (Алая зима)

ISBN 978-5-17-123449-2

Всю свою жизнь Эми посвятила тому, чтобы стать идеальным сосудом для богини Алатэрасу и, получив от нее задание отыскать и освободить земных божеств, немедленно приступает к его выполнению. Помимо забот о спасении мира, ее мысли занимает Широ, ёкай-лис, умело и ловко завоевавший ее сердце. Ей придется разрушить проклятие, что сковывает его чары и воспоминания. И как только в нем пробудится древняя мощь, ёкай, в которого Эми влюблена, изменится навсегда. Но Эми и Широ должны рискнуть всем, чтобы одолеть бессмертных, всемогущих врагов. Вместе они найдут способ спасти мир – даже если это означает, что им придется потерять друг друга.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-123449-2

© Мари А., 2016, 2017
© Издательство АСТ, 2016, 2017

Содержание

Примечание об именах	6
Алая зима	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	63
Глава 10	72
Глава 11	85
Глава 12	93
Глава 13	98
Глава 14	107
Глава 15	116
Глава 16	123
Глава 17	131
Глава 18	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Аннетт Мари

Трилогия алой зимы

Annette Marie

Red Winter. The Complete Trilogy

Copyright © 2016-2018 by Annette Marie

Cover copyright © 2016-2018 by Annette Ahner

Artwork copyright © 2016-2017 by Brittany Jackson

Red Winter (Book 1) Copyright © 2016

Dark Tempest (Book 2) Copyright © 2017

Immortal Fire (Book 3) Copyright © 2017

© К.Г. Гусакова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Дорогие читатели!

«Трилогия алой зимы» вдохновлена богатой мифологией Японии.

И пусть мир на этих страницах основан на культуре уникальной, манящей и вполне реальной страны, все же во многом он – творение моего воображения.

Надеюсь, история вам понравится!

Аннетт Мари

Примечание об именах

В конце книги расположен полный глоссарий имен и понятий с определениями.

НЕБЕСНЫЕ АМАЦУКАМИ

ЗЕМНЫЕ КУНИЦУКАМИ

Алая зима

Глава 1

Эми замерла у начала тропинки. Где-то посреди этого леса располагался храм, в котором ей предстояло провести последние два месяца в роли простой смертной.

За спиной в неподвижной тишине глухо ворчал двигатель машины, из которой Эми только что вышла. Грунтовую дорогу, огибающую покатым склон горы, укрывал плотный слой яркой листвы – ездили здесь, судя по всему, редко. Вдоль дороги вздымались массивные деревья – эдакий частокол, рубеж, который разрывала лишь тропинка, что убегала вперед от самых ног Эми.

Хлопнула дверь, и Эми вздрогнула, оторвав взгляд от темного прохода меж деревьев. Ее сопровождающий открыл багажник и извлек пару простеньких чемоданов, а потом обогнул машину и небрежно уронил их на землю рядом с Эми. Она хмуро глянула сперва на свой багаж, потом на сопровождающего.

– Благодарю, Акио, – вежливо произнесла она.

Затем ее вниманием вновь завладела тропа. Подул прохладный ветерок, взметая длинные волосы Эми. Дыхание сорвалось с губ облачком пара. Стояла лишь середина осени, но ветер принес с собой ледяной привкус зимы. Между горными пиками, заслоняя лучи вечернего солнца, тянулись серые облака.

Под ногами зашелестела, захрустела сухая листва – кто-то приближался. Эми пригладила волосы и встряхнула длинными, мешковатыми рукавами кимоно так, чтобы те легли поизящнее. Как только она чинно сложила перед собой руки, из теней на тропу спешно шагнули три человека.

Первым шел пожилой мужчина с обветренным лицом и широкой улыбкой. Его темно-фиолетовые одежды – традиционное одеяние каннуши, священника храма – неподобающе развевались. Он бросился к Эми с раскинутыми в стороны руками, но не успела она испугаться, что ее сейчас обнимут, как мужчина вдруг затормозил и склонился в низком, полном уважения поклоне.

– Госпожа! – Хриплый голос священника дрогнул от волнения. – Такая честь, такая честь! Добро пожаловать в храм Шираюри. Наш дом невелик и скромн – уверен, к подобному вы совершенно не привыкли, – однако все, чем мы располагаем, к вашим...

Каннуши осекся – его прервала вновь хлопнувшая дверь. Повернувшись, Эми в растерянности увидела, что Акио уже за рулем. Взревел двигатель, автомобиль круто развернулся и рванул по дороге прочь. Эми, к щекам которой прилил жар, проводила его изумленным взглядом.

– Прошу простить неучтивость моего сопровождающего... – запнувшись, произнесла она. – Я... я затрудняюсь...

Эми умолкла, не зная, как объяснить, почему Акио столь унижительно внезапно уехал. Ей не хотелось рассказывать, что он уже полгода спал и видел, как от нее избавиться. Работа нянечкой, как он выражался, его совершенно не устраивала.

Каннуши взмахнул руками.

– Не стоит беспокоиться, госпожа. Чудачества сохэев мне прекрасно знакомы. Выбирают их, впрочем, не за безупречные манеры, верно, Минору?

Он добродушно улыбнулся, глянув через плечо на одного из своих спутников. Приятное, открытое выражение лица Минору смягчало исходящий от него тонкий флер угрозы – а вот деревянный посох, увенчанный футовым лезвием, напротив, его подкреплял. Однако Эми

давно уже привыкла к вооруженным и смертоносным сохэй. У нее не было нужды бояться храмовой стражи.

Каннуши вновь развел руки.

– Что ж, позвольте нам наконец представиться, ибо сколько же можно стоять на этом ветру! Я Фуджимото Хидеюши, каннуши храма Шираюри. Это Минору, он обучался у лучших, и его единственный долг, как вы знаете, – оберегать вас, госпожа.

Эми поприветствовала Минору легкой улыбкой, и он ответил тем же. Эми немного успокоилась. Может, этот сохэй не станет презирать ее так, как Акио. Может, в здешнем храме ей будет лучше, чем в прошлом.

– А это, – продолжил Фуджимото, указав на женщину позади Минору, – милая Нанако, наша почитаемая мико на протяжении уже почти двадцати лет.

Почти во всех храмах была по крайней мере одна мико – дева, которая помогает каннуши в проведении обрядов. Нанако чинно стояла рядом с Минору, спрятав ладони в просторных рукавах белого кимоно. Помимо него она носила красные хакама – широкие, складчатые штаны. Точно такое же облачение красовалось и на Эми – правда, с небольшим отличием. Одежда Нанако была старой, потрепанной; на потускневшей ткани тут и там виднелись аккуратные стежки. Одевание Эми, напротив, сшили из прекрасных материалов; кимоно было безупречно белым, как свежий снег, а хакама – алыми, словно красная паучья лилия, растущая в лесах и на высокогорных лугах.

Эми вновь робко улыбнулась, а вот Нанако ответила ей коротким кивком и неприветливым взглядом карих глаз. Эми сдержала вздох. Может, здешний храм ничуть не лучше прежнего. Впрочем, это было не так уж важно: через два месяца Эми уйдет, и неприязнь мико, да и любого другого человека, если уж на то пошло, перестанет ее беспокоить.

К ужасу Эми, вместо того чтобы наконец оставить эту пустынную дорогу и отправиться в путь, Фуджимото пустился в пересказ краткой истории своего храма. Однако Эми все равно внимательно выслушала, как больше тысячи лет назад храм выстроили на самом краю почти не изученных дебрей на севере, и как он бывал разрушен в ходе войн или из-за непогоды, но местные жители всякий раз с любовью его восстанавливали, и в последний раз это произошло два столетия назад.

Холодный порыв ветра вновь хлестнул по деревьям, взметнув тут же закружившую в воздухе осеннюю листву. Прервав на полуслове свой рассказ о том, как недавно обновили жилые помещения, Фуджимото схватился за свою чуть было не улетевшую высокую шапочку.

– Прошу прощения, – пробормотал он, взмахом руки приглашая Эми проследовать за ним. – Почему бы нам не перебраться в более теплое место?

Эми с благодарностью шагнула за каннуши на тропу, оставив позади Минору и Нанако, и с тревогой вскинула взгляд вверх, на сомкнувшиеся над ними кроны. Зеленые ели и сосны перемежались усыпанными желтыми, рыжими и красными листьями ветвями. Временами встречались и голые сучья, криво торчащие из этого цветного великолепия, словно руки скелетов.

Сзади кашлянули, и Эми замерла. Оглянувшись, она увидела Минору на полпути между ней и дорогой, на которую тот указал кивком.

У обочины сиротливо стояли позабытые чемоданы.

Фуджимото, покраснев, заломил руки.

– Минору, будь добр, прихвати багаж госпожи, – быстро произнес он, явно сконфуженный.

– Увы, не смогу, – ответил тот спокойным, глубоким голосом, способным развеять любой страх, и легонько стукнул посохом о землю. – Нельзя стеснять движения, на всякий случай.

– Ах да, да, сохранность госпожи... Разумеется.

– Я... я могу сама, – выпалила Эми. Ей раньше никогда не приходилось носить свои чемоданы. Она даже не знала, насколько они тяжелы, и тем не менее она была готова их поднять. С руками ведь все в порядке.

Эми поспешно шагнула к багажу. Фуджимото, издав очередной вопль, схватил ее за локоть. Эми охнула.

Забормотав извинения, каннуши тут же отдернул руку – так, словно обжегся. Эми попятилась, восстанавливая самообладание, обволакивая им себя, словно незримым плащом, и изобразила сдержанное спокойствие, дабы скрыть истинные чувства.

– Посланник Шиона все тебе объяснял, – прервала Нанако поток извинений Фуджимото. Эми настолько изумилась тому, как грубо Нанако обращается к вышестоящему, что с трудом сохранила бесстрастное выражение лица. – Ты знаешь правила о прикосновениях к госпоже. – Подчеркнув последнее слово, Нанако окинула Эми холодным взглядом. – Я отнесу ее чемоданы.

Она прошла мимо Эми, и ее широкие хакама захлопали на ходу. Разве мико не знала, что штаны не станут столь неподобающе развеиваться, если делать шаги поменьше? Эми упомянула бы это вслух, но промолчала – из-за насмешки, прозвучавшей в голосе Нанако, когда женщина произнесла слово «госпожа». Эми уже слышала подобную насмешку и понимала, что она означает.

Эми проследовала за Фуджимото глубже в лес. Тропа позволяла нескольким людям идти в ряд, однако Эми держалась на несколько шагов позади каннуши. Следом шел Минору, а Нанако, держа в каждой руке по чемодану, тащила последней.

Под сандалиями Эми шуршала опавшая листва. Помимо этого тихого шороха тишину нарушало лишь журчание ручья неподалеку. Присутствие Минору утешало – никто и ничто ей не навредит, пока рядом опытный сохэй. Он скорее умрет сам, чем позволит ей пострадать. Акио, несмотря на свои чувства, поступил бы точно так же.

Из теней выступило знакомое строение, и напряжение отступило еще на шаг. Впереди показались две деревянных колонны, обрамляющие тропу. Перекладина, закрепленная почти у самого верха, образовывала подобие арки, а та, что была над ней, потолще, изгибалась концами к небу. Врата, которые назывались тории, обозначали конец территории смертных и начало земель храма – владения ками.

Фуджимото без раздумий пронесся сквозь врата. Эми же остановилась перед ними и обвела взглядом потускневшую красную краску. Смежив веки, она церемонно поклонилась, чтобы выразить уважение священному месту, и лишь потом переступила его порог. Как только ее нога ступила на тропу с другой стороны – на вид точно такую же тропинку, как и в лесу, – Эми окутало спокойствие. Здесь она была в безопасности.

Поравнявшись с Фуджимото, Эми наконец заметила, как он покраснел – еще сильнее, чем в прошлый раз. Минору, приблизившись к тории, помедлил, но затем быстро поклонился, следуя примеру Эми. Последней врата миновала Нанако, ничуть не поколебавшись. Пройдя рядом с остальными, она устремилась дальше по каменным ступеням. Ее сандалии хлопали с каждым шагом – резко, словно удар хлыста.

Эми, покусывая нижнюю губу, отправилась следом за Фуджимото. Она вовсе не хотела пристыдить каннуши тем, что исполнила ритуал, которым он неосмотрительно пренебрег, однако не могла войти без поклона в новый храм – тот, что станет ее пристанищем, пусть и временным, – это было бы вопиющим непочтением.

Да и в самом деле, он ведь каннуши и должен в первую очередь придерживаться всех ритуалов. Это ведь его собственный храм.

Эми, размышляя о необычном характере Фуджимото – он был дружелюбен и вполне располагал к себе, но в то же время ему не хватало хладнокровия и достоинства, которые она привыкла видеть в каннуши, – поднялась по ступеням ко вторым, более крупным тории, что вели уже к самому храму. Она вновь поклонилась и ступила на широкие, идеально подогнанные по размеру камни. На другом конце длинного двора располагалось главное здание храма, двухэтажное, увенчанное традиционной крышей со свесами, загнутыми кверху, подобно однажды свернутому листу бумаги, которому уже никогда не распрявиться.

Пока Эми разглядывала храм, такой же ветхий и выцветший, как облачение Нанако, и столь же заботливо восстановленный, возле ее носа мелькнуло что-то белое. А потом еще и еще, и вскоре повсюду закружились снежинки. Эми подняла лицо к затянутому тучами небу, и ей на кожу упали несколько крошечных, холодных кристалликов.

– Первый снег! – воскликнул Фуджимото. – А ведь сегодня только второе ноября. Даже в горах снег обычно выпадает лишь в середине декабря.

Послышался стук шагов по каменной тропе – кто-то подошел, пока Эми глядела вверх. Первый снег ее последней зимы. Она мысленно себя одернула. Не совсем последней, конечно же, но прежде, чем ее кожи вновь коснется весеннее солнце, все изменится.

– О, гляньте-ка, кто пришел! – радостно произнес Фуджимото. – Госпожа, позвольте представить вашего второго стража, подающего большие надежды сохэя прямиком из Шиона. Быть может, вы уже встречались?

Эми, прекратив разглядывать снежинки, повернулась к каннуши и увидела рядом с ним новоприбывшего. Ее кровь обратилась в лед и разбилась в венах острыми осколками.

– Моя госпожа, это...

– Катсуо! – охнула Эми, не сдержавшись.

– Ага! – Фуджимото перевел взгляд с одного из них на другого. – Как я понимаю, вы все-таки знакомы.

Молодой человек неуверенно ей улыбнулся. Ну разумеется. В последний раз Эми видела Катсуо три года назад, но его лицо оставалось до боли знакомым – глаза, такие темные, но в то же время почему-то исполненные теплоты, спутанные черные волосы, отброшенные со лба так, что видно залегшую меж бровей морщинку. О да, они были знакомы. Страж так часто являлся Эми в кошмарах, что она никогда не забудет его лицо.

Ее ошарашенный взгляд заставил улыбку Катсуо померкнуть.

Фуджимото прокашлялся.

– Моя госпожа, могу ли я вам предложить пройти по...

– Я устала, – перебила его Эми, кланяясь в знак извинения, – и хотела бы отдохнуть. Прошу, проводите меня в мои покои.

Фуджимото изумленно открыл и закрыл рот, словно выброшенная на берег рыба.

– К... конечно, да. Мико Нанако уже отнесла ваши вещи. Минору, Катсуо, вы не могли бы?..

– Безусловно, – отозвался Минору. – Госпожа?

Эми оторвала взгляд от Катсуо и, пошатнувшись, шагнула к Минору. Остановившись, расправила плечи и вновь укутала себя спокойствием, которое выглядело ровной, ничего не выражающей маской – подобной тем, что носили актеры театра но на сцене. Никто не увидит ее внутренних переживаний. Никто не узнает, что один вид Катсуо заставляет ее дрожать, вызывает такое множество жутких воспоминаний и чувств, что когтями продирают путь на поверхность... Нет. Эми вновь их похоронила.

Бросив на нее встревоженный взгляд, Минору повел Эми к высокому дубу, чьи узловатые ветки с желто-рыжей листвой нависали над доброй половиной двора. Тропа огибала это древнее дерево, а затем уходила дальше, за крупные валуны и подстриженные кусты по левую руку, к подернутому рябью пруду, который поглощал опускающиеся на его поверхность снежинки.

Когда они с Минору достигли деревянного мостика, изгибавшегося над самой узкой частью пруда, Эми вновь замерла – но на этот раз не для того, чтобы поклониться или исполнить какой-нибудь еще ритуал приличия. По коже, словно насекомые с колючими лапками, пробежали мурашки от страха, и она уставилась на мост, на зеркальную поверхность воды, скрывающую под собой неизвестное.

«Там ничего нет, – сказала себе Эми. – Совершенно ничего. Обычный садовый пруд, прямо посреди священной земли, у самого храма. Здесь нечего бояться».

И все же Эми по-прежнему не могла заставить себя шагнуть к мосту.

Она не знала, сколько простояла так, оцепенев, пока вдруг не заметила, что Катуо оказался рядом, а в его глазах мелькнуло понимание. Понимание, в котором Эми совершенно не нуждалась. Она не хотела иметь с сохэем ничего общего, разве он не видел?

Судя по всему, нет, ведь он наклонился ближе.

– Дом на другой стороне пруда, – тихо произнес Катуо. – Могу я вас проводить, госпожа?

Она уставилась на снежинки, которые таяли на каменных плитах.

– Эми? – прошептал Катуо.

Она вздрогнула, посмотрела ему в лицо и тут же отвела взгляд. Катуо сделал еще шаг и остановился. Эми неохотно с ним поравнялась. Он продолжил медленно идти, и Эми, глубоко дыша, следовала его примеру. Резкий стук деревянных сандалий о каменные плиты сменился глухим – о доски мостика. Эми сосредоточилась на них и, стараясь держаться поближе к середине, делала маленькие, осторожные шаги. Она ни за что не стала бы непристойно лететь вперед так, что у нее бы развевались хакама. Это совершенно неприемлемо.

Когда они достигли берега, Катуо невзначай отстал. Эми попыталась вернуть на лицо маску спокойствия, но ничего не вышло.

– Моя комната?.. – хрипло спросила она.

Ни Минору, ни Катуо никак не прокомментировали представление, которое она устроила перед безобидным мостиком. Катуо знал, почему мосты вызывают у нее такую панику, а вот Минору, наверное, подумал, что она слишком чувствительная и нервная. Если, конечно, Катуо ему не рассказал правду. Может, они обсуждали Эми перед ее прибытием.

Мужчины увели Эми прочь от воды и проклятого моста, и по пути она даже не стала разглядывать ни изящную одноэтажную постройку в форме подковы, ни прекрасный сад с деревьями и цветущими кустарниками, к которому был обращен приподнятый деревянный настил, тянувшийся вдоль дома.

Завернув за угол, Катуо распахнул дверь и отошел, приглашая Эми войти. Переступив порог, она выскользнула из сандалий и шагнула на гладкий деревянный пол небольшой прихожей, соединявшейся с наружным настилом.

– Вам сюда, госпожа, – произнес Минору, указав вправо – туда, где располагалась единственная сдвижная дверь, обращенная к саду.

– Совсем не похоже на Шион, – извиняющимся тоном добавил Катуо. – Знаю, вы привыкли к лучшим...

Сохэй прекрасно знал, что с тех пор, как она жила в Шионе, прошло уже три года. Неужели он и в самом деле думал, что за это время она так и не сумела привыкнуть к более скромным пристанищам?

Эми не желала больше слышать его голос. Неважно, как спокойно он звучал теперь, она слышала лишь панику и ярость, с которыми он хрипло выкрикивал ее имя, или еще хуже, надтреснутую скорбь, что последовала потом.

«Слишком поздно. Прости... мы пришли слишком поздно».

Нет, Эми не собиралась возвращаться к этим воспоминаниям – по крайней мере, не наяву. Раз уж она не могла спастись от кошмаров по ночам, терзать себя ими еще и днем не было нужды.

Эми молча поклонилась спутникам в знак благодарности, сдвинула дверь и, шагнув через порог, закрыла ее вновь, прежде чем Катуо успел сказать что-нибудь еще. Следующие два месяца спальней Эми должна была стать эта простая прямоугольная комната, расположенная на самом краю дома так, что смежная стена у нее была лишь одна – и та с коридором, но не с остальными комнатами. Таким образом, Эми могла насладиться большим уединением, нежели обычно.

Она неслышно прошла в середину комнаты, мягко шагая в носках по плетеным татами, устилающим пол. Чемоданы стояли рядом с самыми обычными столом и стулом. У восточного окна, которое выходило на пруд и храм, лежало несколько подушек. Южную стену наполовину занимал шкаф, где предстояло храниться одежде и постельным принадлежностям, а другая ее часть была отведена под небольшую нишу с красивым свитком-какэмоно на стене и низеньким, узким столиком, где Эми могла устроить личный алтарь для молитв.

Комната была простенькой, но чистой и уютной. Неплохо.

Медленно приблизившись к подушкам, Эми устало рухнула на них. Неплохо для пары месяцев, а потом все изменится. Все эти людские страхи и переживания станут бессмысленны. Ее будущее начертали ками, и судьба уже predetermined.

Взгляд Эми скользнул в сторону невидимого моста. Надо лишь выдержать еще два месяца обыденной, хрупкой смертной жизни.

Глава 2

Никто так и не пригласил ее к ужину.

Эми поерзала на подушках у окна. Кто-то же должен за ней прийти, верно? Ведь бродить по дому в поисках еды – это ужасно невежливо. Она постучала пальцами по коленке. А что, если ужин даже и не готовят?..

Подтянув чемодан поближе, Эми хмуро оглядела его содержимое. В предыдущих храмах мико всегда успевала разложить ее одежду, прежде чем она сама вообще оказывалась в комнате. Нанак бросила ее багаж нетронутым. Что, впрочем, было неплохо. Эми аккуратно сложила вещи и спрятала их в ящики шкафа самостоятельно. Не такая уж сложная задача. В чемодане же остался единственный предмет – простая деревянная шкатулка с металлическим крючком.

Такой замочек, конечно, никого не остановит, но хотя бы наметит, что внутри хранится нечто личное. Эми извлекла шкатулку из чемодана и открыла ее крышку. Поверх скромных сокровищ лежал дневник в кожаной обложке с потертыми краями. Для таких, как Эми, обладание материальными ценностями... не поощрялось. Содержимое шкатулки было единственным, чем она владела, помимо вещей, напрямую связанных с искусством мико.

Подняв дневник, Эми улыбнулась. То, что скрывалось под ним, показалось бы любому другому лишь бесполезным набором камешков, перьев, высушенных цветов и листочков. Однако каждая вещь служила напоминанием – о том, что лишь Эми считала особенным. Кусочек гальки из сада при храме в Тсутсуджи, где она впервые исполнила танец кагура в одиночку перед зрителями. Лоснящееся черно-белое перышко, которое она нашла в парке в Шионе после торжественного обеда с другими мико – тот день был наполнен смехом и солнечным светом. Единственная ракушка из путешествия к великому храму; он располагался на берегу океана, и во время прилива деревянные настилы плескались мягкие волны, а при отливе вдаль простирался бесконечный пляж.

Впрочем, самой драгоценной вещью для Эми был дневник. Она погладила его кожаную обложку пальцами, зная каждую трещинку, каждую выпуклость. Эми записывала в него каждый день с тех пор, как ей исполнилось восемь, – хотя бы парой строк. Скоро ее жизнь полностью изменится, станет совсем иной, новой. И Эми не хотела забыть, кем была изначально, и глупые смертные мысли, которые когда-то занимали ее дни. Важно помнить свои истоки.

Эми пролистнула дневник и открыла самую первую запись – с пометкой «21 декабря».

Вчера было зимнее солнцестояние. Мне приснилась заснеженная поляна в лесу. А там – красивая женщина с темно-каштановыми волосами до самой земли и такими добрыми глазами, каких я ни у кого не видела. Она улыбнулась и опустила ладонь мне на макушку. Я еще никогда не была так счастлива, как в этом сне.

А утром я проснулась и увидела у себя на груди ее знак, прямо над сердцем. Она меня избрала. Избрала.

Самый счастливый день жизни Эми. Самый важный, решающий миг.

И его превзойдет тот, что наступит через два месяца – зимнее солнцестояние спустя ровно десять лет. От одной лишь мысли внутри все сжалось от предвкушения. А следом тут же забурчал пустой желудок. Эми захлопнула дневник, сунула его в шкатулку и спрятала ее обратно в чемодан, решив найти укромное местечко для своих сокровищ попозже.

Поднявшись на ноги, она пересекла спальню и сдвинула дверь. За деревянным настилом, в мягком свечении окон, кружил снег. Эми неуверенно шагнула вдоль дома. Остальные жилые помещения, должно быть, располагались в его центре, откуда открывался лучший вид на сад и

храм. И все-таки, почему никто не пришел?.. Солнце опустилось за горизонт час назад. Куда подевались Минору и Катсуо? Неужели так быстро оставили свои обязанности стражей?

Эми глянула на пруд и тут же перевела взгляд обратно на дом. Не стоит переживать, какие могут быть опасности на священной земле. Это уж как-то слишком, верно? Порыв ветра обжег кожу холодом, и она спрятала ладони в рукава.

Из ближних дверей, раздвинутых буквально на считанные дюймы, лился свет. Донеслись голоса – неспешная, хриплая речь Фуджимото и отрывистые фразы Нанако. Эми уловила запах мисо-супа и, сглотнув слюну, поспешила к дверям.

Но стоило ей протянуть к ним руку, как в нос ударила вонь горелого масла. Эми в нерешительности отпрянула.

– ...не бросил бы плиту, не пришлось бы переживать, что «госпожа» оскорбится.

До двери оставалось всего ничего, и резкие слова Нанако раздавались предельно четко. Вздвогнув, Эми снова отступила на шаг.

Голос Фуджимото прозвучал еще громче – каннуши стоял прямо за дверью:

– Отошел всего-то на минутку...

– А я и просила тебя последить всего-то минутку! – рявкнула Нанако. – Если ты так хотел впечатлить принцесску изысканным блюдом, то уж постарался бы подождать хоть тридцать секунд!

Фуджимото что-то пролепетал.

– И зачем ты только согласился? – Звякнули тарелки, сильнее запахло горелым. – У нас два фестиваля на носу и до зимы надо закончить ремонт крыши. И вот уж чего нам не хватало, так это семь недель нянчить дражайшую мико из Шиона. Она им настолько надоела, что они еще пару жалких месяцев потерпеть не могут?

– В Шионе для нее слишком опасно. Ты же знаешь, что случилось три года назад. – Фуджимото смущенно кашлянул. – Осталось лишь два месяца, и раз уж нам поручили заботу о ней, Шион великодушно предложил помощь с ремонтом крыши и не только, дабы отплатить нам за гостеприимство и...

– То есть тебя подкупили, – перебила его Нанако и грохнула чем-то вроде сковородки о плиту. – Не нужны нам их деньги.

– Дело не только в деньгах, – чуть ли не заныл Фуджимото и откашлялся. – Принимать камигакари – это честь. Первая камигакари за сотню лет, Нанако. И она в нашем храме! Это огромная честь.

Нанако фыркнула.

– Она не первая за сотню лет. Просто первая, кто прожил достаточно долго.

Эми снова вздрогнула и попятилась.

– Мико Нанако, – заговорил Фуджимото тверже, без былой дрожи в голосе. – Не смей нас позорить. Пока камигакари здесь, ты будешь обращаться к ней со всем уважением, дабы мы получили благословение ками.

Женщина чуть ли не зарычала.

– Буду прислуживать ее испорченному высочеству по мере своих сил. И у меня получится лучше, если ты, в свою очередь, не будешь портить ее ужин. А теперь надо готовить все заново, так что выметайся из моей кухни.

Фуджимото что-то проворчал, затем донеслись шаги. Эми мигом развернулась – носки скользнули по гладким доскам – и поспешила обратно. Коридор, который вел к прихожей, был ближе ее комнаты, поэтому Эми нырнула в него и прижалась спиной к стене. В спальню не вернуться – ее двери выходят прямоком в сад, и Эми наверняка кто-нибудь да увидит. Она стиснула край длинного рукава, чувствуя, как это глупо – вот так стоять на месте. Вдобавок, даже если пробраться в комнату незамеченной, туда наверняка нагрянет Фуджимото с извине-

ниями за поздний ужин. Решив избавиться себя от подобного общения, Эми прошла к двери, надела сандалии и выскользнула наружу.

Легкие тут же наполнились морозным воздухом. Эми вдруг ощутила укол унижения, готового вот-вот закрасться в душу, но лишь отмахнулась от него. Не ее вина, что в Шионе слишком опасно. И что последние три года ее через каждые шесть месяцев перевозят из одного крошечного, ничем не примечательного храма в другой. Не вина Эми, что Шиону приходится подкупать эти храмы, чтобы ее приютили, словно она какая-то грязная попрошайка. Как говорил Фуджимото: принимать ее – честь! Да, есть небольшая загвоздка, ведь с Эми обязательно прибывают и двое сохэев. Поэтому Шион и возмещает храмам убытки, что вполне естественно. Верно?

Да и то, что ее так невзлюбила Нанако, тоже не вина Эми. Она не нравилась многим мико. Изначально ведь шанс был у любой из них. Может, Нанако тоже каждую ночь молилась, чтобы стать избранной. Однако выбор kami пал на Эми, а Нанако всю жизнь так и будет лишь самой обычной мико в захудалом, всеми забытом храме при маленьком городке среди гор.

Вздохнув, Эми бесцельно зашагала по мощеной дорожке – обогнула дом, миновала сад и вышла напрямик... к мосту.

Ну и, разумеется, замерла на приличном расстоянии, дрожа в снегу и жалея, что слишком уж легко оделась для такой прогулки. Хотя, вообще-то, она и не собиралась гулять. Нервно пригладив волосы, Эми уставилась на ни в чем не повинный маленький мостик. Дюжина футов, не более. Пересечь его – секундное дело. Да и пруд наверняка совсем мелкий.

Три года назад мост был ненамного длинней. Да и ручей не был особенно глубоким.

Эми, зажмурившись, медленно вдохнула и выдохнула облачко пара, потом еще и еще. На восьмой раз она наконец двинулась вперед – осторожно и в то же время решительно. Тук, тук, тук – застучали сандалии по доскам.

Сердце колотилось, страх рос с каждым шагом. Последние пару футов Эми и вовсе преодолела прыжком, взмахнув руками, и неловко приземлилась на дорожку. Пруд остался позади и, казалось, молчаливо дразнил своей безмятежностью.

Ну, что ж, Эми прошла по мосту и даже не выставила себя полной дурочкой. Прогресс. Расправив хакама и встряхнув рукава кимоно, Эми чинно сцепила замерзшие руки и направилась во внутренний двор. Этот храм, как и многие другие, состоял из нескольких построек: крытый фонтанчик для омовения перед молитвой, подмостки для представлений и фестивалей, зал, где можно обратиться к kami, и святилище – маленькое сооружение, где сосредотачивалась сила kami. В столь заветное место имел право входить лишь каннуши.

А еще – пусть Эми их сейчас и не было видно – на территории находились хозяйственные помещения и пара кладовых для церемониальных принадлежностей и книг. Владения более крупных храмов включали в себя жилье для мико и для тех, кто только готовится к этой роли. При таких местах служили несколько каннуши. Иногда там даже обучали сохэев. В Шионе, например, было все это и даже больше.

На полпути к фонтанчику Эми вдруг поняла, что она не одна. Перед главным святилищем, в свете бумажных фонариков, замерли две девочки. Они глазели на храм, дрожа на ветру, – голые ножки, видневшиеся из-под серых школьных юбок в складку, побелели от холода.

Одна из девочек наклонилась к другой.

– И что теперь делать? – шепотом спросила она. В мертвой тишине двора ее тихий голос было слышно так хорошо, словно она кричала.

Эми сдержала улыбку и, сменив направление, зашагала к девочкам. Те обернулись – лет четырнадцать-пятнадцать, судя по лицам, обе с модными стрижками каре и высветленными прядями.

Эми поклонилась.

– Могу я вам помочь?

– М-м... – Девочки переглянулись. – Да, пожалуйста...

– Вы очистили руки и рот водой из фонтанчика?

Они серьезно кивнули.

Эми обернулась к храму. Полдюжины ступеней вели к широкой платформе, где прихожан ждал деревянный ящичек для пожертвований. Между колоннами, которые поддерживали выступающую крышу, висела толстая плетеная веревка, украшенная бумажными лентами. За ящичком возвышались двери, закрытые от внешнего мира.

Перед ступенями по обе стороны стояли две статуи кома-ину – близнецы-стражи храма. Каменные псы, похожие на львов, зеркально отражали друг друга за исключением одной детали: пасть правого была закрыта, а левого – открыта. Эми нравились кома-ину; она считала их верными защитниками от зла.

Улыбнувшись девочкам, Эми провела их между статуями к ящичку для пожертвований, над которым покачивалась еще одна веревка, но уже тонкая – она крепилась к языку округлого колокола, подвешенного к балке крыши.

– Омовение рук и рта символизирует очищение духа, – пояснила Эми. – Теперь, когда вы чисты и разумом, и телом, вам дозволено обратиться к ками. Если можете, оставьте подношение, а потом позвоните в колокол, дабы привлечь внимание ками.

Одна из девочек порылась в кармане и, достав монетку, опустила ее в прорезь ящичка, а потом нерешительно потянула за веревку. Колокол звякнул – ужасно немелодично. Эми понадеялась, что во время ремонта Фуджимото сменит его на какой-нибудь получше.

– Встаньте лицом к храму и дважды поклонитесь.

Эми проделала то, что сказала. Девочки повторили за ней.

– Далее дважды хлопните в ладоши. Это помогает удостовериться, что ками точно обратили внимание – ведь они слушают и множество других молитв.

Так как сама Эми не подходила к фонтанчику, хлопать в ладоши она не стала.

– А теперь закройте глаза и мысленно поведайте ками свою просьбу. Закончив, поклонитесь еще раз, дабы поблагодарить ками за внимание.

Девочки опустили головы и зажмурились, напряженно сморщив лбы. Что бы ни привело этих девочек молиться в храм – где они раньше явно бывали разве что на празднествах, – это явно было для них очень важным.

Поклонились они почти одновременно.

– Спасибо, – сказала та, что была повыше ростом. – А ты... ты правда думаешь, что ками услышит?

– Ками всегда слышит, – со всей серьезностью ответила Эми. – Хоть она и не всегда отвечает.

– Она?..

Эми указала на раскрашенную деревянную табличку над дверями зала. Широкие мазки изображали женщину со струящимися каштановыми волосами; ее роскошное многослойное кимоно развевалось на ветру.

– Это храм Аматаэрасу, одной из четырех амацуками – великих небесных ками. Она самая добрая и заботливая. Если ваши желания исходят от чистого сердца – уверена, она уделит им внимание.

– Добрая?.. – пробормотала вторая девочка. – Наверное, лучше было помолиться в храме воинственного ками.

Эми улыбнулась.

– Ками подобны луне: у них есть как светлая сторона, как и темная. Аматаэрасу проще расположить, чем навлечь ее гнев, однако она отнюдь не слаба.

– А может, гнев все-таки не помешал бы, – свирепо произнесла девочка ростом пониже. – А Сусаноо? Дедушка рассказывал, что молился ему, ведь он ками грома и штормов. Звучит круче.

– Сусаноо – куницуками, – пояснила Эми. – Он скорее земной ёкай, нежели небесный ками. Можешь помолиться и ему, но...

– Но что? – вскинула брови та, что повыше.

– Но...

Эми не хотела лгать. Ёкаи тоже, по сути, являлись ками – как и все обитатели мира духов, и неважно, принадлежали они небесам или же земному царству. И те, и другие считались в равной степени способными как пестовать, так и разрушать, как проклинать, так и благословлять. Однако мнения о ёкаях зачастую были предвзятыми – и опыт самой Эми это лишь подтверждал.

– Ёкаи таковы, что если ты и получишь от них ответ, то... он может не так уж тебе понравиться, – запнувшись, договорила она.

– Хм... – Та, что повыше, окинула Эми взглядом. – Ты ведь мико, да? Не помню тебя на летнем фестивале.

– Мы не могли тебя не заметить, с такими-то волосами, – со смехом добавила вторая девочка. – Длиннющими!

Эми застенчиво коснулась виска. Ее черные волосы ниспадали до самых бедер, аккуратно стянутые у затылка белой лентой.

– Я только сегодня приехала. Пробуду здесь пару месяцев.

– Добро пожаловать в Кириобару! – прощепетала высокая девочка, имея в виду город, который располагался на милю южнее. – Я подрабатываю в кафе-мороженом, рядом с бакалейным магазином. Заходи в гости, дам тебе бесплатный рожок.

– О, – Эми моргнула и помедлила. – Благодарю. Очень мило с твоей стороны.

– Нам уже пора. Мой папа ждет в машине. – Высокая девочка подмигнула. – Может, завтра на мои молитвы ответят и Ясу наконец-то предложит мне встречаться.

И девочки, поспешив прочь, пролетели через тории без малейшего поклона. Эми уставилась им вслед. Значит, они так серьезно молились... о парне? А она-то думала, что о заболевшем близком человеке или, на худой конец, об успешной сдаче важного экзамена.

Покачав головой, Эми глянула на храм. Некогда она и сама жаждала внимания юноши – однако ни за что бы не стала о подобном молиться. Какая пустая трата времени ками.

Эми развернулась и... увидела, что за ней наблюдает стоящий рядом Катуо. Как будто его призвали ее мысли.

Она взвизгнула и отшатнулась, едва не запнувшись о край своих хакама.

– Катуо! Не подкрадывайся так!

– Я и не подкрадывался. Просто подошел.

Эми хмуро на него уставилась. Облачен он был в типичную для сохэя храма Аматаэрасу одежду – темно-фиолетовые хакама и косодэ с длинным рукавом. Длинное, безрукавное хаори, надетое поверх и еще более темное, при движении задевало краями снег; полы придерживал украшенный бусинами пояс. На бедре виднелась рукоять катаны.

– Меня прислал каннуши Фуджимото, – продолжил Катуо исключительно вежливым тоном, однако взгляд его при этом безостановочно выискивал что-то в лице Эми. – Ужин готов.

– А... Хорошо.

– Э-э... – Катуо, замаявшись, откинул волосы со лба. – Эми, я просто хотел... то есть, э-э, моя госпожа...

– Можно и просто Эми, – еле слышно произнесла она. Катуо вновь всколыхнул в ней бурю чувств.

– Эми... – Его улыбка тут же померкла. – Я... я понимаю, как ты поразилась, когда увидела меня вновь. Я не знал, что тебя не предупредили о моем назначении в... Кхм. Просто хотел...

– Мне... мне надо помолиться перед ужином, – выпалила Эми. – Прошу меня простить.

И она пронеслась мимо изменившегося в лице Катсуо. Из полого стебля бамбука в фонтанчик непрерывно текла струйка ледяной воды, и Эми набрала ее в специальный длинный черпак. Оросив сперва левую руку, затем правую, она налила немного в ладонь и сделала глоток. Потом Эми вернула черпак на место и вновь поднялась по ступенькам. Катсуо, так и не пошевелившись, наблюдал за ней с непроницаемым выражением лица.

Позвонить в колокол. Дважды поклониться. Дважды хлопнуть в ладони. Эми сложила руки и, закрыв глаза, склонила голову.

«Аматэрасу, прошу, помоги мне пережить эти два месяца. Мы уже почти у цели. Благодарю тебя за защиту. И, как всегда, за то, что ты избрала меня».

Эми чуть было не попросила kami помочь ей еще и с Фуджимото и Нанако – и, может, с Катсуо тоже, – но решила, что разобраться с обитателями храма должна самостоятельно. Пусть лучше Аматэрасу хранит ее всеми силами, которые сможет ей уделить.

«Просто первая, кто прожил достаточно долго...»

Поморщившись, Эми отогнала едкие слова Нанако прочь. Спустя почти десять лет осталось преодолеть всего-то семь недель, и после ей не будет грозить уже никакая опасность – ни обыденная, ни сверхъестественная.

Эми вдруг ощутила чужое присутствие. Ласковое тепло окутало ее сердце, растеклось по груди, по коже. Шепот Аматэрасу легонько коснулся ее разума, пульсируя бессловесным посланием. И все же она чувствовала его значение:

Специальность. Предупреждение. Осторожность.

Она оцепенела. Ощущение задержалось на несколько мгновений, а затем угасло, и Эми осталась одна. Секунды летели, но оно так и не вернулось. Эми выдохнула, поклонилась и, выпрямившись, опустила руки. За последние десять лет она ощущала присутствие kami один-два раза в год, однако столь сильным оно оказалось впервые. И раньше Аматэрасу никогда не пыталась ее предупредить. Да и о чем?.. Быть осторожной вообще или ждать беды от чего-то – или кого-то – конкретно?

Эми спустилась по ступенькам; Катсуо по-прежнему стоял на месте. С неба, приглушая все звуки, сыпался снег. Из-за тишины Эми чудилось, что некто невидимый вслушивается, надеясь, что она или Катсуо заговорит. Может, ей просто до сих пор не по себе от предупреждения Аматэрасу.

Катсуо следил за Эми, теребя рукоять меча.

– Тебя уже провели по землям храма?

Вопрос прозвучал натянуто – Катсуо явно хотел узнать нечто иное.

Она опустила глаза.

– Еще нет.

– Сейчас поздно... да и мико Нанако с меня шкуру спустит, если мы задержимся еще дольше... но я могу показать тебе окрестности завтра.

Эми сжала губы, боясь поднять взгляд. Она не хотела проводить с Катсуо время, однако о таком никак не скажешь вежливо. Должно быть, воспоминания не терзали его так, как они мучили ее. Он не слышал последний крик Ханы. Не смотрел ей в глаза, не видел в них пробирающий до самой души ужас за мгновение до того, как девушка исчезла в бурлящем потоке воды.

Не чувствовал, как отчаянно цепляющаяся ладонь выskalывает из онемевших пальцев.

– Не стоит заставлять мико Нанако ждать, – произнесла Эми, вновь надевая свою маску спокойствия.

Катсуо задержал на ней взгляд – она ощутила его тяжестью на своих плечах, – но затем направился обратно. У моста он хотел было пойти рядом с Эми, однако она решительно шагнула вперед, уставившись на сад и светящиеся окна дома. Чуть-чуть пошатнулась – споткнувшись о доску на середине пути – и даже не запаниковала. Уже определенно лучше. Эми поверила, что справится.

Когда она почти преодолела мост, тишину взорвал плеск воды.

Сердце бешено заколотилось от ужаса; Эми подскочила, словно перепуганный заяц, и приземлилась на покрытую снегом мощеную дорожку, отчего ноги тут же разъехались. Земля резко стала ближе.

Сильные руки обхватили Эми за талию и рывком поставили вертикально. Катсуо держал ее, тепло его тела обжигало ей спину огнем – но все это продлилось лишь одно мгновение.

К тому времени, как Эми сообразила, что же стряслось, он отпустил ее и, попятившись, низко поклонился.

– Простите, моя госпожа, – проговорил Катсуо, не выпрямляясь.

– Что... что это было?!

– Из воды выпрыгнул кои. Заверяю, вы в полной безопасности.

Кои?.. Эми глянула на пруд. Сердце по-прежнему колотилось. Какого же размера должна быть рыба, чтобы так громко плескаться?.. Щеки запылали. Как унижительно – паниковать из-за обычного карпа! Эми снова посмотрела на Катсуо, который так и продолжал стоять, согнувшись в поклоне. Хотя он и был ее стражем, ему тоже, как и Фуджимото, запрещалось к ней прикасаться – за исключением крайней необходимости. Кои таковой не считался, а вот неминуемое падение на камни – вполне.

– Все в порядке, Катсуо, – быстро произнесла Эми и, стараясь выглядеть как можно достойнее, взмахом ладони позволила ему подняться. – Спасибо, что поймал меня. Впредь буду осторожнее.

Катсуо выпрямился и сверкнул очаровательно смущенной улыбкой, слегка покраснев.

Эми закусила щеку изнутри и поспешила к дому, не зная, что еще сказать. Ей вдруг захотелось поскорее предстать перед ледяным взглядом Нанако и выслушать ее резкие речи. Насмешки мико дадут ей почву для размышлений, и времени на мысли о Катсуо станет куда меньше.

Насколько это сложно – избегать стража, чей долг хранить ее от малейшей напасти в течение всего дня?..

Плечи Эми поникли. Следующие два месяца будут очень долгими.

Глава 3

Эми стиснула зубы. Ну и как в таком шуме медитировать?!

Раздался оглушительный лязг стали, затем мужской смех. Опять звон, ворчание, лязг, лязг, удар. Эми чуть было не приоткрыла глаза, но тут же зажмурила их крепче, словно это могло оградить от звуков. Мышцы бедер свело от напряжения, и она поерзала на подушке, не выпрямляя ног.

Звяк, звяк, бух.

– О-о-о! – завопил Катсуо на порядок громче необходимого. – Это было подло, Минору!

– Ты просто проморгал.

Эми распахнула глаза. Поднявшись, расправила складки хакама – все-таки вчера она сложила их не так ровно, как думала. Затем достала из шкафа и надела тяжелое, плотное хаори для прогулок. Закинув хвост на плечо, Эми пригладила волосы ладонями и глубоко вздохнула. Только убедившись в своей способности не сорваться на крик, Эми сдвинула дверь и шагнула на деревянный настил.

Сад был залит ярким солнечным светом, мерцавшим на тонком слое снега. Радуюсь, что воздух не такой морозный, как вчера, Эми свернула к выходу, у которого оставила сандалии. Здесь звон слышался еще громче. Деревья с покрытыми инеем алыми и золотыми листьями отделяли сражающихся сохэев от дома и, видимо, создавали им впечатление, что шум ее не побеспокоит – в чем она намеревалась их полностью разуверить.

Эми зашагала по дорожке, уже планируя речь, как вдруг услышала тихое хихиканье. Она хмуро повернулась. В кустах, совсем недалеко, мелькнуло что-то красное.

Сердце рухнуло в пятки, затем все же включилась логика. Опасный ёкай не смог бы проникнуть в храм ками, тем более – амацуками. А даже если это и ёкай, то вряд ли он стал бы носить ярко-красную одежду и хихикать как школьница. Впрочем... мог бы, конечно, но вряд ли.

Эми сошла с дорожки. За кустами прятались две девчонки в форме мико. Они не сводили глаз с той самой поляны за деревьями, которую было прекрасно видно из их укрытия. Катсуо низко держал катану и усмехался, а старший сохэй, Минору, небрежно перебрасывал из руки в руку свой увенчанный лезвием посох. История сражения была написана на земле четкими следами в снегу.

Минору принял более удобную стойку и направил лезвие в сторону соперника, но вдруг заметил Эми.

– Доброе утро, госпожа! – коротко поклонился он, подняв посох.

Катсуо оглянулся и тут же встал ровно.

– Эми! – воскликнул он, раскрасневшийся то ли от сражения, то ли вновь от смущения. – Что ты здесь делаешь?

Минору хмуро уставился на младшего сохэя. Эми моргнула, не зная, что ответить, и глянула вниз, на незнакомок, не сдвинувшихся с места. Повисло неловкое молчание.

Звонко рассмеявшись, старшая из девчонок вскочила на ноги. Оба сохэя вздрогнули от удивления. Девчонка радостно помахала им одной рукой, а другой обхватила Эми за плечи.

– О, Катсуо! Минору! Доброе утро! А мы тут показываем госпоже окрестности.

Девчонка стиснула Эми крепче и одарила сияющей улыбкой, в которой явно читалось: «Ты нас выдала, так что давай-ка лучше подыгрывай». Вторая девочка поднялась следом, вся пунцовая.

Первая, не выпуская Эми из плена, широко взмахнула ладонью.

– Дом уже посмотрели, теперь покажем конюшню. Нравятся лошади? У нас их четыре: три кобылки и мерин.

Продолжая болтать о лошадях, она потащила Эми обратно к дорожке. Вторая девочка поплелась за ними, не поднимая взгляда. Катсуо и Минору молча смотрели им вслед. Прилипшая к Эми девчонка громко разглагольствовала до тех пор, пока сохэи не остались прилично позади. Спустя минуту вновь донесся звон оружия.

Девчонка наконец убрала руку с плеч Эми и закатила глаза с такой силой, что ее голова дернулась назад.

– И вот надо ж было тебе так подойти! Они ведь понятия не имели, что мы подглядывали, пока ты не решила постоять на виду.

– Я не понимала, что вы делаете, пока Минору меня не заметил, – то ли попыталась оправдаться, то ли признала свою вину Эми.

– Теперь придется искать новый способ за ними следить, – девчонка хмыкнула и, не замедляя шага, устремилась вперед по тропинке от дома на север. – Я, кстати, Рина. А это – Юи.

Она указала через плечо на свою напарницу – та безмолвно пялилась на Эми. Толстые очки увеличивали глаза Юи, делая ее взгляд еще более странным. Волосы у нее были до плеч – длины едва хватало, чтобы собирать их в положенный мико хвост, – а крошечная фигурка терялась в широких рукавах белого кимоно и просторных красных хакама.

– Когда ты приехала, мы были в школе, а потом Нанако запретила нам приходить на твой первый ужин здесь. – Снова закатив глаза, Рина заправила длинную челку за ухо. – Кто знает почему. Ее бесит, даже когда ветер дует не в ту сторону.

Судя по всему, Нанако вела себя грубо не только с Эми.

– Рада знакомству, – произнесла Эми, пользуясь первой паузой в болтовне девочки. – Я...

– Кимура Эми, – радостно перебила ее Рина. – Камигакари Аматаэрасу, амацуками ветра, вестницы радости и весны, повелительницы вихрей и бурь. Мы знаем. Знали еще до того, как каннуши Фуджимото объявил, что ты останешься здесь до церемонии. Твое имя известно всем мико во всех храмах Аматаэрасу.

Сзади донесся тихий голосок. Рина остановилась и фыркнула.

– Говори громче, Юи! Хватит шептать, тебя вообще не слышно.

Юи сцепила руки.

– А у тебя правда есть метка ками? – спросила она чуточку отчетливее.

Эми кивнула и прижала ладонь к груди.

– Да. Она появилась, когда мне было восемь лет, наутро после зимнего солнцестояния.

– А можно посмотреть? – засветилась от любопытства Рина.

– П-посмотреть? – изумилась Эми. О таком ее еще никто не просил. Разве Рина не заметила, что она и так жестом обозначила место – ровно над ложбинкой груди? – Она... э-э... не там, где можно... то есть было бы неуместно...

– Забей, – отмахнулась Рина и пошла дальше. – И каково это – быть камигакари? Могу поспорить, что легкотня, а? Тебя-то никто не заставляет работать, для этого ты слишком важная.

Эми неохотно зашагала за ней. Над тропинкой нависли раскидистые кроны деревьев, за которыми уже не ухаживали так, как в саду. Дом скрылся из виду, а ни один из сохэев так и не отправился следом. Вот тебе и стражи...

– Долго ли еще идти? – спросила Эми. – Конюшня ведь на землях храма?

– Конечно, – беспечно отозвалась Рина. – Прямо за поворотом. Знаю, тебе нельзя уходить с земель храма без сохэев.

Она резко свернула влево. Лес кончился, и за ним обнаружилась огороженная лужайка с простенькой конюшней. Присыпанную снегом траву щипали четыре лошади – две бурых, гнедая с темными чулками и черным храпом и, наконец, вороная с одним белым носком. Гнедая подняла голову и заржала; остальные невозмутимо продолжали жевать.

Рина подошла к деревянной ограде, а затем, прислонившись к ней спиной, устроила локти на верхней перекладине и усмехнулась.

– Так что, мисс камигакари, каково это – быть тобой?

Эми чуть не скорчила гримасу. Она-то надеялась, что Рина уже позабыла об этом вопросе.

– Почти как быть мико, но куда больше... ограничений.

– Вряд ли ограничения так уж плохи. – Рина пнула траву. – Тебя же вечно балуют, да? Красивые сохэи на побегушках, плюс всю работу выполняют другие мико, раз тебе нельзя напрягаться и рисковать здоровьем. Да брось. Как по мне – звучит очень даже круто.

Стараясь не хмуриться, Эми глянула на лошадей. Гнедая вернулась к трапезе, не обращая внимания на снег. Впрочем, становилось теплее, и к обеду он должен был растаять.

– Да, наверное, есть и свои преимущества, – пробормотала Эми.

– Камигакари надлежит хранить чистоту, – шепнула Юи, сцепив руки, – дабы получить силу и дух ками. Дважды в день омыться, медитировать до и после сна, есть лишь здоровую пищу, пить лишь очищенную воду. Камигакари должна сохранять непорочным как дух, так и тело, и прогонять злые, нечистые мысли и желания.

– Что, опять учебники зубрила? – буркнула Рина, глянув на Юи, а потом ухмыльнулась. – Нечистые желания, м-м? Значит, не стоит нам звать тебя подглядывать за сохэями. Они здесь всего неделю, а тренируются по два раза в день.

Эми вздрогнула; давние воспоминания всколыхнулись, стремясь прорваться наружу. Нет, она не станет снова по кустам и подглядывать за тренировками сохэев. Однажды она уже допустила эту ошибку. Больше – никогда.

– погоди, – задумчиво произнесла Рина. – То есть поэтому посланник из Шиона так носился с тем, что к тебе могут прикасаться только мико? – изумилась она с придыханием. – Мужчинам нельзя? Совсем-совсем?

Эми снова вздрогнула.

– Тебе запрещено прикасаться к парням? Seriously? погоди... значит, тебя никогда не целовали?

Не зная, как свернуть с этой темы, Эми покачала головой. Разумеется, ее никогда не целовали. Невинное, необходимое касание – например, когда Катсуо ее поймал, – считалось приемлемым. Понятно, что мужчина не осквернит камигакари кратким, безобидным соприкосновением, однако такое правило было необходимо, дабы уберечь ее чистоту.

Рина звонко хохотнула.

– Поверить не могу! Тебе сколько, восемнадцать? И ты ни разу не целовалась!

Сквозь смущение чуть не прорвалась вскипевшая злость. Необходимые ограничения и жертвы, которые требовались от камигакари, – вовсе не шутки. Эми коротко поклонилась.

– Спасибо, что показали конюшню. Мне нужно вернуться в дом. Я еще не закончила утреннюю медитацию.

– Прости, прости! – тут же пискнула Рина совершенно неизвиняющимся тоном. – Меня иногда заносит. Пойдем обратно. – Она пробежала вперед и остановилась, дожидаясь остальных. – Посланник кучу раз повторил, что ты должна оставаться при храме и не выходить за его пределы без обоих сохэев. Ты и правда в опасности не на священной земле?

– Это предосторожность, – пояснила Эми, понимая, что поток вопросов не остановится, пока она не избавится от общества Риной. – Сохэи сопровождали меня в школу и обратно, пока я не окончила ее этим летом, и проблем никогда не возникало.

– Но однажды на тебя напал ёкай, так? – поинтересовалась Рина. – Несколько лет назад, в парке рядом с храмом. И тогда мико умерла, да? А как выглядел тот ёкай? – добавила она из-за страшного любопытства чуть ли не шепотом.

Эми застыла посреди тропы, расправив плечи и сцепив дрожащие руки.

– Мико Рина! – произнесла она как можно более властно. – В тот день погибла невинная девочка. Пожалуйста, прояви к ней уважение. Ей было всего пятнадцать, она умерла трагично и бессмысленно. Прошу тебя, помолись, чтобы ее душа обрела покой, а семья – утешение, и не думай о гнусных подробностях ее смерти.

Юи послушно сложила ладони в молитве, но Рина не шелохнулась. Она без тени былой улыбки уставилась на Эми, сощутив глаза. Та выдерживала ее взгляд, пока Рина его наконец не отвела.

Не говоря больше ни слова, Эми ушла прочь, к дому. Она держала себя в руках железной хваткой, не позволяя ни единой трещине проявиться на маске спокойствия. А в голове слышала последний крик Ханы, раз за разом, пока не исчезли остальные звуки.

Пусть Хану убил ёкай, но истинными причинами того, что Эми лишилась лучшей подруги, были ее собственные слабость, глупость и эгоизм.

Глава 4

Уединившись в своей комнате, Эми попыталась успокоиться и продолжить медитацию. По крайней мере теперь было тихо. Минору и Катсуо куда-то ушли; в пределах храма они могли разве что обходить земли или проверять талисманы-офуда и прочие защитные чары. Если не случится катастрофы, ни один ёкай – по крайней мере ни один со злыми намерениями – не сумеет проникнуть на земли храма.

Эми хотела было сосредоточиться, но глаза распахнулись сами собой. Она снова их зажмурила и стиснула зубы. В ушах по-прежнему звенели слова Рины. Тактичностью эта девочка явно не блистала. Расспрашивала так, словно Эми – увлекательный повод для сплетен, а не живой человек.

Глаза вновь открылись, и Эми поймала себя на том, что смотрит в пол. Может, Рина не так уж далека от истины. Камигакари – в первую очередь именно камигакари и уж потом – человек. Чувства Эми не имели значения. Ни когда ее, восьмилетнюю, забрали из дома и стали обучать в Шионе. Ни когда отправили в частную школу для девочек и запретили заводить друзей вне храма. Ни когда после нападения ёкая ее перевозили из храма в храм.

Эми пришлось признать горькую правду: никто даже не задумывался, что она чувствует. Ее обеспечивали необходимым, но на нее саму всем было плевать. Если бы обстоятельства вынудили их отрубить ей руки, чтобы она уж точно исполнила долг камигакари, они поступили бы так без раздумий. Все решения о будущем Эми принимал гуджи Ишида – верховный кан-нуши Шиона и глава всех храмов Аматаэрасу, – и он ни разу не поинтересовался ее собственным мнением.

Оставив медитацию, Эми вытащила из чемодана шкатулку и достала дневник. Между страниц виднелся хвостик закладки – там, где вчера вечером она сделала запись о событиях минувшего дня и впечатлениях о новом храме. Эми старалась не упоминать то, из-за чего могла влипнуть в неприятности, но в иных отношениях чувства не сдерживала. Нанак бы не обрадовалась, попади этот дневник ей в руки.

Глубоко вздохнув, Эми пролистала его и остановилась на странице с фотографией. Со снимка ей улыбалась она сама, три года назад, в прекрасном кимоно всех оттенков пурпурного и с развевающимися на ветру волосами. А за ее руку цеплялась девочка в самой обычной форме мико, смеявшаяся так, что едва могла устоять ровно.

Хана была такой юной. Сияющие глаза и румяные щеки оживляли ее простоватую внешность, делали привлекательнее. Впрочем, вряд ли кто-то заметил бы рядом с Эми такую девочку – высокую, тощую, с широковатым лицом и узко посаженными глазами. Однако она знала замечательную душу Ханы, ее доброту и щедрость. Может, Эми считалась традиционной красавицей – овальное лицо, большие глаза, маленький рот с пухлыми губками, – но сама она думала, что Хана куда привлекательней.

Эми коснулась края снимка. Три дня спустя Хана погибла.

Дрожащими пальцами она перевернула несколько страниц. На них снова и снова мелькало написанное ее аккуратным почерком имя Катсуо. И всякий раз, как Эми его замечала, комок внутри нее сжимался все сильнее.

Сегодня видела Катсуо на тренировке с другими сохэями. Он мне улыбнулся.

Впервые заговорила с Катсуо. Он пожелал мне доброго утра. Надеюсь, он не заметил, как я покраснела. Он такой красивый. Хочу коснуться его волос – наверное, это странно?..

Мне кажется, Катуо – лучший мечник среди сверстников. Когда я сказала об этом Хане, она рассмеялась и спросила, как я могу так говорить, если едва могу отличить рукоять от лезвия.

Знаю, что не должна думать о мальчиках, но не могу выбросить Катуо из головы. Мы едва знакомы, и все же... постоянно задаюсь вопросом. Что, если бы я не была камигакари? Что, если бы я могла по-настоящему с ним поговорить? Коснуться его? Поцеловать?

Я не должна о таком думать, но не могу удержаться. Хана говорит, это просто влюбленность, и она пройдет, если избегать с ним встречи.

Сегодня Катуо со мной заговорил. Он назвал меня «госпожа», а я попросила обращаться ко мне «Эми». Как же стыдно! Не стоило так делать, но я не хочу быть для него «госпожой». Хочу, чтобы он видел меня, видел Эми. А не просто камигакари, как все остальные.

В иных обстоятельствах глупые подростковые записи, сделанные в переходные пятнадцать лет, заставили бы Эми закатить глаза. Но вместо этого она слотнула подкатившую к горлу тошноту и с дрожью перевернула еще одну страницу.

Хана не выдержала и отчитала меня за то, что из-за безрассудной влюбленности я рискую своим будущим. Мол, мне просто скучно, а сходиться с ума по Катуо куда интереснее, чем медитировать или учиться правилам чайной церемонии.

Хана права, я веду себя глупо. Я не смогу быть с Катуо, мне опасно даже думать о нем. Но это невыносимо.

Сегодня я услышала его разговор с другим сохэем. Завтра они собираются устроить в парке сражение на мечах. Звучит так волнующе. Уговорила Хану пойти за ними, в последний раз полюбоваться на Катуо, а потом я прекращу подстраивать встречи с ним. Придется улизнуть тайком, но парк недалеко, всего в паре миль. Думаю, Хана согласилась только для того, чтобы потом этим меня попрекать.

Эми неохотно взглянула на соседнюю страницу – пустую, за исключением лишь даты: двадцать пятое августа. В тот день рука Эми так дрожала, что буквы едва можно было разобрать. А ниже – ничего. Ни единого слова.

Она захлопнула дневник. Сунув его в шкатулку, Эми вернула ее обратно в чемодан и вытерла влажные от слез щеки. Если уж она даже не пытается медитировать, то стоит хотя бы помолиться. Эми посмотрела на маленький алтарь, который обустроила в углу комнаты сразу после того, как разложила вещи, но затем шагнула к двери. Свежий воздух и полноценный, успокаивающий ритуал помогут привести мысли в порядок.

На сей раз Эми пересекла мост без приключений – разве что немного сбилось дыхание. Во двореке храма были люди: пара средних лет молилась, на скамейке под сенью священного дерева сидела пожилая женщина, а над столом у стойки, на которой прихожане развешивали написанные на дощечках прошения, склонился молодой человек в деловом костюме.

Эми направилась напрямик к фонтанчику. Когда она закончила омовение и положила черпак на место, к ней кто-то подошел.

– Привет. Помнишь меня?

Повернувшись, Эми с удивлением увидела школьницу – ту, что вчера предлагала ей бесплатное мороженое. Сегодня девочка оделась в длинный зеленый свитер и черные легинсы, а

волосы собрала в небрежный пучок. Отсутствие на ней формы подсказало Эми день недели – суббота. Вот почему Рина и Юи оказались в храме с самого утра – в будни они наверняка приходят по вечерам на несколько часов.

Девочка смущенно улыбнулась. Эми ответила ей тем же и, кивнув на храм, спросила:

– Снова молиться?

– Э-э... ага. – Девочка быстро повернулась к фонтану.

Эми вздрогнула, когда школьница омыла руки в неправильной последовательности – это сулило неудачу, – но промолчала. Затем они вместе приблизились к главному святилищу, миновав пару, которая уже направлялась обратно к тории.

Остановившись чуть в стороне от девочки, Эми сосредоточилась на собственной молитве – ничего особенного, лишь прошение о силе и смелости. И, может, мудрости – это никогда не помешает.

Когда Эми поблагодарила kami поклоном, девочка, явно ее дожидаясь, сразу сделала то же самое. Они отошли от храма, а их место занял молодой человек в костюме. Рассчитывая, что девочка пойдет следом, Эми направилась к священному дереву – древнему дубу, раскинувшему ветви почти над всем двориком – и присела на скамейку напротив пожилой дамы, которая то ли молилась, то ли дремала.

Девочка, нервно поправив волосы, опустилась рядом.

– Я – Мияко! – выпалила она. – Можно задать тебе пару вопросов?

– Конечно. Меня зовут Эми.

Она терпеливо ждала, пока Мияко вновь заговорит, и рассматривала пруд. Юным девушкам зачастую было проще подойти к мико их возраста или около того, нежели к устрашающему пожилому каннуши, так что подобное для Эми было не впервой.

Мияко поерзала, а затем наклонилась поближе и понизила голос:

– А kami правда... есть?

Период сомнений случался в жизни почти каждой мико, но не у Эми. Ее родители преданно и искренне верили в kami, а стоило ей достигнуть возраста, когда подобные вопросы начали бы приходить ей в голову, ее избрали камигакари. Кроме того, как она могла сомневаться, если сама порой ощущала присутствие Аматаэрасу во время молитв? В памяти резко всплыло то странное предупреждение, но Эми постаралась о нем не думать.

– Хотя многие никогда не увидят ни единого знамения, – ответила она, – kami столь же реальны, сколь тепло солнца или холод зимы.

– И они отвечают на молитвы?

– Иногда... в какой-то степени. Поразит ли молния врага, если помолиться о его смерти? Выиграешь ли приз в лотерею, просто попросив об этом? Нет и нет. Kami не потакают нашим прихотям. Но если помолиться о силе, мудрости, удаче, kami могут подтолкнуть в нужном направлении. А если их оскорбить – то в противоположном.

Мияко сморщила лоб.

– А откуда ты это знаешь? Они отвечали на твои молитвы?

– Да.

– Хм... – Уточнять, что это были за молитвы, Мияко не стала. – А ты говорила, что есть и другие kami...

Эми села поудобнее, откинувшись на спинку скамейки.

– Существует два вида духов: kami и ёкаи. Первые обитают в небесном мире, отличном от нашего. Самых сильных среди kami называют амацуками. Четверо из них правят небесами и остальными. Здешний храм посвящен Аматаэрасу, амацуками ветра. Другие – это Изанаги, амацуками неба и главнейший повелитель всех kami, его сестра Изанами, амацуками земли, и Цукиёми, амацуками воды, брат Аматаэрасу.

– Земля и небо, ветер и вода... – пробормотала Мияко. – А ёкаи? Они типа демоны, да? Все знают сказки про плута-тануки и каппу, топящего детей.

При упоминании каппы Эми вздрогнула.

– Ёкаи – духи, а не демоны. Ками земного царства. Мы живем с ними в одном мире, из-за чего у нас больше возможностей досадить ёкаю, нежели ками, поэтому о духах столько историй.

По мнению Эми – вполне оправданных.

Ёкаи жили отчасти в мире людей и отчасти в собственном царстве духов. Как и небесными духами ками, ими правили четыре самых могущественных ёкая – куницуками. Их повелителем был Сарутахико, властвующий над горами. Его жена Узумэ господствовала над лесом. Завершали четверку Сусаноо, куницуками штормов, и Инари, куницуками огня.

Ками могли направить свою силу в мир людей через священный предмет – шинтай – или наделить ею смертного, а вот ёкаям такие ухищрения были незачем. Куницуками бродили где-то по той же земле, что и Эми, дышали тем же воздухом. Мысль об этом вызывала в ней тревогу.

Мияко задумчиво постучала пальцем по губам.

– Ёкаи тебе не по душе, да?

Раздраженная своей неспособностью скрыть чувства, Эми покачала головой.

– Ками и ёкаи – оммё, – пояснила она, имея в виду инь и ян – равновесие между противоположностями, такими как небо и земля, тьма и свет, добро и зло. В равновесии находились даже стихии. Существовало оно как между самими амацуками, так между ними и куницуками, поэтому мир оставался в гармонии. – Они одновременно и подобия, и противоположности друг друга, никто не лучше и не хуже. Но у меня... случились неприятности.

– Ох... – выражение лица Мияко смягчилось. – Что стряслось?

Искренняя тревога и сочувствие в ее глазах сломали стены, которые возвела вокруг себя Эми, так легко, как было не дано чрезмерному любопытству Рины. Эми не хотела делиться столь личными, страшными воспоминаниями с незнакомкой, но теперь, с прибытием в этот храм, они всколыхнулись и отравляли ее, словно яд в крови. Может, после разговора станет легче. Да и с кем ей таким делиться? Лучше уж незнакомка, чем тот, кого придется видеть каждый день еще два месяца.

– Несколько лет назад мы с лучшей подругой гуляли по парку, – пробормотала Эми. Гуляли... Прозвучало так просто, легко. Она не хотела рассказывать, как долго и мучительно они пытались улизнуть из храма. – Мы шли следом за парнями. Я... я влюбилась в одного из них. Мы старались не попадаться им на глаза и сильно отстали. А потом заблудились. Не помню, что именно меня испугало, но по коже пробежали мурашки, а волосы встали дыбом. – Эми уставилась на пруд невидящими глазами. – За нами что-то следило. Я схватила Хану за руку, и мы бросились обратно. Нашли тропу, бросились вперед изо всех сил. Тории храма были уже совсем близко, на другой стороне ручья. Оставалось только перейти мост – и всё.

Перед глазами Эми заплесали темно-зеленые лесные тени. Из-за недавних дождей ручей бурлил мутной водой.

– Я вбежала на мост. Хана следовала за мной, но поскользнулась в грязи перед ним и упала. Ее ноги попали в воду. Буквально одни ступни. Я ринулась к ней. Что-то схватило Хану за лодыжку и дернуло. Я свесилась с моста и поймала ее за руку. Хана кричала. Существо пыталось утащить ее под воду, а я – удержать, но оно было таким сильным...

Лицо Мияко исказил ужас, но Эми этого почти не видела. В ее ушах звенели крики Ханы.

– Из воды выпрыгнул второй ёкай и напал уже на меня, – прошептала Эми. Размером с ребенка, но коренастый, с голубовато-зеленой кожей, перепонками между пальцами, совершенно лысой головой и клыками, которые блеснули, как только он кровожадно ухмыльнулся.

Эми не запомнила иных черт, кроме этой ухмылки. – Он вцепился мне в ноги, а потом стянул с моста. Не знаю как, но я так и не выпустила перила одной рукой, а другой крепко держала Хану.

Боли она не замечала тогда и не могла вспомнить сейчас, хотя не могла ее не испытывать. Кривые когти ёкая впивались ей в лодыжки, в пальцах оставались занозы от деревянных перил. За руку отчаянно цеплялась Хана, пока другой ёкай тащил ее на дно ручья. Хана захлебывалась грязной водой, едва удерживая голову на поверхности, и постоянно кричала, звала Эми.

Она помнила момент, когда осознала, что они обе умрут. Помнила, как смотрела на Хану и видела на ее лице отражение собственного ужаса.

А потом рука Ханы вдруг исчезла.

Эми с силой прикусила губу, но слезы все равно потекли по щекам. Даже сейчас она не знала. Не знала, что случилось. Ёкай дернул Хану прочь? Или она устала и невольно разжала руку? Или это Эми поняла, что вот-вот погибнет, и... отпустила руку Ханы? Неужели она позволила лучшей подруге умереть, лишь бы спастись самой?

Проверить уже невозможно, но Эми всегда будет бояться, что в глубине души знала ответ.

Считанными секундами позже на крики прибежали Катсуо с другими сохэями и бросились в воду. Ёкай отпустил Эми и скрылся в мутном потоке. Катсуо вытащил ее на берег и остался охранять, пока остальные обыскивали ручей. Спасти Хану они не успели.

– Эми?

Голос Катсуо вплеся в ее воспоминания, в его же суматошные крики, в топот окружающих. А затем она моргнула и увидела Катсуо неподалеку; он смотрел на нее и хмурился.

Охнув, Эми мигом отвернулась и спрятала лицо за рукавом. Мияко украдкой передала ей бумажный платочек.

– Кто это? – тихонько спросила она, пока Эми вытирала щеки.

– Сохэй... священник-воин. – Приведа себя в относительный порядок, Эми опустила руку и бросила на Катсуо косой взгляд. – В древние времена сохэи защищали храмы и шинтай. Легенды гласят, что когда-то они изгоняли опасных ёкаев и ограждали невинных от зла или алчущих власти ками, но теперь эта должность скорее формальна.

Катсуо вскинул бровь, но промолчал. Уж его-то обязанности никак нельзя было назвать формальными. Меч на бедре он носил вовсе не для красоты и вдобавок прятал в рукаве парутройку козырей на случай встречи с ёкаем. Как правило, в нынешнее время ёкаи досаждали только тем, кто сам к ним лез. Однако Эми была исключением.

Мияко встала и, одернув свитер, неуверенно глянула на Катсуо, словно сомневалась, стоит ли с ним заговаривать.

– Спасибо, Эми. Я хотела бы узнать больше о ками. Можно снова прийти в следующие выходные?

– Конечно, Мияко. Тебе всегда рады в храме Шираюри.

Качнув головой и еще раз смущенно глянув на Катсуо, Мияко поспешно скрылась из виду. Эми сжала губы. Как давно подошел Катсуо?.. Он и так знал почти всю историю, но услышал ли то, что Эми отправилась за ними в парк потому, что ей нравился один из парней? Мог ли догадаться, что объектом ее страсти стал он сам?..

– У тебя очень хорошо получается, – отметил Катсуо.

– Что именно?

Он махнул вслед Мияко.

– Говорить с детьми, поддерживать прихожан, рассказывать о ками.

Значит, он подслушал абсолютно все! Стоило следить за ним пристальнее. Эми поняла, что он постоянно крутится поблизости от нее.

– Не надо целый день стоять у меня над душой, – сухо произнесла она и, поднявшись со скамейки, прошла мимо. – Здесь мне ничего не грозит.

Катсуо шагнул следом, и Эми чуть было не затопала ногами – делать так она, конечно, ни за что не стала бы, но раздражение все-таки не смогла скрыть. Стоило ей ступить на мост, как сердце вновь заколотилось, и эта реакция вызвала у нее еще больше злости. Остановившись на середине моста, Эми глубоко вдохнула сквозь сжатые зубы. Когда ужас чуточку отступил, она положила ладони на гладкие деревянные перила – словно любовалась видом на пруд и сад, а вовсе не пыталась упрямо одолеть страхи.

Рядом к перилам прислонился Катсуо – то ли давая понять, что уж он-то нисколько не боится маленького безобидного мостика, то ли пытаясь поддержать Эми своим примером.

– Понимаю, что присматриваю за тобой слишком усердно, просто это место... не представляю, почему гуджи отправил тебя именно сюда, – произнес он. – Да, храм отдаленный, но как-то чересчур. На севере и западе лежат безлюдные горы, больше ничего. А ты знаешь, чем грозит дикая природа.

Эми перевела взгляд на Катсуо. Он смотрел на окутанную осенними красками вершину, которая вздымалась над верхушками деревьев. Эми действительно знала, чем грозят подобные места. Ёкаи. Раз уж для пребывания в земном мире ками были вынуждены использовать людей, то чаще всего они встречались в человеческих поселениях. А вот многие ёкаи предпочитали глухие дебри – и не жаловали непрошенных гостей.

– Я приехал сюда на неделю раньше тебя, – продолжил Катсуо, – так что успел осмотреться. Нашел след ёкаев меньше чем в десяти милях от храма. Здесь они ведут себя куда смелее. Обычно ёкаи избегают людей, особенно сохэев, но после вылазки мы с Минору увидели их следы поверх наших собственных. Они ходили за нами.

Катсуо взъерошил растрепанные волосы.

– В других местах ёкаи стали вести себя странно. В прошлый раз мне поручили разузнать про их нападения на востоке от Шиона – случаи с убитыми животными и парой пропавших детей. – Он качнул головой. – Я проверил все офуда, как только сюда прибыл. Каннуши Фуджимото поддерживает их в хорошем состоянии, так что здесь безопасно... и все-таки я беспокоюсь. Почему гуджи Ишида не отправил тебя в небольшой храм поближе к городу или где-нибудь еще, а выбрал именно этот, в кишачих ёкаями горах?

Эми стиснула перила, жалея, что остановилась на мосту, лишь бы показаться храброй. Уйти сейчас – означало признать поражение, но от мысли о горах, где полным-полно ёкаев, по коже забегали мурашки. Может, об этом Аматаэрасу и пыталась предупредить?

Эми вдруг захотелось коснуться офуда, которые девушка всегда носила в потайных карманах рукавов, но она сдержалась. Бумажные талисманы могли защитить от ёкаев, однако пользоваться ими ей еще не приходилось. Пока она на священной земле, испытывать свои способности не было нужды.

– Гуджи Ишида выбрал этот храм, – произнесла Эми, стараясь говорить спокойно, – ведь он настолько крошечный и далекий, что никто не догадается меня тут искать. И вдобавок потому, что церемония в честь солнцестояния пройдет относительно недалеко.

Катсуо дернул плечами. Эми искоса на него глянула, пытаясь увидеть его глазами Мияко. Высокий, широкоплечий – почти такой же, как в семнадцать лет, когда Эми в него влюбилась, – однако теперь она не испытывала того трепета, что раньше. Да, Катсуо был красив, но его лицо вызывало слишком много плохих воспоминаний – с ними были связаны печаль, вина и унижение.

– Церемония... – произнес он глухо. – До солнцестояния осталось меньше двух месяцев. Так мало...

Тревога вновь ожила, однако Эми уверенно улыбнулась.

– Жду его с нетерпением. Последние три года я боялась каждой тени, но после солнцестояния ёкаи будут бояться *меня*.

Катсуо смотрел на нее; в его темных глазах застыло напряжение.

– Не стоит бояться, пока я рядом. Я уберегу тебя от любого вреда.

У Эми внутри все затрепетало, словно там пустились в безумный пляс огненные бабочки. О нет, только не это! Разве она не пришла к выводу, что влюбленности давно настал конец? Эми отвела взгляд, мысленно выругавшись в адрес Катсуо.

– Я нисколько не сомневаюсь, что ты бесстрашно исполнишь свой долг, – произнесла она как можно более официальным тоном.

Посмотреть на реакцию Катуо Эми не осмелилась. Его обещание прозвучало так, словно не было продиктовано его обязанностями.

Воцарилась тишина – лишь изредка плескал пруд. Из-за главного святилища громко каркнула ворона.

– Какой будет церемония? – наконец нарушил молчание Катуо. – Каннуши о ней молчат.

– Понятия не имею. Мне тоже ничего не говорили.

– Что? – Он выпрямился. – Ты ничего не знаешь?

Эми, удивленная таким возмущением, мельком бросила на Катуо взгляд.

– Наверняка узнаю накануне.

– Но как можно держать тебя в неведении? Ты камигакари... это же твоя церемония! Ты должна знать о ней абсолютно все!

Эми пожала плечами.

– Вряд ли от меня потребуется что-то, кроме присутствия.

– Ну, а что потом? Ты знаешь, что будет?

Эми снова пожала плечами. На лице Катуо смешались потрясение и недовольство.

– И тебе даже не интересно? Это ведь твое будущее! Разве тебя не волнует, что случится дальше?

Эми шагнула к перилам и осторожно к ним прислонилась.

– Дело в том, что это не мое будущее. Я и мои желания тут ни при чем. Только Аматаэрасу и то, что ей необходимо. И неважно, знаю я подробности или нет. Изменить что-то я не могу – и не хочу. – Хмурый вид Катуо заставил ее вздохнуть. – Будущее перестало мне принадлежать с тех пор, как меня избрали камигакари. Я живу по воле Аматаэрасу, которую воплощают гуджи Ишида и другие каннуши из Шиона – пока что. В день солнцестояния ее воля станет моей, а моя – ее. И наше общее будущее мне только предстоит познать. Я не могу строить на него планы. – Голос Эми смягчился. – Вот что значит быть камигакари. Можно даже сказать, что моя жизнь принадлежит ками – такое не снилось даже самым истово верующим мико и каннуши.

Катуо перестал хмуриться, и в его глазах отразилось иное чувство. Странное, почти грустное... Эми не сразу поняла, что это была... Жалость.

Она отпрянула. Жалость? К ней? Она ведь мечтала стать камигакари! Это ее предназначение! Да, она иногда в этом сомневалась или желала испытать что-нибудь иное, но никогда не хотела действительно изменить судьбу. Она посвятила ками всю жизнь. Из многих тысяч мико Аматаэрасу выбрала для своего воплощения именно ее, Эми.

Подобная гневная реакция не укрылась от Катуо, и он примиряюще поднял ладонь.

– Я понимаю, что быть камигакари – огромная честь, и ты испытываешь нечто невообразимое. Просто я удивлен, что ты не... не сожалеешь о том, чего не познаешь.

– Зачем? – вспыхнула Эми. – Это что, прибавит мне радости? Вот уж вряд ли.

Катуо пробормотал что-то в знак согласия и невольно обхватил эфес катаны ладонью. Наверное, так он чувствовал себя сильнее, увереннее.

– Ты ощущал ее присутствие? – спросила Эми, остывая.

– А?

– Ты когда-нибудь ощущал присутствие Аматаэрасу, когда молился в храме?

Катуо сдвинул брови.

– Нет.

– А я – да. Чувствовала ее касание. Она такая... поразительная, чудесная... ласковая... – Ветерок выхватил из хвоста короткую прядь волос, и Эми заправила ее за ухо. – Я уже сделала

важнейший выбор в своей жизни. И ты тоже. Ты стал сохэем, чтобы служить ками. Мы с тобой не так уж отличаемся.

Катсуо покачал головой.

– Ты веришь так глубоко, так искренне, Эми, что остальные кажутся тебе такими же самоотверженными и преданными. Я стал сохэем, потому что в двенадцать лет считал, что сражаться с ёкаями – ужасно круто. Мне действительно понравилось этому обучаться, и я завел много друзей, поэтому продолжил. И только три года назад, когда ты чуть не погибла, я вдруг понял, что это не просто увлечение. Я впервые увидел ёкая. Не знаю даже, верил ли я вообще в них раньше.

Эми изумленно на него уставилась. То есть он тренировался годами и не верил в ёкаев?..

– Потом я начал воспринимать все серьезно. Но у меня иной случай, ведь я могу оставить службу в любой момент. Сегодня, завтра, в следующем году, через десяток лет... Могу решить, что лучше мне быть экономистом или адвокатом, жениться на хорошенькой девушке и завести семью. А ты – нет. Ты всем пожертвовала, и я не знаю, понимаешь ли ты масштаб того, что теряешь. Тебе едва исполнилось восемнадцать. Откуда ты можешь знать, чего хочешь от жизни? И совсем скоро шанса понять это уже не будет.

Эми нахмурилась. Катсуо в курсе, что она отпраздновала день рождения в прошлом месяце? Зачем ему эта подробность?..

– Шанс я уже упустила, – произнесла Эми. – Я стала камигакари в восемь лет, и теперь ничего не поделать. Время не повернуть вспять. И даже будь я способна отправиться в прошлое, я не попыталась бы ничего изменить.

Катсуо скривился, а затем выдохнул, признавая поражение, и махнул на дом.

– Скоро обед.

Эми кивнула и сошла с моста, глядя Катсуо в спину. Неужели его и правда так волнует, что она отменяет все обыденные человеческие мечты? Зачем ей они? Оставить роль камигакари, чтобы стать каким-нибудь экономистом или даже просто матерью, растить детей и каждый вечер готовить ужин? Зачем, зачем ей желать столь банального будущего, если ее ждет невероятная судьба?

В день зимнего солнцестояния Аматаэрасу спустится из небесного мира и объединит свою мощь со смертным телом Эми. Аматаэрасу избрала ее как самый крепкий, чистый и достойный сосуд. Без Эми она не сумеет ступить на землю, и ее силы останутся удручающе ограничены. С тех пор, как Аматаэрасу в последний раз ходила по этому миру, прошла уже сотня лет. Эми не собиралась подвести свою ками.

Помимо обреченных на неудачу заигрываний с Катсуо три года назад, она ни разу не отступила от требований и обязанностей, возложенных на камигакари. Она не могла допустить, чтобы во время церемонии нисхождения что-то пошло не так. Скверна способна помешать ей принять чистую силу Аматаэрасу. Эми исправно медитировала и омывала тело, ограничивала себя в еде, закаляла тело, избегала неподобающих мыслей и развращающих чувств. Аматаэрасу на нее рассчитывала, и Эми это знала; девушка чувствовала нужду ками, когда молилась.

Обычный ками мог избрать своим сосудом любого смертного. Лучше всего, конечно, согласного и чистого – оскверненный под давлением божественной силы долго не протянет. Однако амацуками были слишком для этого сильны; Аматаэрасу, возжелай она того, могла захватить Нанако в любой миг, но та наверняка погибла бы в считанные минуты.

Поэтому амацуками нуждались в камигакари – в избранных, подготовленных сосудах. Эми настраивалась принять дух Аматаэрасу на протяжении десяти лет – выполняла все ритуалы и требования, а метка на ее груди служила проводником. В самом начале она была едва заметной, почти невидимой, но со временем темнела – и связь между ками и Эми крепла, дабы ее тело приняло дух, который однажды его наполнит.

Сила ками – по крайней мере крошечная ее частичка – уже укоренилась в Эми. Правда, девушка едва могла это ощутить, не говоря уже о том, что использовать силу не имела возможности. Но уже скоро она станет вместилищем этой силы – в день солнцестояния, когда Амата́расу, спустившись на землю, сольется с Эми воедино.

Она не знала, как все пройдет, слышала лишь, что где-то есть еще три камигакари, которые носят в себе силы Изанаги, Изанами и Цукиёми, – но нельзя же просто так заявиться в другой храм и поболтать с ними. Когда пройдет церемония, Эми все поймет сама.

Однако у слияния с ками были и недостатки. Самый главный – то, что, несмотря на все приготовления, Эми могла погибнуть. Она, разумеется, в какой-то мере утратит власть над собой – однако это справедливая плата за шанс сбросить оковы смертности и, по сути, тоже превратиться в ками. Сольются ли они с Амата́расу в единый разум? Или просто будут делить одно тело? В любом случае видеть и испытывать то же, что Амата́расу, всегда быть вместе с ней, стать частью ками – все это стоило всех жертв и даже больше. В конце концов, Эми давным-давно выбрала этот путь.

Но Кату́о и та жалость, с которой он на нее смотрел...

Горло перехватило от злости. Как он посмел! Он ничего не понимал. Видел лишь то, что она потеряет, а не то, что обретет. Бессмертие, пока ее ками в ней нуждается, божественную силу на земле – как тут можно жалеть?

Кату́о просто не понимал. Раз он не верил в ёкаев, то и в другое наверняка тоже. Может, он не верил в ками и поэтому никогда не ощущал касание Амата́расу.

А вот Эми верила. И теперь она вознамерилась навестить Кату́о после солнцестояния – продемонстрировать, что ками еще как существуют. Эта мысль вызвала у нее улыбку.

Глава 5

– Встань прямо, Юи!

Едкий тон Нанако заставил Эми вздрогнуть. Вытянутая рука, на ладони которой она удерживала церемониальную стрелу, болела. С обоих концов древка свисали красные и белые кисточки, трепещущие на легком ветру. За день снег успел растаять под теплыми лучами солнца, но теперь светило постепенно клонилось к западным вершинам, и становилось прохладнее.

– Будешь сутулиться – тебя засмеют, – безжалостно продолжала Нанако. – И не делай такое лицо. Что, плачешь? Учись не принимать все близко к сердцу, если хочешь выступать перед сотнями людей.

Эми сжала губы. Рина – которая стояла рядом с точно такой же стрелой и луком – беспокойно посмотрела на Юи и Нанако через плечо.

– Во время ритуала благословения ты представляешь наш храм, Юи. Хочешь нас перед всем городом опозорить? – зазвенел голос старшей мико над подмостками.

Поморщившись, Эми посмотрела на свою стрелу и вздохнула. А потом слегка наклонила ладонь. Соскользнувшая стрела с громким стуком упала на деревянный пол.

Эми наклонилась за ней и, поднявшись, обнаружила перед собой рассвирепевшую Нанако.

– О, приношу глубочайшие извинения... госпожа. – Женщина почти не пыталась скрыть издевку. – Неужто вы так быстро утомились? Как тяжелы, видимо, ритуалы мико для столь хрупких девушек. Возможно, вы предпочтете удалиться к себе и отдохнуть.

Эми могла выполнить ритуал благословения – к слову, куда грациознее, чем Нанако, – даже если ее разбудили бы посреди ночи, но не стала говорить это вслух. Она просто-напросто опустила взгляд. Уж ее-то не заставят расплакаться.

Так и не дождавшись ответа, Нанако промчалась к краю подмостков и подхватила свой лук.

– Заново! – гаркнула она. – И чтобы без ошибок!

Эми вернулась на пару шагов назад. Рина, тоже заняв свое место, мельком благодарно ей улыбнулась.

Нанако резко хлопнула в ладоши.

– Начали!

Эми подняла над головой стрелу, одновременно проворачивая ее ровно на сорок пять градусов. Вновь опустив и вытянув руку со стрелой, она выдвинула вперед правую ногу, проворачивая стрелу теперь в противоположную сторону, чтобы та смотрела строго на юго-восток. Для зрителей все эти размеренные действия выглядели невероятно изящными, однако исполнять их в медленном темпе было крайне сложно.

Ритуальный танец продолжился замысловатой вереницей осторожных движений стрелы и лука, ладоней, ступней и тела. Эми растворилась в хорошо знакомых элементах, позволяя им протекать сквозь нее, ощущая едва заметный трепет, исходящий от земли. Многие люди считали ритуальные танцы лишь развлечением и данью традиции, однако эти движения скрывали в себе особые силы – если их правильно исполнять.

Эми встала в последнюю позицию так, что они с Нанако, Риной и Юи образовали квадрат, стоя лицом друг к другу, и наложила стрелу на тетиву. Потом, одновременно с другими мико, оттянула ее к щеке, невзирая на пылающие мышцы. Подняв лук, Эми направила стрелу в потолок. У Риной и Юи заметно дрожали руки. Затем все опустили луки к изображенной в центре пола деревянной розе ветров с четырьмя лучами. И вместе выстрелили.

Эми так сосредоточилась на собственной цели – точке севера, – что не обращала внимание на остальных... пока у ее лица, едва не задев щеку, не пролетела стрела.

– Рина!!! – взвизгнула Нанако.

Та в ужасе выронила лук и рассыпалась в бессвязных извинениях. Юи смотрела на Эми широко распахнутыми глазами.

– Что случилось?! – воскликнул Катсуо, вспрыгнув на подмости безо всяких ступенек. Сохэй появился словно из ниоткуда на пару с Минору с оружием наголо.

Красная как рак Рина умолкла.

Эми, опомнившись, моргнула. Рядом с розой ветров откололась щепка. Рина промахнулась; стрела попала в доску под таким углом, что отскочила и унеслась в сторону, прокрутившись как бумеранг.

Продолжая держать лук, Эми сложила руки и одарила обоих сохэев сверкающей улыбкой.

– О, тут не о чем беспокоиться! Просто небольшая накладка во время танца.

Рина снова бросила на нее благодарный взгляд.

Катсуо с подозрением pokrutil головой.

– И все?

Нанако кашлянула.

– На сегодня закончим. Девочки, упражняйтесь в стрельбе из лука хотя бы по два часа в день до конца недели, и чтобы никаких попыток увильнуть. А теперь уберите здесь все и помолитесь ками об удаче – она вам обеим понадобится!

Эми удивилась: Нанако не стала унижать Рину. Впрочем, может, она попросту не хотела, чтобы сохэй посчитали ее плохой наставницей.

К облечению Эми, Катсуо наконец расслабился и убрал катану в ножны. На подмостках явно было маловато места для пяти человек и двух с небольшим футов смертоносной стали. Бросив на девочек напоследок еще один свирепый взгляд, Нанако сунула свой лук Юи в руки и поспешила вниз по ступенькам.

– Ты свободна? – спросил у Эми Катсуо.

Она ощутила одновременно вспышку страха и укол злости, но не позволила этим чувствам отразиться на лице. После неприятного завершения вчерашней беседы они с Катсуо больше не разговаривали. Может, он хотел извиниться... или дальше упрямо убеждать, что все решения в ее жизни были ошибочны.

– Свободна до ужина. – Эми взглянула на Рину. – Ты не могла бы?..

Та быстро забрала у Эми лук и принялась собирать остальные церемониальные принадлежности вместе с Юи. Эми сошла по ступенькам вслед за Катсуо. Минору вежливо ей кивнул и, вопросительно посмотрев на младшего сохэй, безмолвно удалился – наверное, туда, где он был до того, как его привлекли крики.

– Хотел тебе кое-что показать, – пояснил Катсуо по пути.

Главное святилище и подмости обрамляли буквой «Г» мощный дворик. За подмостками скрывалась простенькая постройка, в которой находились кабинеты и архив, где Фуджимото и Нанако проводили большую часть дня – когда не поддерживали порядок в храме и не принимали прихожан. Катсуо увел Эми с дорожки на неухоженную траву.

– Куда мы идем? – просила Эми.

– Вот сюда.

Катсуо придержал ветки разросшегося куста, чтобы девушка протиснулась вдоль стены. За постройкой примостился небольшой домик в традиционном стиле, типичном для храма, с остроконечной крышей и загнутыми свесами, раскрашенными опавшей листвой в желтый и рыжий.

– Это старое хранилище, – воодушевленно продолжил Катсуо. – Каннуши Фуджимото явно уже давно за ним не следит. Теперь все необходимое держат около кабинетов.

Схватившись за край тяжелой двери, Катуо сдвинул ее и продемонстрировал тускло освещенную комнату – солнечные лучи проникали туда только сквозь расположенные под потолком грязные окошки. Все стены были уставлены полками, а в центре возвышался стеллаж – так что свободного пространства оставалось всего ничего. Катуо без колебаний вошел внутрь и жестом пригласил Эми. Она с опаской переступила порог, подхватив длинные рукава, чтобы не зацепить покрытые пылью полки. Запах истлевшей бумаги заставил Эми сморщить нос. Все до единого закутки были заполнены книгами в кожаных переплетах, мятыми коробками, деревянными ящиками всевозможных размеров.

– Это место – настоящая золотая жила! Интересно, каннуши Фуджимото вообще сюда заглядывал? – Катуо указал на небрежно забытый на коробке длинный узкий футляр. Почти всю его поверхность покрывали испещренные надписями бумажные талисманы, наверняка призванные сдерживать некую сверхъестественную силу. – Там написано «Фудо Масамунэ». Если там и правда катана мастера – она стоит целое состояние!

Эми вежливо согласилась, совершенно не понимая, почему Катуо решил, что ей интересны знаменитые мечи – впрочем, как и все остальное здесь. Катуо, оглянувшись, сверкнул улыбкой.

– Гадаешь, зачем я тебя сюда привел? Тут среди хлама валяется полным-полно книг. Вчера я пытался найти в них упоминания камигакари или церемонии. – Он остановился в дальнем конце комнаты и присел на корточки. – Смотри.

Эми подошла, стараясь не закашляться – воздух стал более затхлым. Решив ни за что на свете не опускаться на этот грязный пол, она наклонилась пониже и взглянула на полку. Книги стояли стопками по десять штук – совершенно беспорядочно.

– Все они связаны с храмами. – Катуо взял три верхних. – Я успел просмотреть несколько, и вот в этих рассказывается о камигакари Аматаэрасу и остальных ками. Могу поспорить, что в остальных тоже найдется что-то о них. Или даже какие-то подробности о церемонии.

Катуо поднял голову. Даже в тусклом свете было видно, как сияют его глаза.

– Понимаю, ты намерена дожидаться и услышать все от гуджи, но я подумал, что тебе захочется узнать больше о прошлых камигакари, об их деяниях. Вот тут, – он продемонстрировал книгу, – говорится, как камигакари Цукиёми отвернул от побережья ураган. Представляешь? А в этой, очень старой, – как камигакари Изанаги заставил императора остановить войну.

Воодушевление Катуо постепенно сошло на нет – Эми никак не могла совладать с голосом и заверить его, что нисколько не оскорбилась. Как долго он искал информацию в этом пыльном хранилище? Как долго просидел здесь прошлой ночью, изучая историю вместо того, чтобы спать? В книге, которой только что размахивал Катуо, было страниц пятьсот. Он наверняка провел тут много часов.

Эми опасалась, что Катуо начнет убеждать ее не совершать якобы огромную ошибку, но все оказалось иначе. Он явно восхитился примерами могущества камигакари и захотел ими поделиться.

Молчание Эми заставило его совсем сникнуть.

– Прости. Я не должен был...

– Н-нет. Это прекрасно. – Эми слабо улыбнулась, с трудом сдерживая чувства. – Спасибо тебе. Это удивительно. Я мало знаю об истории камигакари, особенно связанных с другими ками.

Катуо помедлил, стараясь угадать ее истинные мысли, но проверку она, видимо, прошла – судя по его вновь засиявшей улыбке. Он вручил Эми три книги – она чуть не вздрогнула, коснувшись пыльных переплетов, – и поднялся на ноги.

– Мне надо бежать... мы с Минору должны до ужина проверить северные тропы, но ты можешь поискать еще. Уверен, тут найдется много интересного.

Не дожидаясь ответа, Катуо тут же скрылся за дверью и поспешил прочь. Оставшись в полумраке одна, Эми наконец опустила на корточки и уставилась на книги в своих руках. Доброта Катуо причиняла ей боль. Пытался ли он загладить вину из-за Ханы?.. Нет, Эми увидела в нем прекрасную душу уже давно, когда только влюбилась. Катуо был заботлив и внимателен по отношению ко всем окружающим.

Улыбнувшись своим мыслям, Эми отложила книги, которые ей дал Катуо, и бегло осмотрела стопку других. Названия некоторых слишком покрылись плесенью или выцвели так, что их было не разобрать, но Эми все-таки выбрала еще шесть – четыре исторические монографии, какое-то руководство для каннуши, а также дневник жившей сто лет назад мико. Взяв все девять книг, Эми вышла из хранилища и присела на верхнюю ступеньку – лестница была куда чище, чем пол внутри, ведь летом ее регулярно омывали дожди.

На страницах, где рассказывалось о подвиге камигакари Цукиёми, плясали пятнышки света. Эми почти сразу нашла недавно загнутый уголок и увидела невероятно сухое и занудное описание совершенно потрясающей магии. Дочитав, Эми несколько раз глубоко вздохнула. Если автор ничего не преувеличил, то она, камигакари Аматаэрасу, получит куда больше силы, чем думала.

Тревогу тут же смыло волной предвкушения, и Эми залпом прочитала несколько страниц следующей книги. Когда отметки Катуо кончились, она пролистала остальные исторические очерки. По мере того как Эми просматривала выцветший текст и убеждалась, что в нем описываются лишь скучные политические интриги древности, восторг уступил место разочарованию. Может, она все-таки недооценила, сколько времени провел Катуо в поисках отрывков, на которые он ей указал.

Оставив историю, Эми взялась за дневник. Снова неудача. Мико описывала свои дни до мельчайших подробностей, но жизнь ее оказалась крайне небогата на события. Эми сама вела дневник и не считала себя вправе критиковать чьи-либо мемуары, но все-таки размышления этой женщины сложно было назвать интересными. Отложив тетрадь, Эми открыла руководство для каннуши... И у нее оборвалось сердце: страница за страницей занудных наставлений, затрагивающих всё, что касалось храма.

Эми раздраженно вздохнула – у нее чесался нос, но ей не хотелось трогать лицо, не помыв сначала руки. Видимо, если она желала узнать больше, необходимо проявлять и куда больше терпения. Раздумывая, как тайком пронести несколько книг в свою комнату, Эми рассеянно пролистала страницы. Она почти не обращала внимания на потускневшие чернила... как вдруг на бумаге мелькнул черный мазок. Эми вернулась назад и отыскала изображение:

Аккуратные линии складывались в метку Амаэрасу – ту, что Эми носила на груди.

Сердце забилося чаще, и Эми поднесла книгу ближе к глазам. Автор описывал, как метка с годами темнеет и как определить, что она полностью оформилась – а значит, церемонию необходимо провести во время следующего солнцестояния.

Медлить нельзя, ибо растущая ки камигакари начнет служить маяком для духов. Ёкаи потянутся к ней, словно мотыльки к огню. Верные хозяевам, они будут стремиться всеми силами ее уничтожить прежде, чем великая ками спустится с небес. Куницуками желают удерживать власть над земным миром и не позволят великой ками бросить им вызов. С приближением церемонии они лишь будут становиться более дерзкими.

Эми сглотнула ком. Она знала, что в ней постепенно копится сила Амаэрасу, но даже не подозревала, что это притягивает ёкаев. Онемевшими пальцами она вытащила из-за ворота кимоно оамори – маленький плоский мешочек, который носила на шее. Внутри него скрывался сильный защитный офуда. Ишида сделал его сам – последние три года он давал Эми новый талисман каждые шесть месяцев и предупреждал никогда, ни при каких условиях его не снимать. Пока офуда при Эми, ёкай увидит в ней самую обычную мико и ничего более.

Ки, понятие, которое упомянул автор руководства, представляло собой духовную энергию или жизненную силу. Ею владели ками и ёкаи, а также люди – правда, в куда меньшей степени. Обычный человек не умел ничего сделать со своей ки, однако каннуши, мико и сохэев обучали применять ее в ритуалах, при создании офуда и оамори, для защиты земель храма. Каннуши и сохэи при тесной связи с ками получали от тех особую силу, недоступную простому смертному. А чтобы ее поддерживать и укреплять, необходимы чистота сердца и разума, как и непоколебимая воля.

Из всех аспектов обучения мико единственной слабостью Эми была именно ки. Она знала теорию и теоретически могла создавать офуда самостоятельно. Ничего сложного: написать на прямоугольном листочке белой бумаги ритуальные слова, вдыхая в них ки своей волей. Проблема заключалась в том, что Эми не знала, получилось у нее или нет – не приманивать же

ёкаев, в самом деле, ведь защитный офуда срабатывал, лишь когда кто-то намеревался причинить его владельцу вред.

Если сила Аматаэрасу уже начала наполнять ее тело, Эми могла создавать более мощные офуда, чем даже создавал Ишида, – но она не представляла, как их проверить. Если она действительно набирала силу, то как ее ощутить?.. Эми снова уткнулась в книгу, просматривая текст. Наверняка есть способ...

Ее взгляд вдруг остановился на абзаце внизу страницы.

Говорить с камигакари о церемонии нельзя. Невзирая ни на какие вопросы, нельзя ни в коем случае раскрывать правду о слиянии с божественным духом. Все камигакари до единой принимали это известие неблагосклонно, некоторые даже стремились сорвать церемонию. Оскверненная камигакари не годится для духа Великой ками, поэтому церемония приведет к ее скорой кончине.

Стоит скрыть правду и от других обитателей храма. Осознание, что во время нисхождения Великой ками сущность камигакари будет уничтожена, редко приходится по нраву даже самым верным последователям.

Знайте, что жертва камигакари так же необходима, как и сокрытие ее необходимости. Нет нужды скорбеть о камигакари, разум и душу которой поглотит великолепие духа Великой ками; все мы желали бы обрести подобный конец.

Эми уставилась на страницу. Слова отдавались в голове набатом.

...сущность камигакари будет уничтожена...

...жертва камигакари...

...разум и душу поглотит...

Слова кружились, вгрызались глубже, повторялись раз за разом, пока у Эми не перехватило дыхание. Будет уничтожена. Жертва. Поглотит.

Нет, это не могло быть правдой! Не могло! Кто-то бы ей рассказал. Предупредил. Ее выбор ведь поддержали даже собственные родители! Хоть кто-то бы поведал, что ее судьба – не быть единой с ками, а лишиться разума и души.

Все это ложь. Но если в руководстве все-таки говорилась правда... Эми всю жизнь посвятила тому, чтобы стать идеальным сосудом для своей ками. И через два месяца Аматаэрасу воздаст ей за все жертвы тем, что уничтожит ее.

Книга выпала из онемевших пальцев. Вся жизнь Эми строилась на ужасной лжи, и камигакари никак не могла изменить свою судьбу.

Глава 6

Эми лежала на футоне и смотрела в потолок. Слезы высох-ли. Мышцы болели. Голод вгрызался в желудок.

Она тайком пронесла руководство для каннуши в свою комнату и отказалась оттуда выходить, отослав Нанако, когда та пришла поинтересоваться, почему же «госпожа» не явилась к ужину. Эми прочитала руководство от корки до корки – сотни страниц сухого описания того, как заведовать храмом. Большая часть раздела про камигакари была и так ей знакома: от особых молитв, которые возносили девочки, мечтавшие стать избранными, до точной диеты, которой Эми придерживалась последние десять лет, и защитных омамори, которые ей приходилось носить, – все было упомянуто в книге, причем предельно точно.

А значит – вряд ли в один-единственный абзац закралась ошибка. Руководство так достоверно описывало будни Эми, что она не сомневалась – копией оно пользовался сам Ишида.

И если в этой книге все верно... значит, жизнь Эми строилась на лжи.

Для нее «стать камигакари» всегда означало «стать ками». Она не знала, что именно повлечет за собой союз с Аматаэрасу, однако никто даже не предполагал, что ее собственный разум при этом не уцелеет. До того, как Аматаэрасу выбрала Эми, сотни юных мико питали надежду и молились, чтобы ками обратила взор именно на них. Мало кто заинтересовался бы ролью камигакари, знай они, что придется добровольно расстаться с жизнью.

Меньше чем через два месяца это произойдет с Эми. Тело продолжит существовать, но уже без нее самой. Всемогущий дух Аматаэрасу ее поглотит. Уничтожит.

Первым порывом Эми было спастись от подобной судьбы. В голове пронеслись десятки отчаянных планов, однако руководство отмело все до единого. Сбежать нельзя. Во время церемонии, как объяснял автор, проходил ритуал, призванный облегчить нисхождение Аматаэрасу, однако его могли провести в любом месте или, в крайнем случае, даже обойтись без него вообще. Аматаэрасу ничто не остановит, она найдет Эми хоть на вершине горы, хоть на дне океана и займет ее тело.

Не спасет и попытка лишиться чистоты. Другие камигакари уже пробовали, но Аматаэрасу это все равно не останавливало. Да и подобный ход лишь увеличит шансы гибели не только разума и души, но и самого тела. В любом случае девушки по имени Эми не станут – ее жизнь оборвется в восемнадцать лет.

Да и какой была эта жизнь? День за днем Эми постигала искусство мико и молилась, хранила чистоту. Не читала популярные книги, не смотрела фильмы, не пробовала интересные блюда. Ни разу не садилась за руль машины, не летала на самолете, не видела ничего, кроме храмов. Никогда не каталась на велосипеде, не спускалась на лыжах с горного склона, не делала ничего, о чем болтали девочки в частных школах. Эми любила шоколад, но последний раз ела его на седьмой день рождения – шоколадный торт, который приготовила ей мама.

По щекам вновь заструились слезы. Эми стольким пожертвовала ради того, чтобы быть идеальной камигакари... в том числе и родителями. После появления метки Эми забрали в Шион для защиты и обучения. Вначале родители часто ее навещали, однако Эми была так занята и озабочена своей новой судьбой, что иногда проводила с ними всего минут пятнадцать – а добираться к ней им приходилось немало часов. В итоге родители стали приезжать несколько раз в год, в чем Эми едва ли могла их винить. И неважно, как мало времени она им уделяла, ее мама сияла от гордости каждую минуту встречи.

Когда Эми было двенадцать, отец приехал... один. Мама сдалась после двух лет борьбы с раком. Эми даже не знала, что она больна. Мама все от нее скрывала, не желая отвлекать дочь от служения храму. Отец со слезами на глазах рассказал, что она умерла с фотографией Эми в руках. Фотографией, которую родители сделали на недавнем фестивале из толпы, ведь Эми

не успела – и даже не попыталась – подойти к ним до или после представления. А потом отец ушел. Больше Эми его не видела. Она пыталась с ним связаться, но отвечал он холодно – если вообще отвечал – и заверял, что не смеет отвлекать ее от обязанностей. Подспудный смысл был ясен: Эми выбрала будущее камигакари, а не жизнь с родителями.

Она не хотела так поступать. Просто... так вышло. Она не всегда была занята, но родители приезжали, когда ее дни оказывались плотно расписаны. Она постоянно обещала себе, что в следующий раз найдет время или даже попросит Ишиду освободить ей целый день. Но этого так и не произошло. А теперь уже слишком поздно.

Слезы стекали по щекам в волосы. Раньше Эми не понимала, насколько она одинока. Мама умерла, отец не собирался прощать дочь за причиненную матери боль. Погибла и ее лучшая подруга. А из-за постоянных переездов и тревоги, что по ее вине пострадает кто-нибудь еще, Эми так и не завела ни с кем близкой дружбы.

Она села и, вытерев слезы, вытащила шкатулку. Разглядывая ее содержимое, она все больше приходила в ярость с каждым бесполезным камешком, пером и цветком, который отбрасывала в сторону. Все они были связаны со знаменательными событиями в ее жизни. И так или иначе – с камигакари. Должно же найтись хоть одно важное воспоминание, не имеющее ничего общего с храмами. Что-то вне этой паутины лжи.

Но ничего не нашлось. Эми слишком хорошо исполняла роль верной, послушной камигакари.

Осталось всего два месяца, а ей и похвастаться нечем – не сохранилось никаких особенных впечатлений. Отчаяние, нежелание мириться с такой несправедливостью встали в горле комом, не давая дышать. Неужели все? Разве это жизнь? И она оборвется через несколько коротких недель?..

Эми зажмурилась и стиснула шкатулку. Даже если можно было избежать гибели в день солнцестояния, что тогда? Воспользовалась бы Эми этим шансом? Пренебрегла бы долгом? Она ведь вызвалась сама, а бросить все накануне церемонии – страшнейший позор. Амаэрасу нуждается в сосуде. Если Эми им не станет, ками придется начать все заново с другой камигакари, ждать еще десять лет. И жизнью невольно пожертвует другая девочка.

Эми повернулась к своему маленькому алтарю. На нем стояла деревянная миниатюра храма с белыми вазами по бокам и блюдами для подношений. А в центре – зеркальце, воплощавшее шинтай, через который Амаэрасу передавала силу во время молитвы.

Эми с детства любила Амаэрасу, самую добрую и мягкую из амацуками. Радовалась, предвкушала, что сольется с духом ками, даже зная, что наверняка утратит часть себя. Сильно ли отличалась ее настоящая участь от того, что девушка предполагала?.. Эми потеряет не часть, всю себя; это больше похоже на смерть, чем на слияние. И все же гибель грозила ей с самого начала – просто теперь из вероятной она стала неминуемой.

Однако Эми выбрала этот путь сама. Амаэрасу в ней нуждалась. А мир – в Амаэрасу. Амацуками ветра отсутствовала уже сотню лет – век нарушенного равновесия, неполного оммё, и ситуация с течением времени все ухудшалась.

Эми вызвалась сама, но ей солгали о том, что ее ждет. Она посвятила этому всю свою жизнь, но ей никто не сказал, что она не выживет. Довести дело до конца – ее долг, но ей солгали!

Резко встав, Эми уронила шкатулку с колен, и содержимое рассыпалось по полу. Эми больше не могла сидеть на месте. Не могла и стоять смирно, сжимая и разжимая кулаки. Сердито вздохнув, она выхватила из шкафа плотное хаори, а потом бросилась за дверь. Из комнаты на деревянный настил, закрытый на ночь панелями, полился мягкий свет. Остальная часть дома была погружена в темноту; до рассвета никто не проснется. Шмыгнув к выходу, Эми обулась и открыла внешнюю дверь.

С неба занавесью сыпались хлопья снега, который, скорее всего, шел довольно долго – сад был укрыт нетронутым белым ковром. Ночной мрак уже начал постепенно отступать.

Эми присела рядом с полкой и достала свои старые школьные туфли, которые положила туда вчера на случай непогоды. Сменив сандалии на туфли, Эми спустилась по ступенькам. Мокрый снег тут же пристал к подошве.

Через несколько шагов Эми замерла. Ей было нужно двигаться, уgomонить бурю противоречивых чувств, чтобы мыслить ясно и разобраться в ситуации. Однако храм стал последним местом, где ей хотелось бы оказаться.

Впрочем, она все равно направилась в его сторону, подумывая, не зайти ли снова в хранилище, но вместо этого ноги понесли ее на север. Мимо дома, по манящей тропе – вернее, снежной глади между деревьями. Конюшня. Свежий воздух, открытое пространство. Куда лучше, чем душное, затхлое хранилище.

Ускорив шаг, она отправилась в лес. Благодаря снегу там было достаточно светло, а из-за безмятежной тишины и кружащих в воздухе белых хлопьев Эми казалось, что она попала в другой мир. Дом скрылся из виду, и ее окружили деревья, покрытые снегом, словно глазурию. Но, несмотря на царящее безмолвие и спокойствие, Эми никак не могла унять бурлящие внутри чувства, которые гнали ее вперед.

Лес поредел и закончился, уступая место пастбищу. Показались и темные силуэты лошадей. Эми открыла калитку и подошла к той, что поближе, – вороной с единственным белым носком на задней левой ноге. Животное наострило уши. Эми наугад решила, что перед ней мерин.

– Привет, – ласково произнесла она и протянула руку. Конь позволил ей погладить его мягкий нос, а сам принялся, раздувая ноздри. Эми, улыбнувшись, шагнула ближе. – Какой же ты красавец!

До того, как стать камигакари, она любила лошадей и даже собиралась следующим летом поучиться верховой езде. Коней использовали во время некоторых церемоний и фестивалей – именно поэтому в храме Шираюри держали эту четверку. А как только Эми получила метку, верховая езда попала в самый верх списка слишком опасных для нее занятий: в самом деле, нельзя же камигакари рисковать переломом шеи.

– Они отобрали у меня все, – прошептала Эми, стряхивая снег с гривы коня и приглаживая ее. – Отобрали все в обмен на обещание, хотя знали, что оно не исполнится. Как они могли? Как они могли поступить так жестоко?

Эми прижалась лбом к теплой шее коня. Ее лишили всего обманом, однако роль камигакари была напрямую связана с жертвенностью. Может, истину скрыли потому, что хотели не предать Эми, а облегчить ее ношу?.. Или попросту понимали, что такая правда отпугнет всех желающих.

Эми судорожно выдохнула. Что сделано, то сделано. Она отмечена – и никак не изменит того, что случится в день солнцестояния. Такова ее судьба, таков ее долг. И пусть Эми ожидала совсем иного, она знала, что должна довести дело до конца. Выбора у нее не было.

Сжав дрогнувшие губы, она попыталась сдержать чувства, которые перетягивали ее сердце, словно канат, угрожая его разорвать. Отчаяние, покорность и страх боролись с кипящим гневом из-за предательства тех, кто подтолкнул ее к этому пути.

Конь потерся носом о плечо Эми, словно утешая. Она подняла голову и всмотрелась в его темные глаза. Она так много отдала из-за лжи. Стольким пожертвовала... а вскоре пожертвует и жизнью.

Эми замерла, глядя на коня. Волны отчаяния вдруг отступили. Может, у нее все-таки получится урвать себе глоток впечатлений. Всего один-единственный эгоистичный поступок... это ведь справедливо, верно?

Уже через минуту она обнаружила на ограде присыпанный снегом чомбур и прицепила его к недоуздку коня так, чтобы получились импровизированные поводья. Конь спокойно подошел с Эми к прямоугольному тюку сена, на который она затем забралась – и замерла с поводьями в одной руке. Сердце забилося чаще. Земля и так осталась ужасно далеко, а что будет, если сесть на спину коня?.. Кругом ни души, случись что – никто не узнает. Может, идея все-таки не так уж хороша?..

А ведь она всего лишь хотела совершить хоть что-нибудь, не связанное с ролью камига-кари, хоть что-то лично для себя. И если не рискнуть сейчас, то возможности больше не будет.

Подавив страх, Эми покрепче ухватила за гриву коня и перекинула ногу через его спину. Усесться верхом было на удивление просто. Неудобно, правда, но Эми осталась довольна. Мерин дернул ушами в ее сторону и, фыркнув, выпустил облачко белого пара.

Эми широко улыбнулась и гордо расправила плечи. Только посмотрите, она едет верхом! Ну, вернее, не едет, а просто сидит. Тоже неплохо. Она справилась! От столь мятежного поступка по коже пробежали мурашки. Эми всегда была такой послушной... Но возможность решать за себя и делать запретное удивительно пьянила! Эми погладила шею коня, стараясь растянуть это мгновение и запомнить все: тепло и мощь прекрасного животного, то, как он лениво подергивал ушами. Закрыв глаза, Эми представила, как она мчится галопом по пастбищу, как развеваются за спиной ее волосы, в лицо бьет холодный ветер, а вокруг вихрем носятся снежинки.

Помечтав еще минутку, Эми печально вздохнула. Да, она была довольна своим крошечным, но смелым приключением, однако преисполнилась невыносимой тоски о том, чего никогда не испытает. Теперь жалость Катсуо стала ей понятна. Вздохнув еще раз, Эми наклонилась, чтобы аккуратно соскользнуть обратно на тюк сена.

Конь вдруг топнул копытом и наострил уши. Эми замерла, пытаясь увидеть, что же его насторожило... и поняла, что он смотрит на калитку. Распахнутую.

Эми забыла ее закрыть!

Мерин снова всхрапнул. Эми ощутила, как напряглись его мышцы, и поспешила натянуть поводья, но не успела. Конь резко опустил голову, дергая свою наездницу вперед, и сорвался с места.

Эми взвизгнула, отчаянно цепляясь за поводья под грохот копыт. Ветер трепал ее собранные в хвост волосы. Мерин вылетел из калитки на тропу, взметая снег. Остальные три лошади заржали, как будто подбадривая собрата, который несясь вдоль ограды прочь от конюшни. Эми прижималась к его спине, от страха заходясь беззвучным криком. Она дергала за поводья, но конь не обращал на это никакого внимания. Он бежал, наслаждаясь движением. Поляна кончилась, и они очутились в лесу. Закружившийся повсюду снег окрасил мир в белый. От ледяного ветра – куда более колючего, чем в мечтах Эми, – онемело лицо.

Паника вышибла из головы все мысли. Исчезло и ощущение времени. Все, на что была способна Эми, – это держаться. Мимо проносились деревья, тропа уходила все выше и выше. Мерин, казалось, прекрасно знал дорогу, ни разу не замедлился на развилках и лишь изредка слегка снижал скорость. Слева вздымалась гора, справа был крутой спуск.

Очередной поворот... и вдруг путь преградило поваленное дерево.

Конь испуганно заржал и остановился как вкопанный – а наездница, не удержавшись, перелетела через его голову.

Эми упала за лежащим стволом и забарахталась в снегу, ослепленная болью... а потом земля вдруг оборвалась. Съезжая вниз ногами вперед, Эми чудом не врезалась в деревья, которые проносились мимо темными пятнами среди листвы и снега.

Склон постепенно выровнялся, и безумный спуск подошел к концу. Эми лежала на спине, впиваясь пальцами в отсыревшие опавшие листья. Голова кружилась, на волосах таяли снежинки. Тело болело от макушки до пят.

Тяжело дыша, Эми осторожно села и поморгала. Деревья. Ее окружали зеленые сосны, разлапистые ели, спутанные ветви кленов и дубов, украшенные разноцветной листвой. В воздухе плясали снежинки, глубокие ночные тени неспешно отступали перед едва зарождающейся зарей. Земля здесь была почти ровной. Эми глянула вверх, на след, который сама же оставила в снегу, и содрогнулась – каким же крутым был склон! Она не видела ни верха обрыва, ни коня, ни тропы.

По венам растекся набирающий силу страх.

Эми очутилась в лесу, совсем одна. В северных горах. Тех самых, о которых предупреждал Катуо. Тех, что кишат ёкаями. И никто не знал, что она покинула спальню.

Глава 7

Паниковать было нельзя. Эми понимала: паника ни к чему хорошему не приведет, а только лишит ее способности думать – крайне необходимой сейчас.

Эми сидела в снегу, не желая шевелиться, – словно верила, что, если сойти с места, все станет хуже. Она одна в лесу... Но не могла ведь она оказаться совсем уж далеко от храма?.. Жуткая, бесконтрольная скачка продлилась всего несколько минут – значит, до него не больше пары миль, верно?

Пара миль до храма. Не так уж плохо. Она дойдет за час или даже меньше, так? Может, даже никто еще не успеет проснуться. Небо посветлело, но рассвет еще не коснулся горизонта на востоке. Эми огляделась. А где вообще восток? Как найти дорогу к храму? Тропа вроде уходила на север, но затем начала изгибаться, следуя рельефу горы, поэтому вполне могла увести в другую сторону.

Внутри вновь поднялась волна паники, которую едва удалось сдержать. Эми скатилась по склону. Храм располагался у подножья горы, с юга. Значит, надо просто идти вдоль утеса.

С трудом встав, Эми отряхнулась от снега. Тело все так же болело, а мышцы вспыхивали огнем от малейшего движения, однако ничего не было сломано. Не обращая внимания на боль, Эми принялась сосредоточенно поправлять одежду и вытаскивать из волос листья. Тоненький внутренний голосок посмеялся над подобной глупостью – ишь, переживает за свой внешний вид в такое время, – однако привычные действия помогли ей успокоиться. Она взяла себя в руки.

Оглянувшись на крутой склон еще раз, Эми направилась в противоположную сторону. Надо просто идти вперед, у нее все получится. Опомниться не успеет, как вернется в храм. Под ногами хрустели листья, нарушая безмолвие леса. Эми шурилась, стараясь разглядеть дорогу среди темноты и снегопада, и крепко обхватывала себя руками.

В лесу было так тихо, что собственное дыхание казалось Эми слишком громким. Она металась взглядом по снегу – от ветки к ветке, ища в тенях движение. А потом вдруг замерла на полушаге, увидев странные следы. Всмотревшись в них, она решила, что крошечные отпечатки копыт оставил кабан. В этих горах водились дикие кабаны. Эми заставила себя отвести взгляд и зашагала дальше. Лесные животные волновали ее куда меньше, чем местные обитатели-ёкаи, но следы последних она вряд ли бы обнаружила – по крайней мере, пока не стало бы слишком поздно.

Эми огибала деревья и низкие кусты, а ее самообладание, словно стая волков, терзали безумные мысли. Да что с ней такое? Что за детские выходки? Разве то, что она сбежала из комнаты посреди ночи, а потом взлезла на спину незнакомому коню, могло что-то исправить? Стоило калечиться ради пары минут адреналина?

Что будет, если остальные заметят ее исчезновение? В комнате бардак, по полу разбросаны памятные для нее безделушки. На виду лежит как личный дневник, так и руководство каннуши. Нужно вернуться раньше, чем все это обнаружат. Если Эми успеет вовремя, никто даже не узнает, что она ходила к конюшне. А пропажу лошади спишут на порыв ветра, который распахнул калитку. Все будет хорошо.

Цепочка мыслей прервалась, стоило Эми увидеть впереди разворошенный снег. Она замерла. На земле как будто повалился кто-то немалого размера – причем совсем недавно, судя по едва притрусившему это место свежему снегу. Неужели ёкай? Насколько он близко? Эми осмотрелась, силясь разглядеть что-нибудь. След вел вверх по крутому склону и скрывался в темноте.

А потом она увидела еще одни следы, уходящие в лес. Ее собственные. То есть это не чудовище забралось на склон, а она сама с него свалилась. Эми вышла туда, откуда начала путь.

Паника прорвалась наружу, чуть не захлестнув последние трезвые мысли. Прошла по кругу? Как же так? Она ведь была уверена, что идет прямо!

Где-то минуту Эми заламывала руки и задыхалась, но затем справилась с собой. Она встала лицом к склону, развернулась на сто восемьдесят градусов и, выбрав дерево вдаль – на границе своего поля зрения в темноте, – направилась к нему. Достигнув цели, Эми повторила то же самое с другим деревом. А потом еще и еще.

Лес казался безмолвным, неподвижным, в нем царила сонная атмосфера. Сколько прошло времени? Двадцать минут? Тридцать? Размеренное дыхание Эми повисало перед ее лицом облачками пара. Не было видно ни храма, ни поляны, ни даже тропы. Землю укутывал снег, так что Эми могла наткнуться хоть на дюжину троп, сама того не ведая. Она даже не знала, по-прежнему ли спускается. Небольшие холмики и овражки мешали сориентироваться, пока Эми не запуталась окончательно. Она в отчаянии стремилась к очередному дереву и надеялась, что до сих пор идет на юг – если вообще изначально не ошиблась с направлением.

– Кар!

Эми отпрянула от неожиданности и, потеряв равновесие, чуть не упала. Она запрокинула голову, подставляя лицо холодным снежинкам. На ветке дуба сидела черная ворона. Птица наклонила клюв и снова хрипло каркнула, раскалывая лесную тишину.

– Тш-ш-ш! – зашипела Эми, но без толку.

– Кар!

Разозлившись на ворону, Эми снова опустила голову и вдруг поняла, что потеряла выбранное дерево. Она стояла посреди покрытой нетронутым снегом полянки... и не представляла, куда дальше двигаться.

– Кар, кар, кар!

– Да тише ты! – прорычала Эми, ссутулив плечи.

Какое же дерево?.. Эми была почти уверена, что никуда не поворачивала, но ведь подпрыгнула же она на два фута от испуга. Оглянувшись на свои следы, Эми попыталась понять, шли они по прямой или чуть заворачивали влево.

– Кар, кар, кар!

Эми стиснула зубы. Птица вдруг умолкла.

Не сдержавшись, Эми вновь посмотрела вверх. Ворона, застыв, словно статуя, уставилась на деревья справа. Тишина давила. Сердце колотилось в груди, по венам растекался страх – новый, не такой, как прежде. Страх, что змеей скользил по земле, обвивал кольцами лодыжки, тянулся холодом к сердцу.

Однажды Эми его уже ощущала – в день, когда погибла Хана.

Отшатнувшись, она сунула правую руку в левый рукав кимоно и вытащила из крошечного кармашка свои офуда. Эми дрожащими пальцами развернула их веером и вгляделась в темные надписи.

Между деревьями, на которые смотрела ворона, треснула ветка. И послышались тихие, едва слышные шаги – кто-то бежал.

Причем бежал в сторону Эми.

Она рухнула на колени и очертила себя по снегу кругом. Топ-топ-топ – доносились шаги зверя, который даже не пытался притаяться. Тьма вдруг стала непроглядной. Каждая тень, казалось, таила угрозу. Эми стиснула офуда, невольно их сминая, неспособная в приступе паники вспомнить, который из них создает барьер. Подобные чары применялись в крайних случаях, ведь они были сложными и требовали много ки. Топ-топ-топ. Все ближе и ближе... слишком близко!

Кусты неподалеку взорвались снегом – сквозь них кто-то пронесся на огромной скорости, и к Эми бросилось белое пятно. Она даже не успела поднять офуда – что-то врезалось ей в грудь и опрокинуло на спину. Офуда вылетели из руки.

Охнув, Эми перекатилась, чтобы оказаться к противнику лицом. Крик застрял в горле.

Существо распростерлось на земле, его грудь тяжело вздымалась, а тело с головы до лап было в снегу. Вскочив, оно встряхнулось – во все стороны полетели комья снега вперемешку с листвой. Эми моргнула, силясь собраться с мыслями.

Это была лиса. Не чудовище, а белая лиса. Она повернула к Эми голову, насторожив большие пушистые уши.

А потом Эми увидела ее глаза – рубиновые, пронзительные, умные.
Сердце пропустило удар. Эти глаза... Нет, никакая это не лиса, это наверняка кишунэ!
Ёкай.

– Кар! – вдруг нервно окликнула ворона.

Кицунэ тут же развернулась, обнажая клыки. Кровь застыла в жилах, но затем Эми вдруг поняла: кицунэ смотрит не на нее, а на что-то позади – туда, откуда девушка появилась.

В душу вновь закрался страх, на этот раз более сильный. Эми повернулась к кустам, спиной к кицунэ. Инстинкты заходились криком, воем, предупреждая, что стоит бояться отнюдь не маленькой белой лисички.

Среди деревьев показалась тень, которая в зловещей тишине становилась все ближе. Кусты содрогнулись, а потом их вырвало из земли и отбросило в сторону.

Сквозь свежую брешь шагнуло чудище – громадина восемь футов высотой, напоминающая человека с буграми мышц. Тело его покрывала темно-красная кожа, на спину падали похожие на гриву спутанные черные волосы. Из головы торчали рога, как у быка, а из широкого рта – клыки. Набедренную повязку чудища, сделанную из оленьих шкур, украшали черепа животных – и один человеческий, который висел посередине, словно знак отличия. В пустых глазницах черепа как будто навеки застыл ужас.

Чудище уставилось на Эми желтыми глазами из-под низкого, выпирающего вперед лба и вдруг удивленно замерло. Голова пошла кругом, дыхание перехватило, и Эми оцепенела от ужаса так, словно ее сковало льдом.

Мешкало чудище недолго, и уже через мгновение оно развязно ухмыльнулось. А потом в два шага преодолело расстояние и, нависнув над Эми, протянуло огромную руку с грязными острыми когтями. Эми не могла ни пошевелиться, ни даже вдохнуть. Чудовищная рука зависла перед ее лицом, закрывая обзор.

Мелькнуло что-то белое. Лиса прыгнула вперед и впилась клыками в ладонь чудища.

Гигант взревел и отшатнулся. Его громкий вопль ударил Эми, словно разряд тока, разбивая оковы оцепенения. Кицунэ припала к земле и, скалясь, визгливо зарычала – правда, этот звук оказался не более угрожающим, чем мяуканье котенка. Чудище выпрямилось, зло всхрипнуло и занесло руку для удара.

Эми подхватила упавший неподалеку офуда и с силой опустила его на линию, которую нарисовала в снегу. Чудище растопырило когти, готовые вот-вот вонзиться в плоть.

– Сэкишо-но-сэйшин! – крикнула Эми.

Как только заклинание сорвалось с губ, офуда под ладонью потеплел, а воздух заискрился – и удар гиганта врезался в его радужное мерцание. Вспыхнул голубой свет, и чудище в ярости завывало.

Над нарисованным кругом, который кицунэ чудом не нарушила, завис сияющий купол. Лиса-ёкай тоже съежилась внутри барьера, не сводя алых глаз с чудища – вернее, с ёни, как запоздало вспомнила Эми. Горный ёкай, жуткий и жестокий, единственной надеждой на спасение от которого было обойти его стороной или каким-то образом задобрить.

Они вновь заревел и треснул кулаком по барьеру. И тут же вспыхнул голубой свет. Эми сжалась и едва не отдернула ладонь с офуда. Рука гиганта отлетела от светящейся преграды, как от кирпичной стены, и он, зарывав, врезал снова. Эми вздрогнула. Даже кицунэ подпрыгнула.

Они ударил еще несколько раз – безуспешно, что только сильнее его злило. Гигант бушевал и топал вокруг барьера, пытаясь найти слабое место. Эми следила за ним, дрожа всем телом, но не смела отпустить офуда. Вряд ли было нужно держать его все время, однако они мог смахнуть бумажный талисман с линии на снегу и нарушить барьер.

Разъяренный они описал вокруг них еще один круг, и Эми наконец отвела взгляд, не в силах больше смотреть. Она знала, что, если продолжит наблюдать за ёни, если и дальше будет представлять, как его огромные руки разобьют ей череп, словно яичную скорлупу, паника возьмет над ней верх. Вместо этого Эми взглянула на кицунэ. Лиса улеглась рядом и, тяжело дыша, следила за передвижениями ёни. Стоило опасаться, что внутри барьера ёкай, однако бедняжка выглядела не менее испуганной, чем сама Эми.

– Чем же ты так взбесила они? – прошептала девушка.

Лиса подняла на нее взгляд и, открыв пасть, вывалила розовый язык в подобии усмешки, в которой явно читалась любовь к проказам. Ладно, может, не так уж она и испугана.

– Ох, ясно, – пробормотала Эми. – Ну и зачем было меня втягивать?

Лиса склонила голову, как бы спрашивая: «То есть ты обвиняешь... меня?»

Они врезал кулаком по вершине купола. Эми подпрыгнула и ссутулилась, стараясь держаться от барьера подальше.

– И что теперь делать? – едва слышно спросила она.

Кицунэ тихонько заскулила и прижала уши. Она тоже не знала. Эми, в отчаянии уставившись на лису, вдруг заметила вокруг нее красные следы.

– У тебя кровь?

Лиса прижала уши еще сильнее. Она ранена. Сильно ли? Эми протянула свободную руку, сама не понимая зачем. Кицунэ мигом взвилась и отскочила, предусмотрительно держась в пределах барьера. Эми застыла, увидев, что там, где лежал ёкай, снег стал темно-красным. Мех на правой передней лапе и боку лисы был выпачкан свежей кровью.

Они жадно зарычал.

– Я чувю твою кровь, отродье Инари! – пророкотал гигант столь низким голосом, что он, казалось, издавал не звук, а вибрацию. Бусинки глаз обратились к Эми. – Откушаю поутру лисятину и человечинку. Храмовая дева... ох, так и веет непорочностью.

– Долго ждать придется, – храбро ответила Эми неожиданно для самой себя.

Они расхохотался, зло, отрывисто, чем заставил ее содрогнуться, и указал на землю.

– Недолго, мико. Вовсе не долго.

Эми опустила взгляд. Офуда под ее пальцами сиял тусклым голубым светом, но края бумажного листочка уже почернели, словно их пожирал невидимый огонь. Кровь отхлынула от щек Эми. Офуда выгорал. Когда он почернеет полностью, чары рассеются.

Они ухмыльнулся, увидев ее страх, и склонился к барьеру.

– Ну что, мико, ждешь спасения от kami?

Еще пара минут, не больше, и чарам придет конец. Что же делать?.. Остальные офуда упали за пределами круга.

– М-моя kami меня защищает, – пролепетала Эми. – Она всегда меня защищает. Она всегда со мной.

Они жестоко рассмеялся.

Внутри Эми вдруг поднялась волна тепла, сосредотачиваясь в груди. Местечко ровно над сердцем обожгло, и барьер вспыхнул, озаряя лес. Они отпрянул и вскинул руки, прикрывая морду. Барьер разгорался все ярче, пока от него не потянулись призрачные ленты света, заплывавшие на беззвучном ветру.

К они ринулось голубое пламя. Гигант завыл и попятился; его руку зацепил свет, и она покрылась волдырями, истекая чем-то зеленым. Они вперил взгляд в Эми и прорычал проклятие. А потом ринулся в лес, с треском ломая кусты. Вскоре воцарилась тишина.

Офуда полыхнул и угас. Эми уставилась на свои перепачканные сажей пальцы. Бумага сгорела, чары развеялись. Эми опустила дрожащую ладонь и огляделась.

Кицунэ успела отбежать в сторону и настороженно наблюдала. С ее живота на снег капала кровь.

– Погоди, – начала было Эми, протягивая руку, – не...

Завидев движение, кицунэ тут же бросилась бежать. И через миг исчезла, слившись со снегом и темнотой.

– ...уйди, – закончила Эми, запнувшись.

Совершенно обессиленная, она огляделась. Алая кровь кичунэ, зеленая слизь они, разворошенный снег превращали поляну в миниатюрное поле боя. Чудище ушло, однако ничто не мешало ему вернуться. Может, кичунэ поступила вполне разумно.

Глубоко вздохнув, Эми наконец встала и пошатнулась. Собрала промокшие офуда, беспомощно покрутила головой, совершенно не представляя, в какую сторону идти. Пришлось выбирать направление наугад.

– Кар! – выдала ворона, наблюдавшая за происходящим с безопасного насеста на дереве.

– Заткнись ты, – буркнула Эми и побрела по бесконечному лесу.

Глава 8

Эми склонила голову, стараясь слушать голос Фуджимото. Как только Катсуо привел ее, мокрую и дрожащую, к нему, гнев превратил до неловкости милого старичка в нечто похожее на краснокожего демона они. Фуджимото сидел за низким столиком в своем кабинете, и каждое едкое слово, отражаясь от стен этой скудно обставленной комнаты, впивалось в свою жертву повторно. Уничижительная лекция продолжалась уже полных полчаса и охватывала все, о чем подозревала Эми: вопиющую безответственность, неуважение к тем, кто переживал и ее разыскивал, пренебрежение к роли камигакари, а также некоторое количество намеков на безмозглость.

Спустя минут десять после нападения они Эми наткнулась на тропу с отпечатками копыт – по чистой случайности, ведь, как ни досадно, шла она все-таки не на юг, а на северо-запад. Затем, уже на полпути к пастбищу, она увидела несущихся верхом по следу сбежавшего коня Катсуо и Минору. Оба сохэя были в ярости: если бы Эми погибла, их службе пришел бы конец.

Фуджимото все продолжал, и Эми, закусив губу, опустила голову еще ниже. Решив посидеть на спине у лошади, она даже не задумалась, что будет с Катсуо и Минору, если с ней что-то случится. Впрочем, она же не собиралась никуда скакать.

Фуджимото недовольно кашлянул и откинулся назад.

– Ну, камигакари Кимура? – спросил он, назвав ее по фамилии. – Что скажете в свое оправдание? Пока вы никак не объяснили свое недостойное поведение.

Эми не смотрела ему в глаза. Стыд в ней боролся с тихим, но неиссякаемым гневом, который зародился после прочтения руководства каннуши. Горло терзали горькие слова, стремясь прорваться наружу. Однако Эми не могла раскрыть то, что узнала правду о своем будущем: ее судьбу это никак не изменит, лишь сделает оставшиеся месяцы тяжелее.

– Мне приснился кошмар, – пробормотала она. – Я прогулялась к конюшне, чтобы прийти в себя и...

– И решили покататься в одиночку по ночным горам? – ядовито перебил ее Фуджимото.

– Конь выскочил за ограду...

Каннуши презрительно фыркнул; от лепечущего старичка не осталось и следа.

– Отныне приближаться к конюшне вам запрещено. Не знаю, что подвигло вас на столь безответственный поступок, но пока я не переговорю с гуджи Ишидой, вам не разрешается выходить за пределы дома и сада. Стоит ли мне приставить к вам надсмотрщика, дабы у вас не было соблазна нарушить указания, камигакари Кимура?

– Нет, каннуши Фуджимото.

– Можете идти. – Он глянул на дверь. – Катсуо, отведи ее в комнату. И сообщи мико Нанако, что госпоже требуется горячая ванна, еда и травяной чай, чтобы уменьшить риск болезни после ночи на холоде.

Дверь кабинета скользнула в сторону. Эми поднялась и вышла за порог, не глядя на Катсуо. А ей самой в спину уперся его злой взгляд, который давил своей тяжестью всю дорогу мимо подмостков и главного святилища. Катсуо молча шагал до самой комнаты, но хлопнул по двери ладонью, как только Эми попыталась ее открыть.

– Ты что творишь?! – Несмотря на шепот, каждое слово дрожало от ярости, которую Катсуо едва сдерживал. – Приснился кошмар? Я ни на секунду не поверил.

Рассказать ли ему правду?... Нет, она лишь причинит ему боль. Он и так печалился о лишениях Эми. А если узнает, что она потеряет абсолютно все и ее судьбу не изменить...

Катсуо склонился ближе.

– Неужели ты ничему не научилась после истории с Ханой? Как ты можешь оскорблять ее память и подвергать себя такой опасности, что...

Эми рывком повернулась к нему лицом, не успев с собой совладать.

– Научилась вообще-то! – прошипела она, еле сдерживая крик. – Все вышло случайно! Я забыла закрыть калитку, и конь сорвался с места. А я всего лишь хотела на нем посидеть минутку!

– Ну и зачем тебе понадобилось на нем сидеть? – прорычал Катуо.

– Потому что я люблю лошадей! Потому что мне никогда не разрешали на них кататься, хотелось попробовать хоть раз!

Он дернулся как от удара, и его гнев растворился в изумлении. Поникнув, Катуо прикрыл глаза ладонью.

– Прости меня, Эми, – пробормотал он. – Это я виноват. Не стоило лезть к тебе со своей жалостью о том, что ты упускаешь. Какой же я дурак!

– Нет, ты не дурак. – Злость Эми иссякла, уступив место давящему на плечи стыду. – И ты не виноват. Мне не стоило уходить одной. Глупо с моей стороны. Я и не думала, что конь сбежит вместе со мной.

Катуо глянул на нее поверх пальцев.

– То есть его имя тебе ни о чем не намекнуло?

– Его имя?

– Мерина зовут Торнадо.

– Я... не знала.

– Все три кобылы очень спокойные. Ни одна бы не сбежала.

Эми скорчила гримасу. Н-да, повезло же ей выбрать самого норовистого! Катуо наконец отпустил дверь, и Эми ее открыла.

В комнате кто-то навел порядок. Футон и постельное белье были убраны в шкаф, чемоданы аккуратно стояли в углу. Ни шкатулки, ни ее содержимого, ни дневника с руководством каннуши не было видно.

Запаниковать Эми не успела. Катуо достал из-под хаори обе книжицы и, улыбаясь, протянул ей.

– Прихватил их, пока никто не видел. Поднялась такая паника, что вряд ли на них вообще обратили внимание. Сперва мы думали, что кто-то напал на тебя и похитил.

Подавив очередной укол вины, Эми забрала книги и прижала их к груди. Она чуть было не спросила, читал ли он их, но сообразила: а когда бы? Едва ли Катуо стал бы расслаиваться с ее дневником, пока она где-то пропадает и явно в опасности. Она наверняка ужасно всех перепугала.

– Спасибо, – шепнула Эми.

– Не за что. – Катуо замешкался. – Послушай, если тебе вдруг захочется испытать что-нибудь еще, просто позови меня, ладно? Новые впечатления – это здорово и все такое, но когда тебе не грозит вред... или хуже.

К глазам Эми подступили слезы. После всего, что Катуо пережил по ее вине, он по-прежнему был к ней слишком добр.

Катуо отступил на шаг.

– Тебе нужно переодеться и принять ванну.

Эми кивнула и вошла в комнату, чувствуя, как неприятно хлопают мокрые носки. Катуо закрыл дверь, и Эми прислушалась к его шагам, зная, что он ушел передавать указания Нанако. Она поморщилась. Ее неизбежно ждала еще одна лекция.

Оставшись в одиночестве безупречно чистой спальни, Эми изумилась, какое же безумие заставило ее броситься в ночь и залезть на коня. Долг и отчаяние так боролись со стремлением взбунтоваться против предательства, что затмили ей разум, но в утреннем свете она поняла –

несколько минут на лошадиной спине совершенно не стоили беспокойства и тревоги, которые она всем причинила.

Подняв руку, Эми уставилась на испачканные пеплом пальцы. Зато она сама нашла дорогу в горах, использовала офуда, выстояла против они. Даже, наверное, спасла жизнь кицунэ – если, конечно, та позже не умерла от ран.

Эми хотела лишь немного впечатлений о жизни вне строгих правил камигакари, а получила куда больше, чем могла представить. Страх, измождение, боль – она чувствовала каждый синяк, – но приключение того стоило. Защитилась от они, действовала сообща со странным маленьким ёкаем, бродила по дикому лесу в одиночку. Каждое воспоминание было ярким, пульсировало жизнью и вдыхало ее в Эми – чего не случалось уже много лет. Приключение было необыкновенным, головокружительным – и ее личным, поэтому, несмотря на стыд и вину, Эми ни капли не жалела.

Если бы Фуджимото узнал ее истинные чувства, его бы хватил удар.

После ванны, завтрака, чашки чая и сна Эми поймала себя на том, что сидит в комнате и просто смотрит в окно на заснеженный сад. Больше делать ей было нечего. Дневник и руководство каннуши временно перекочевали в шкаф. Шкатулки и ее содержимого не стало – Нанако все выбросила, назвав мусором. Пусть ночью безделушки, связанные с ролью камигакари, казались Эми ненавистными, потеря памятных вещей ранила ее куда больше, чем она хотела признать.

Эми устроила локоть на подоконнике и подперла ладонью щеку, держа во второй руке длинное черное перо. Оно поблескивало на свету, когда Эми прокручивала его между указательным и большим пальцами. Она принесла его из леса, намереваясь спрятать в шкатулку – как первое воспоминание, уже не связанное напрямую с долгом камигакари. Увы, шкатулки у нее больше не было.

Положив перо на подоконник, она сбросила волосы с плеч на спину – они ниспадали ниже талии, а сейчас, когда Эми сидела, едва не касались кончиками пола. Она пропустила прядь сквозь пальцы, глядя на кружащий за окном снег. Волосы тоже были отличительной чертой камигакари: ей на протяжении десяти лет запрещали их стричь – только время от времени подравнивать кончики, чтобы сохранить опрятный вид. Сама Эми совсем не хотела носить волосы такой длины, однако считалось, что они имеют духовное значение.

В мысли закралась тоска, пытаясь утянуть разум во тьму. Неизбежный исход с каждым днем приближался. Если бы только у нее был выбор!.. Может, тогда смириться с судьбой оказалось бы не так сложно. Если бы ей не солгали... Если бы она знала все с самого начала, возжелала бы встать на этот путь с детства? Восьмилетний ребенок не способен осознать, что такое смертность. Может, она все равно бы согласилась.

В любом случае теперь уже слишком поздно. От судьбы не уйти. Если Эми и утратит жизнь, то уж лучше ей стать идеальным сосудом для Аматаэрасу – ради мира, ради оммё. Нужно просто перестать об этом думать и притвориться, что все по-прежнему.

Эми глубоко вздохнула, стараясь не обращать внимания на тревогу, норотившую обвить ее скользкими кольцами, и на странное, покалывающее ощущение, от которого хотелось вскочить с места и расхаживать туда-сюда. Рассеянный взгляд Эми вдруг привлекло ярко-красное пятно среди белизны сада – алую осеннюю листву. Издали она напоминала кровь на снегу – кровь кицунэ.

Лиса была, наверное, самой удивительной частью ее приключения. Незлой ёкай... одна мысль об этом казалась Эми нелепой. Впрочем, из всех ёкаев, о которых она слышала, кицунэ считались самыми терпимыми. Да, они были известными плутами, способными доставить множество хлопот, но слыли не такими жестокими, как остальные ёкаи. Другое дело, если бы у

кицунэ был не один хвост – это, согласно легендам, указывало на ее возраст и могущество, – однако малышке в лесу не хватало сил даже на побег от них.

Тем не менее кицунэ были посланниками Инари, куницуками огня; демон-они даже назвал лису отродьем Инари. Наверное, побеспокоиться все же стоило. Инари точно захочет смерти камигакари Аматаэрасу и может приказать ёкаям на нее охотиться. Была бы Эми поумнее, она не стала бы выручать кицунэ – да и не то чтобы это вообще входило в ее планы изначально.

Эми закусила губу. А ведь лиса-то спасла ее первой – когда к ней, оцепеневшей от страха, ринулся он. Кицунэ прыгнула наперерез и укусила великана. Она спасла Эми, а камигакари бросила ее умирать!

Нет. Эми покачала головой, уткнувшись в ладони. Кицунэ убежала сама. Да и что оставалось делать – гнаться следом? Лиса-ёкай не знала, что Эми – камигакари, но что ей помешает догадаться позже? Может, кицунэ и не злобное чудище, но все-таки и это существо по-своему опасно.

Эми прикусила губу сильнее. Каким же разумом светились алые глаза! А эта хитрая лисья усмешка... и столько крови...

Но нет, Эми ничего не могла сделать. Ёкаи опасны. Ей нельзя так рисковать.

Подняв голову, она уронила руки на колени. Нельзя, ведь ее тело нужно Аматаэрасу целым и невредимым – а не истерзанным после встречи с ёкаями. Однако Эми была перед кицунэ в долгу, а если все спланировать, то ей удастся помочь маленькому ёкаю без риска – без особого риска, во всяком случае. У Эми оставались считанные недели, и она хотела совершить какой-нибудь значимый поступок – для себя самой, а не для служения Аматаэрасу. Например, отплатить добром кицунэ и, возможно, даже спасти при этом жизнь белой лисицы.

С мрачной решимостью Эми встала и быстро заплела волосы в косу, которую затем свернула в тяжелый пучок и скрепила. Надела белое хаори, уже сухое и чистое – за исключением пары пятнышек, напоминающих о падении со склона. И, наконец, положила блестящее черное перо в свой дневник, словно закладку, и спрятала его в углу шкафа. А потом сдвинула дверь комнаты в сторону. Для плана требовалось кое-что еще.

Не успела Эми провести на кухне и пары минут, как на пороге появился хмурый Катсуо. – А ты разве не должна сейчас спать? Что ты делаешь?

Глянув на него, Эми вытащила из холодильника упаковку свиных котлет и опустила в тряпичную сумку перед собой.

– О, Катсуо, вот ты где. Есть аптечка?

– Ты ранена? – В его голосе прорезалась тревога. – Что...

– Нет, нет, я в порядке. Просто нужна аптечка. У нас есть?

– Да, но...

– Можешь захватить?

Катсуо нахмурился еще сильнее и вышел из кухни. Эми забрала остатки обжаренной рыбы и две бутылки воды, а потом встала с открытой сумкой перед Катсуо, который как раз вернулся с белой пластиковой коробочкой. Он сощурился и медленно положил аптечку к другим предметам.

– Что ты задумала?

– Мы с тобой, – с улыбкой отозвалась Эми, – пойдем на прогулку.

– Прогулку?

– Ага.

– Куда? – Катсуо последовал за ней к выходу из дома. – Каннуши Фуджимото говорил, что ты должна оставаться у себя.

– Они с Нанако весь день просидят в кабинете.

– Эми. – Катуо скрестил руки, глядя, как она надевает туфли. – Я не стану помогать тебе нарушать его запреты. Не втягивай нас в неприятности.

Эми выпрямилась и вскинула брови.

– Ты, кажется, просил звать тебя с собой, если мне опять захочется «впечатлений».

Катуо поморщился, видимо, жалея, что дал такое опрометчивое обещание.

– Говорил, но моя работа – тебя защищать, и я не могу тебя никуда отпустить после случившегося.

– Вообще-то, – бодро заметила Эми, – ты не можешь меня остановить. Тебе нельзя меня касаться.

У него отвисла челюсть.

– Поэтому, если ты намерен меня защищать, тебе попросту придется пойти со мной. Каннуши Фуджимото поймет, не переживай.

Катуо чуть не подавился возмущением. Эми усмехнулась и сбежала по ступенькам на дорожку, оставив его поспешно обуваться. Он догнал ее на углу дома.

– Снова конюшня? – настороженно уточнил Катуо. – Зачем мы идем к конюшне? Я-то думал, что лошадей тебе на сегодня хватило.

– Мы идем немного дальше.

– Дальше?! Ты хочешь уйти с земли храма? С ума сошла?

– Не сошла! – огрызнулась Эми.

От хорошего настроения не осталось и следа – в основном потому, что девушка и сама гадала, не спятила ли. С каждым шагом от дома к горе уверенность Эми иссякала. О чем она только думала? Кицунэ не станет ждать ее на том же месте, а прочесать тысячу квадратных миль дикого леса в поисках маленькой лисички она попросту не сможет. Да и вообще – так ли она хочет помогать ёкаю? И согласится ли кицунэ принять помощь? В прошлый раз лиса сбежала.

Когда они с Катуо в напряженном молчании шли мимо ограды, Эми не удержалась и виновато глянула на поле, где паслись только три лошади. Минору часами обыскивал все тропы, но Торнадо так и не нашел. Оставалось надеяться, что на него не успел наткнуться они.

В десяти ярдах от пастбища стояли красные тории, отмечая конец земель. Эми замерла и нервно сглотнула. В прошлый раз она их даже не заметила – так отчаянно пыталась не свалиться с летящего галопом коня, – но теперь девушка покидала безопасное место по своей воле. Врата тории создавали сильный барьер вокруг храма и не позволяли злонамеренным ёкаям войти.

Эми колебалась. Поклон вратам был данью уважения к ками, однако чувства Эми к Аматаэрасу спутались в комок и причиняли боль. Она ненавидела ками, из-за которой ее ждала неминуемая смерть, но в то же время знала, что Аматаэрасу – божеество, которому некогда тревожиться о жизни какой-то смертной девчонки. Особенно сейчас, когда ками отчаянно нуждается в сосуде. Аматаэрасу должна быть доброй, сострадательной, однако, когда Эми чувствовала ее присутствие, ками ее ни разу не предупреждала об участии камигакари.

Она попыталась шагнуть вперед, но все-таки не сумела позволить себе такое неуважение. И шмыгнула между красными столпами, лишь отвесив быстрый, скованный поклон.

Катуо поравнялся с ней и прищурился.

– Так куда мы идем?

Эми прикусила щеку изнутри.

– Ну, понимаешь... этим утром у меня случилась... неожиданная встреча.

– Какая еще встреча?

Она мысленно сжалась, предчувствуя его реакцию.

– На меня напал они.

– Они?! – рявкнул Катуо, и его громкий голос разнесся по лесу. – На тебя напал горный они?! Как?

– Я использовала офуда. Они не смог пробить барьер и ушел.

– Просто ушел?

Эми пожала плечами. Она не представляла, как объяснить, чем ее барьер так обжег они.

– И что же после такой «встречи» заставило тебя вернуться?

– Они чуть меня не убил, но меня спасла кицунэ. Выпрыгнула вперед и укусила они, так что я успела поставить барьер. А ведь она была ранена... вся в крови. – Эми хмуро уставилась на землю, боясь взглянуть на Катуо. – Кицунэ спасла мне жизнь, поэтому я хочу вернуться, вдруг она еще там? Оставить немного еды... хоть как-то отблагодарить.

– Эми...

– Знаю, глупо, – быстро сказала она. – Но ёкаи тоже ками, а если ками тебя защитил, то положено сделать ему подношение.

– Ты надеешься, что кицунэ до сих пор тут, но что, если поблизости бродит и они?

– Поэтому я и прихватила тебя.

– Вот счастье-то, – буркнул Катуо. – Стоило позвать и Минору.

Эми глянула на его мрачное лицо.

– Ты не справишься с они?

Катуо издал сухой смешок.

– Твоя вера в мои силы, конечно, льстит мне, однако ни один сохэй не станет недооценивать горного они.

Эми замерла. Катуо прошел еще несколько шагов и, спохватившись, обернулся.

– Давай вернемся, – произнесла она, стискивая сумку с едой, водой и аптечкой. Нельзя рисковать жизнью Катуо. Его ждет нормальное будущее, а не жалкие несколько недель. – Все это не стоит твоей жизни.

Он нахмурился, глядя на нее. Они стояли друг напротив друга на снежной тропе, а вокруг возвышались деревья.

– Не стоит моей жизни, – мягко, почти задумчиво повторил Катуо, – но стоит твоей?

Эми не знала, что на это ответить. Но прежде чем она успела сообразить, Катуо махнул рукой и зашагал дальше.

– Не будем терять время. Надо вернуться до того, как Фуджимото и Нанако справятся со своими делами.

– Но... – Эми поспешила догнать Катуо. – А как же они?

– Его ки наверняка легко заметить. Если я его почую, то сразу дадим деру.

Она вспомнила страх, который расплзался по телу, пробирался под кожу. Мощная ки предупреждала всех в округе о приближении опасного создания. По той же причине Эми приходилось носить оамори Ишиды – чтобы подавить пропитанную силой ками ки, способную выдать ёкаям ее истинную сущность.

Встревоженная и приободренная одновременно, Эми снова зашагала впереди. Через десять минут пути они прошли мимо места на тропе, где утром ее нашли Катуо и Минору. В полумиле оттуда обнаружился и пролом в кустарниках, через который она свалилась вниз. Дальше уже было довольно просто проследовать по ее следам на снегу обратно в лес. В свете дня он казался далеко не таким зловещим. Среди деревьев громко перекликались птицы; пробежала мимо и вскочила на дерево рыжая белка с белым животиком – а потом уселась на ветку, стискивая в крошечных лапках орешек и настороженно наблюдая за людьми.

Теперь Эми, к своему стыду, поняла, насколько извилистым был ее путь на самом деле. Она, как выяснилось, не могла идти по прямой, даже если от этого в буквальном смысле зависела ее жизнь. Несмотря на веселое птичье пение, чем глубже они заходили в лес, тем тревож-

нее Эми становилось. Катсуо шел за ней по пятам – так близко, что она ощущала его тепло, – и держал руку на рукояти катаны.

Они вдруг очутились на небольшой поляне. Эми замерла; ее взгляд скользнул по снегу, крови и зеленой влаге, которая осталась после них. Катсуо широким шагом прошел дальше и осмотрелся. Опустившись на колени рядом со следами, припорошенными свежим снегом, он тихонько присвистнул и приложил поверх ладонь. Растопыренные пальцы прилично не доставали до краев отпечатка.

– Здоровенный, – пробормотал Катсуо. – Следы на западных тропах были куда меньше.

Эми сосредоточилась на крошечных следах кицунэ, убегающих прочь. Кровь делала их ярче, заметнее.

– Сюда, – позвала она, прижав сумку рукой. – Катсуо, скорее.

Эми поспешно устремилась в заросли. Прошло уже столько часов... кицунэ могла оказаться очень далеко. Но судя по крови... она все же была сильно ранена. А значит, вряд ли сумела бы долго бежать.

Когда лес начал превращаться в чащу, Катсуо пошел впереди. Он часто опускался на корточки, чтобы свериться со следом, который было видно все хуже и хуже. Спустя еще несколько дюжин ярдов сохэй остановился и вздохнул.

– Потерял след. Кицунэ умело его замела. Без гончей ее не найти.

Эми поникла. Она ведь так надеялась.

– Но мы можем оставить подношение здесь, – мягко произнес Катсуо. – Если она неподалеку, то учует еду.

Эми кивнула, кусая губы. Придется довольствоваться этим, если больше ничего не поделишь.

– Кар! – прорезался сквозь птичьи трели хриплый крик.

Эми вскинула голову. Высоко на ветке сидела черная ворона.

– Опять ты...

Ворона повертела клювом. Расправила крылья, слетела с места. Беззвучно пронесшись между деревьями, опустилась на ель в тридцати ярдах.

– Кар, кар! – позвала птица.

– Что ты... – начал было Катсуо.

Эми, не сводя глаз с вороны, подняла руку, и он умолк.

– Кар!

Птица как будто приказывала, настаивала. Эми почти слышала слова, которые та была не в состоянии произнести: «Иди!»

Может, кицунэ была сегодня не единственным ёкаем в обличье зверя в этом лесу.

– Идем, – сказала Эми. – Сюда.

– Да что...

Она бросилась вперед, не дожидаясь вопроса Катсуо. Ветки хлестали ее по лицу, цеплялись за одежду, однако Эми упрямо бежала вперед, следуя за вороной, которая вновь перелетела на другую ветку и громко каркнула.

А вдруг это самая обычная ворона и Эми всего лишь гонится по лесу за случайной птицей? Нет, вряд ли. Ворона была здесь раньше. Она направила кицунэ к Эми. Предупредила их о том, что рядом демон они. Эми была в этом уверена. Не все ёкаи – и ками – обладали большой силой. Встречались и слабые, в которых теплилась лишь капля ки. Ворона была ёкаем и звала Эми за собой – хоть та и не знала почему.

Перелетая с дерева на дерево, ворона вдруг устремилась ближе к земле и села на ветку голого клена. Там она замерла, явно не намереваясь двигаться дальше. Эми остановилась, опасаясь подходить ближе.

Ворона повернула голову и уставилась на нее черным глазом-бусинкой. А потом глянула вниз, указывая на что-то клювом.

Под ее насестом обнаружилась поваленная на валун ель, высыхающие ветви которой удобно скрывали нору. Эми осторожно шагнула вперед и потянулась к завесе.

Катсуо преградил ей путь и, одарив суровым взглядом, обнажил катану.

– Кар, кар, кар! – пришла в ярость ворона, завидев оружие.

Не обращая на нее внимания, Катсуо сдвинул клинком ветви. В небольшой норке за ними показался пушистый клубок.

– Кицунэ! – Эми отгнала Катсуо и, упав на колени, подалась ближе. – Кицунэ?..

Та не пошевелилась. У Эми оборвалось сердце. О нет! Слишком поздно. Лисица умерла от ран. Со слезами на глазах Эми бережно вытащила маленькое существо из норы... И услышала тихий стон боли.

Охнув, Эми невольно выпустила кицунэ из рук, и бессознательное тельце обмякло на снегу. Красивый белый мех был весь в крови.

– Живая? – Вернув катану в ножны, Катсуо осторожно раздвинул окровавленный мех. – Проклятье! Одна рана тут, на передней лапе, а другая, поглубже, идет через плечо и грудь.

– Она выживет? – дрожащим голосом спросила Эми. От этого зрелища у нее закружилась голова. Как такое маленькое тельце до сих пор не погибло, потеряв столько крови? Кицунэ, как ей казалось, была лисой самого обычного размера, но весила максимум в два раза больше домашнего кота.

– У ёкаев нет смертных тел, как у нас, – рассеянно отозвался Катсуо, продолжая осматривать раны. – Он не умрет, пока не потеряет всю ки, но с такими повреждениями шансов у него маловато.

– Он?.. – пробормотала Эми.

– Да, самец. Думаю...

– Кар!!!

Эми раздраженно вскинула голову и огрызнулась:

– Чего тебе?

Ворона развернула крылья и забила ими в воздухе.

– Кар-кар-кар!

Эми узнала этот тревожный клич и замерла, прислушиваясь. Все птицы умолкли, лес погрузился в тишину. По земле заструился скользкий страх.

– Катсуо... – выдохнула Эми. – Здесь они!

– Что? Я не чувствую...

– Я чувствую!.. Он уже близко!

Эми поспешно расстелила на земле свое хаори. Катсуо закутал в него кицунэ и, подхватив сверток на руки, встал. Ворона снова тревожно каркнула и сорвалась с места. Она пролетела так близко над головой Эми, что девушку обдало порывом ветра, а затем устремилась в сторону, противоположную той, откуда они пришли.

– Следуй за вороной, Катсуо.

– Эми, ты уверена...

– Да!

Зная, что он в любом случае последует за ней, Эми бросилась бежать изо всех сил. Ворона скользила от ветки к ветке, отмечая самый простой путь, без единого препятствия для бескрылых людей. Катсуо, судя по топоту, держался рядом. Эми сосредоточилась на беге, радуясь, что в требования к камигакари входила и хорошая физическая подготовка; для избранной неприемлемо быть слишком хрупкой или толстой.

Впрочем, бежать слишком долго Эми все-таки не могла. Холодный воздух уже до боли впивался в легкие. Однако она не замедляла ход – не смела даже думать об этом. За ней по пятам струился уже знакомый ужас, становясь сильнее с каждым мгновением.

Откуда-то сзади донесся рев. Эми споткнулась и чуть не упала, но Катсуо успел поймать ее за локоть, прижимая к себе кицунэ второй рукой. В его глазах читался страх, и от этого Эми испугалась еще больше.

Ворона настойчиво каркнула: «Скорее!»

Эми побежала быстрее; Катсуо не отставал. Они вновь заревел, теперь громче – и ближе. Гораздо ближе.

Деревья кончились, под ногами вдруг возникла тропа. Эми заскользила по снегу, размахивая руками для равновесия и стараясь не уронить сумку с плеча. У другого конца тропы опять каркнула ворона, и Эми, развернувшись, заметила алое пятно. Вдали, среди деревьев, едва виднелись тории.

Катсуо на ходу сунул сверток с кицунэ ей в руки, а сам выхватил меч. Сзади оглушительно затрещали ветки. Эми рискнула оглянуться ровно в тот миг, когда чудовищный они вырвался из кустарников на тропу и бросился в погоню, быстро сокращая расстояние.

Мышцы пылали от напряжения, легкие горели, но тории были все ближе и ближе. Эми прижимала кицунэ к груди, чувствуя, как страх оплетает ее кольцами, высасывает последние силы. Еще чуть-чуть...

Ворона тревожно каркнула. Они торжествующе заревел. Эми не оглянулась. Уже совсем близко!

Катсуо развернулся, вскинув меч. Эми хотела крикнуть, чтобы он не останавливался, но дыхания не хватило. Она все же бросила взгляд назад – и ее сердце сжалось в груди: чудовищный ёкай несся напрямик на Катсуо.

Тот занес катану. Лезвие засияло голубым.

– Сотэй-но-шинкецу! – заорал Катсуо.

И разрубил воздух. Полоска голубого света, сорвавшись с клинка, ударила они в грудь. Ёкай застыл как вкопанный – словно попал в ловушку, – а Катсуо бросился бежать. Постоянно оглядываясь, Эми чуть не споткнулась у самых тории.

Ёкай взревел. Сияние, которое его окутывало, взорвалось искрами и рассеялось. Они вновь бросился в погоню, но Катсуо уже достиг алых ворот. Нырнув в них, он развернулся с мечом наготове. Тории отмечали границу земли храма, но в глазах Эми они были свободным проходом – отнюдь не тем, что помешает чудовищу поймать добычу.

Они остановился у самых тории. Оскалился, обнажая огромные клыки и острые зубы.

– Мико! – прорычал они. – Отдай мне отродье Инари, и я пощажу тебя, хоть ты уже дважды помешала забрать то, что принадлежит мне.

Катсуо поднял клинок.

– Ты ее не тронешь, они! Возвращайся на свою гору.

– Я позволял тебе ходить по моим горам, человек, но теперь с меня хватит. Ослушавшись – и я предаю смерти любого, кто наберется храбрости ступить за ваш жалкий барьер.

Ладони Эми сжались в кулаки поверх свертка из хаори.

– Смеешь нам угрожать? – громко произнесла она, не понимая зачем. – Здесь ты не властен, ёкай. Прочь из моих владений!

Стоило последним словам сорваться с губ, как пространство в центре тории замерцало и налилось светом. Он становился ярче, разливаясь во все стороны – и барьер вокруг земель храма вдруг стал виден, чего еще никогда не случалось.

Они вздрогнул. Ощерившись, пометался туда-сюда перед сияющими тории, а потом заревел и ринулся прочь. Лес поглотил его громоподобные шаги.

Воцарилась тишина, и голубой свет постепенно угас. Эми пошатнулась, резко ослабев. Катуо поймал ее под локоть, помогая устоять на ногах, но затем тут же отдернул руку, вспомнив, что не должен касаться камигакари.

– Что это было? – потрясенно спросил он. – Это ты?.. Ты зажгла тории?

– Н-не думаю... Наверное... нам помогала Аматаэрасу.

Катуо распахнул глаза еще шире.

– Кар!

Эми обошла его и взгляделась в лес. С другой стороны невидимого барьера, с насеста на ветке за ними наблюдала ворона.

– Спасибо, – произнесла Эми, низко поклонившись, невзирая на сверток с кицунэ. – Мы о нем позаботимся. Здесь ему ничего не грозит.

Птица склонила голову, а потом изобразила подобие поклона. И, расправив крылья, скрылась среди деревьев.

– Ого, – шепнул Катуо. – Это и в самом деле ёкай. А я, признаюсь, было решил, что ты немного с ума сошла. Как ты про него догадалась?

– Случайно, – пробормотала Эми.

Она уставилась на сверток у себя в руках. Она пообещала ёкаю-вороне, что убережет кицунэ. На деле все было не так уж просто, учитывая, что она только что тайком пронесла ёкаю в храм Аматаэрасу – в котором каннуши чрезмерно трясется по поводу ёкаев, пока у него живет камигакари.

– Что теперь?

Катуо тоже глянул на сверток.

– Думать нужно быстро. Не знаю, почему они так помешался на убийстве этого кицунэ, но в любом случае чем меньше ёкай пробудет у нас, тем лучше.

Эми кивнула, и они вместе направились к конюшне. Катуо предложил понести кицунэ, однако Эми отказалась, прижимая сверток к себе. Она его спасла, вытащила из лап того они, а теперь нужно было лишь одно – чтобы он выжил.

Глава 9

Эми расхаживала по комнате туда-сюда.

После возвращения Катуо унес кицунэ в хранилище. Раны уже не кровоточили, поэтому Катуо мог лишь смыть с ёкая большую часть крови, укутать в одеяла и оставить еды и воды – если тот вдруг очнется ночью.

Эми ничем не могла помочь сохэю. Ей пришлось вернуться к себе и сидеть без дела, притворяясь послушной и раскаивающейся всякий раз, когда к ней для проверки заглядывали Фуджимото и Нанако – что они успели сделать уже множество раз до и после ужина. Заметив, что Эми скучно, Нанако приволокла ей учебник с правилами этикета – детскую книжку о манерах и подобающем поведении, которая осталась нетронутой на столе.

Эми снова прошла по комнате. За окном выл ветер; с наступлением темноты разыгралась буря, больше похожая на зимнюю, нежели осеннюю, соответствующую календарю. Из-за яростных порывов снег не падал, а летел чуть ли не горизонтально. Эми даже вытащила из шкафа электрический обогреватель, так что в спальне вскоре стало жарко – однако от окна по-прежнему исходил неприятный холод.

А вот в хранилище никакого отопления не было. Переживать, правда, не стоило: у кицунэ меховая шерстка, он преспокойно зимовал в лесу. Но что, если сейчас он слишком слаб и не перенесет такой мороз? Что, если он умрет в этом выставшем хранилище, пока Эми сидит в тепленькой спальне и думает, что он в порядке?

Она тихонько зарычала, понимая: заснуть, не проверив кицунэ, ей не удастся. Распахнув шкаф, она выбрала самое плотное хаори и надела поверх кимоно. Затем подумала, не заплести ли волосы – она уже успела распустить косу, после которой длинные пряди слегка завились. Решив не тратить время, Эми просто убрала их под хаори и сдвинула дверь спальни. Ветер стучал по тонким стенам, которые отделяли настил от сада. Эми осторожно выглянула. В доме было темно и тихо. Скользнув за угол, она прокралась к выходу.

Стоило открыть входную дверь, как по лицу хлестнул порыв ледяного ветра. Эми поспешила выйти и задвинуть дверь обратно, чтобы в дом не намело снега. Дрожа и прикрывая рукой лицо, она направилась к храму сквозь бушующую метель и ветер, который тут же выпростал ее волосы из-под хаори и принялся яростно трепать.

Мостик через пруд был покрыт почти невидимым в темноте льдом. Замешкавшись на миг, Эми крепко ухватила за поручень и крошечными шажочками преодолела преграду. Огни храма, горевшие день и ночь, помогли ей найти дорогу во дворик. Кутаясь в хаори, Эми обошла канцелярию и провалилась по лодыжку в снег. Хранилище казалось темным пятном среди белых завихрений.

Она отодвинула дверь плечом и шмыгнула внутрь. В высокие окошки проникало немного света, и Эми осторожно пробралась к дальнему углу хранилища – к груде одеял, мисочке с водой и остаткам рыбы, которые она носила в лес.

Из-под одеял выглядывала белая мордочка с черным носом. Это Катуо так укутал лиса или тот сам спрятался?

– Кицунэ? – шепнула Эми, опустившись на колени.

Лис не шелохнулся. Она бережно приподняла край одеяла, открывая голову зверька. Его глаза были закрыты, и он по-прежнему не шевелился. Эми отодвинула одеяло. «Большая часть крови» в понимании Катуо, как выяснилось, совершенно отличалась от ее ожиданий. Лис остался наполовину перепачкан красным; мех свалился от грязи.

Эми глянула на миску – вода покрылась корочкой льда. Ветер хлестал по стенам, дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Мотнув головой, Эми вновь укутала кицунэ и подняла

сверток с ним на руки. Тут слишком уж холодно. Придется вернуть его обратно, когда буря утихнет.

Как можно скорее вернувшись в комнату, Эми уложила кицунэ на пол, а сама сбегала в ванную. Взяв таз с горячей водой и полотенца, она на цыпочках прокралась обратно и закрыла дверь. Потом расстелила пару полотенец на футоне и устроила кицунэ на них, уложив его на здоровый бок. Лис казался таким маленьким и хрупким. Эми легонько погладила шелковистое ушко. Ёкай. Как странно. Она так долго считала их чудовищами, и милый лис в это представление совершенно не вписывался.

Окунув мочалку в воду, Эми принялась бережно смывать грязь и кровь. Последняя не особо желала оттираться, окрашивая белую шерстку розовым. Эми аккуратно очистила все вокруг раны на груди и плече, затем спустилась на переднюю лапу. И замерла.

Вокруг лапы, от локтевого сустава и ниже, были обмотаны онэнджу – четки с блестящими красными бусинками, которые так хорошо сливались с окровавленной шерстью, что Эми раньше их не замечала. Она нахмурилась, склонившись над лапой. Зачем ёкаю четки? И как он их так намотал? Наверняка это сделал кто-то другой.

Не зная, как лучше поступить, Эми попыталась вытереть кровь вокруг четок, но они уж очень мешали. Пожав плечами, она подцепила нижний виток двумя пальцами и потянула вниз.

Стоило ей коснуться бусин, как по руке пронеслась вспышка жара – правда, Эми не сразу сообразила, что это означает.

Из онэнджу вырвалась сила. Эми отбросило в сторону. Звякнуло разбитое стекло – с маленького алтаря упали вазочки. Кожу закололо от прикосновения ки, высвобожденной из бусин, такой сильной... и почему-то знакомой. Охнув, Эми приподнялась и тут же посмотрела на фuton – в ужасе, что эта сила разорвала кицунэ на клочки.

Однако кицунэ пропал. На постели лежало нечто совершенно иное.

От потрясения у Эми буквально замерло сердце. Долгое мгновение – и оно вновь ожило, заколотившись о ребра. Эми отползла и врезалась спиной в стену. Моргнула раз, два, три... но зрелище не менялось.

На месте кицунэ растянулся человек. Его плечи скрывало белое косодэ, оставляя верхнюю часть мускулистых рук обнаженной. От запястья до локтя они были обернуты черной тканью, перевязанной красными шнурами, концы которых опускались на пол, напоминая кровь. Вокруг пояса был обернут узкий красно-черный оби. Довершали образ черные хакама и кожаная обувь. Никакого оружия; лишь блестящие алые онэнджу на правом предплечье.

Пока Эми пыталась успокоиться, кицунэ-человек ни разу не пошевелился – у него лишь слабо поднималась и опадала грудь. Он все еще оставался без сознания. Эми с трудом сглотнула, наконец собираясь с мыслями. Легенды гласили, что кицунэ – оборотни, верно? Однако этот изменил облик не сам, ведь по-прежнему лежал без чувств. Должно быть, Эми запустила превращение тем, что коснулась онэнджу.

Она несколько раз глубоко вздохнула. Ёкай так и не пришел в себя. Он не мог причинить ей вред – пока что. Кицунэ она не боялась, но этот ёкай – совсем другое дело. Правда, он без сознания. Это хорошо.

Дрожа, Эми встала на ноги и осторожно шагнула ближе. Белоснежные волосы, столь же мягкие на вид, как лисий мех, падали спутанными прядями на лоб – а из них торчала пара белых лисьих ушек. Тело кицунэ стало полностью человеческим, а лисьи ушки почему-то остались. По лицу, расслабленному в забытии, нельзя было определить его возраст. Может, он ровесник Эми, а может – на десяток лет старше, она не знала.

Она снова придвинулась, продолжая глазеть. На ее постели ёкай! С маленькой лисой все казалось гораздо проще. Наверное, во всем были виноваты новые размеры ёкая – теперь его присутствие словно заполняло ее спальню. Эми шагнула еще ближе, внимательно наблюдая за лицом ёкая. Никаких перемен, ни одна мышца даже не дернулась.

Не успев струсить и передумать, Эми наклонилась и тронула кончиками пальцев его правое ухо – совсем как лисье, но чуть побольше размером, теплое и шелковистое. Невероятно! Она скользнула пальцами в его волосы и нащупала линию челюсти. Человеческих ушей у ёкая не было. Впрочем, две пары ушей – это было бы как-то жутковато.

Так странно. Ёкаи в представлении Эми были зверями, как ворона, или чудовищами, как они. Однако существо на ее постели казалось человеком – если бы не неестественно белые волосы и лисьи уши.

Сердце наконец замедлило лихорадочный бег, и Эми присела на корточки, не представляя, что ей делать. Она уже не могла отнести кицунэ обратно в хранилище, не могла оставить и здесь; взрослого мужчину спрятать куда сложнее, чем маленькую лису.

Эми снова обвела его взглядом, вдруг задержавшись на правой руке – и рваной ране на ней. По коже стекала тоненькая струйка крови. Стоило сообразить, что раны просто так не исчезнут. Собравшись с духом, Эми нашла среди разбросанных вещей мочалку и аптечку. В комнате словно пронесся ураган. Если бы не буря снаружи, сюда уже давным-давно примчались бы Фуджимото и Нанако. Ох и повеселилась бы Эми в попытках объяснить, откуда у нее в постели ёкай без чувств.

Она опустилась на колени рядом с футоном. Постоянно проверяя, не пришел ли кицунэ в себя, Эми бережно вытерла кровь, приложила к ране ватные подушечки и закрепила их бинтом. Тревожно глянув на лицо кицунэ, Эми распахнула косодэ и увидела вторую рану, идущую от плеча до груди – весьма рельефной.

У Эми запылали щеки. Она прижала вату к ране, стараясь не думать о твердых мышцах под своими ладонями. Ей еще не приходилось касаться мужчин вот так. По правде сказать, она вообще их редко касалась, если не считать случайности. То, что Катсуо схватил ее за локоть и помог устоять, было самым интимным прикосновением с тех пор, как она стала камигакари. А теперь ее ладони лежали на обнаженной груди мужчины... вернее, ёкая.

Он отличался не только отменной фигурой, но и невероятной красотой. Точеными, но не слишком острыми чертами лица, смягченными встрепанными волосами – или, правильное сказать, шерстью? Внешне кичунэ даже превосходил Катсуо, а это говорило о многом.

Но, разумеется, Эми было все равно. Он ёкай, дух, а не человек, хоть и похож внешне. Она глянула на его лисьи уши, чтобы убедить себя в этой мысли. Не человек, совершенно точно.

Обмотать ему весь торс бинтом Эми не могла, поэтому ей пришлось выудить из аптечки пластырь и прикрепить ватные подушечки уже с его помощью. Затем Эми откинулась назад и полюбовалась трудами. Неплохо. По крайней мере, он не зальет кровью свое белое косодэ. Эми собрала аптечку и убрала ее в сторону. Теперь-то что?

Поджав губы, она запахнула косодэ обратно и аккуратно поправила полы. Вот, намного лучше. По крайней мере, гораздо меньше отвлекает. Она что, любовалась ёкаем? Надо было срочно взять себя в руки. Эми прикрыла глаза ладонью и глубоко вздохнула. Восстановив душевное равновесие, она убрала ладонь.

И вдруг ощутила на себе взгляд рубиновых глаз.

Краткий миг она не могла пошевелиться, пойманная врасплох сонным взглядом ёкая и озадаченной морщинкой на лбу.

А потом Эми охватила паника.

Она бросилась было бежать, но не успела. Кицунэ с силой дернул за рукав кимоно, и Эми упала. Прямоком на самого кицунэ. Извиваясь, она откатилась в сторону, а он вновь схватил ее и притянул обратно. Его рука, крепкая, словно стальные тиски, обхватила ее вокруг талии, прижав ей руки к телу, а ее саму – к его груди.

А вторая его рука сжалась на горле – так, чтобы удержать жертву на месте, не более.

Голова кружилась от страха. Скованная, Эми не могла дотянуться до офуда в потайном кармашке. Она была беспомощна. Ее еще никогда так не обездвигивали. Мысли смешались. Ну почему, почему она не сбегала за Катсуо, как только кицунэ обернулся человеком? Да и зачем вообще принесла его к себе в комнату?

Ёкай не шевелился. Просто удерживал Эми силой, которую та была неспособна преодолеть. Она откинула голову, чтобы взглянуть ему в лицо, понять намерения, однако кицунэ смотрел не на нее. Его взгляд блуждал по комнате, напряженный, внимательный, изучающий. В алых глазах, оставшихся такими же, как и в лисьем облике, светился живой ум.

Затем эти глаза мельком опустились, и на лице кицунэ отразилось удивление – он как будто не ожидал, что Эми на него посмотрит. Его рот изогнулся в лукавой усмешке, сверкнули острые клыки, которые были скорее лисьими, нежели человеческими.

Страх Эми его забавлял, и от этого в ней вспыхнула крошечная искорка гнева.

– Отпусти!

– О, малышка-мико, тебя разве не учили, что нельзя убегать от ёкаев? – Глубокий, мурлыкающий голос заставил Эми вздрогнуть. Кицунэ провел носом вдоль ее челюсти, от подбородка до уха. – Так мы точно нападем, – шепнул он, щекоча ее кожу дыханием.

По спине пробежали мурашки, и Эми стиснула зубы.

– Убери от меня руки!

Кицунэ хмыкнул и ткнулся носом ей в волосы, шумно втягивая воздух.

– А разве не ты первая начала?

– Я перевязывала твои раны, – произнесла Эми как можно строже, отчаянно надеясь, что голос не дрогнет. – А ты подобным неуважением и неблагодарностью к той, кто спас тебе жизнь, только доказываешь, что о вашем племени рассказывают сущую правду.

Кицунэ вскинул голову, и Эми пронзил страх, что она его оскорбила и что теперь он точно ее убьет. Однако вместо этого он задумчиво хмыкнул и разжал руки.

Эми чуть было не отскочила прочь, но вовремя вспомнила его замечание, что бегать от ёкаев не стоит. Не ожидая от себя подобной сдержанности, она осторожно встала и отошла на четыре шага. Кицунэ остался на месте – он полусидел, небрежно приподнявшись на локте, – и

склонил голову к плечу, наблюдая. В этом движении было что-то лисье, особенно в сочетании с самыми настоящими лисьими ушами. На его губах заиграла легкая, понимающая усмешка.

Эми опустилась на колени – в основном потому, что ноги у нее дрожали так сильно, что кицунэ мог это заметить. Как можно небрежнее спрятав ладони в противоположные рукава кимоно, она зажала между двумя пальцами офуда, готовая в любой момент их вытащить.

– В этом нет нужды, малышка-мико, – произнес кицунэ, едва ли не лаская ее каждым словом. Почему у него такой неземной и в то же время человеческий голос?.. – Я не причиню тебе вреда.

Эми покраснела, смутившись тому, как явно выдала свои намерения, но офуда не отпустила.

– И почему тогда ты на меня... напал?

– Напал, говоришь? Когда приобнял слегка?

– Ты... – Эми умолкла и тряхнула головой. Если уж он считал, что насильно прижимать к себе девушку и тереться об нее лицом – это нормально, то никакие слова его не переубедят. – У тебя манеры как у пса.

– Ну... мы, знаешь ли, родня. Лисы, собаки. – Он пожал плечами. – А ты чего ждала? Ритуальное приветствие, как при дворе императора?

– Хотелось бы немного уважения к человеку, который тебя спас.

– Ах да, ты в самом деле меня спасла, и я весьма благодарен.

Кицунэ поклонился, продолжая сидеть на месте. Движение, несмотря на неудобную для этого позу, вышло невероятно изящным. К удивлению Эми, он задержался в поклоне на пару долгих мгновений, выражая глубокую признательность.

Выпрямившись, кицунэ лениво потянул себя за прядь белых волос и окинул Эми взглядом.

– Я перед тобой в долгу. Назови свое желание, и я его исполню.

– Ж-желание? – едва не утратила дар речи Эми.

Кицунэ вновь ухмыльнулся.

– Услуга за услугу, малышка-мико. Сказал же, я перед тобой в долгу.

– А... ох. Ладно. – Ее щеки вспыхнули. – Меня зовут не «малышка-мико».

– Девушка-мико-из-храма-Аматэрасу?

– Меня зовут Эми, – сухо произнесла она, даже не улыбнувшись.

Ухмылка кицунэ стала шире. Представляться по имени было неприлично, однако Эми не хотела раскрывать ему свою фамилию – ведь даже ёкай из гор мог слышать о камигакари Кимуре.

– Эми, – промурлыкал кицунэ, и ее лицо опять запылало.

Она стиснула зубы.

– А у тебя имя есть?

– У меня? – Лисьи уши дернулись. – Можешь звать меня Широ.

– Широ, – недоверчиво повторила Эми. Не то чтобы имя ей не нравилось, но одним из его значений как раз было «белый». Почему-то она сомневалась, что кицунэ действительно так звали.

– А теперь, Эми из храма, говори, чего ты от меня желаешь. Я весь внимание.

Теперь, не отвлекаясь на панику или неловкость, Эми поняла – это не просто слова, а ритуал. Чтобы отплатить долг, ёкай предлагал выполнить для нее какое-нибудь просьбу – вроде того, как люди приносили в храм подношения в обмен на благосклонность и помощь ками. Кицунэ славились своим стремлением во что бы то ни стало вернуть долг. Это послужило поводом для множества зачастую смешных сказок, ведь старания кицунэ нередко доставляли человеку куда больше хлопот, чем стоила его просьба.

– Ты спас меня первым, – осторожно заметила Эми. – Так что ничего мне не должен.

Искорки опасного веселья, плясавшие в рубиновых глазах с тех пор, как кицунэ пришел в себя, погасли, а лицо вдруг стало мрачным. Эми оторопела.

– Нет, – пробормотал он, и его голос зазвучал ниже, он даже стал казаться старше. – Ты за мной вернулась. Я перед тобой в долгу и отказа не приму.

Эми прикусила щеку изнутри, стараясь ничем себя не выдать. Без ухмылки, из-за которой хотелось ему врезать, его лицо казалось еще притягательнее, а взгляд завораживал, пленял. Кицунэ не уйдет, пока не оплатит. Он мог бы преследовать ее годами, если придется, потому что неотплаченный долг – это удар по его чести, которого он не допустит. Эми впереди не ждали годы.

Проще всего – дать легкое задание, только не слишком, чтобы кицунэ посчитал его равноценным. Однако ничего не приходило на ум. Да и что Эми могло понадобиться от ёкай? Все ее беды были напрямую связаны с ролью камигакари – в основном с неминуемой гибелью, – а тут кицунэ вряд ли способен помочь. Амацуками отметила ее тело и душу, и единственной силой как в небесном мире, так и в земном, способной это исправить, был кто-то еще из четверки.

От мысли у Эми перехватило дыхание. Мог ли другой амацуками изменить ее судьбу? С чего бы? Они ведь с нетерпением ждали Аматаэрасу. Но, наверное, Эми могла хотя бы узнать правду, спросить, поглотит ли ее божество на самом деле. Вдруг в руководство каннуши все-таки закралась ошибка. Попытка не пытка.

Эми окинула кицунэ оценивающим взглядом.

– У меня есть просьба.

Он склонил голову, снова дернув ушами. За окном бушевала буря.

– Я хочу, чтобы ты нашел амацуками и устроил нам встречу.

Кицунэ открыл рот; остатки веселья смыло с его лица волной недоверия и недоумения.

– Чего-чего ты хочешь?!

– Найди мне амацуками, – повторила Эми. – Я хочу поговорить с одним из них.

– Ты в храме амацуками. Хочешь поговорить – помолись.

– Лицом к лицу, разумеется.

Он молча уставился на Эми. Такой реакции она и ожидала. Если кицунэ откажется, она его прогонит. Проблема решена.

– Я думал, ты мико, – наконец произнес он. – Разве ты не знаешь, что люди с амацуками не разговаривают? Их даже увидеть-то могут только служители высшего ранга.

– Поэтому мне и нужна твоя помощь.

– Моя? – Кицунэ многострадально вздохнул и закатил глаза. – Послушай, малышка-мико, я не ками, а ёкай. Мы, видишь ли, сильно отличаемся.

– Прекрасно знаю. – Эми пожала плечами. – Ты сказал, что в долгу передо мной, а помощь мне нужна только в этом.

Кицунэ прижал уши, в его глазах вспыхнуло опасное пламя. А затем он растянул губы в хитрой усмешке и вскинул подбородок.

– Ну-ну, малышка-мико. Я должен выполнить услугу, соизмеримую с моим долгом. Но то, что ты просишь... – Кицунэ цокнул языком. – Чтобы такой ёкай, как я, приблизился к амацуками, да еще и его искал... Меня на каждом шагу будет поджидать смерть. – Он развел руками; на правом запястье блеснули красные онэнджу. – А я буду беззащитен. Думаешь, это честно?

Эми так отчаянно старалась его спасти явно не для того, чтобы он погиб, исполняя безумно сложное и опасное – для ёкай – поручение. Кроме того, она была вполне уверена, что даже если он согласится, у него ничего не выйдет – по крайней мере в отпущенный ей срок.

– Думаю, нет, – признала Эми. – Но раз мне больше не о чем тебя просить, ты свободен.

От удивления у кицунэ дернулись губы – слишком уж легко она отказалась.

– Хотя, может, есть один способ тебе помочь.

Эми невольно ощутила искорку любопытства.

– Да?

Кицунэ глянул на онэнджу, опутанные в три витка поверх черной ткани на его предплечье, и протянул руку к Эми.

– Можешь снять четки?

Она машинально потянулась к бусинам, но одернула себя. А как же страшная вспышка силы, которая вырвалась в первый раз?

– А сам почему не снимешь? – с подозрением спросила Эми, задержав ладонь над его запястьем.

– Не сочти за труд.

– Нет, – она убрала ладонь. – Вряд ли.

На лице кицунэ мелькнул страшный оскал – и тут же пропал так быстро, что Эми засомневалась, не показалось ли ей. Ёкай уронил руку и, откинувшись назад, сдул волосы со лба долгим выдохом. Белые пряди упали обратно.

– Боюсь, тогда я не смогу тебе помочь, – пожал кицунэ плечами.

– Почему?

Он покрутил рукой с онэнджу.

– Я не могу их снять сам.

– И что?

– На них проклятье. Оно мешает моей ки. С онэнджу я беззащитен, даже они не одолею. А вот если ты их снимешь и освободишь меня от проклятья, я смогу выполнить твою просьбу и отыскать амацуками.

Эми сложила руки на коленях и задумалась. Этого ли кицунэ желал добиться, когда заговорил о долге? Назвал бы любую просьбу слишком сложной или опасной, пока на нем онэнджу? Планировал он такой ход или нет, сейчас он хотел, чтобы Эми сняла с него четки, а ее просьбу использовал как повод.

Кто-то его проклял. Такие чары способно наложить лишь очень сильное существо – другой ёкай или ками, – и самым важным был вопрос почему. Если спросить прямо, кицунэ солжет, в этом Эми была уверена. Вдруг он, чего доброго, убийца и психопат, вот его и прокляли. Снять ли печать с его силы?.. А если он сразу же нападет?

– Думаю, все-таки не стоит.

– Даже ради встречи с амацуками?

Опасный блеск в глазах кицунэ заставил Эми вздрогнуть. По коже пробежали мурашки.

– Ты посчитал мою просьбу слишком рискованной и отказал. Я освобождаю тебя от долга. Можешь уходить.

– Так не пойдет, – в привычном мурлыкании зазвучали рычащие нотки.

Эми скрестила руки на груди, взмолившись про себя, чтобы кицунэ не почувал, как у нее заходится сердце.

– Других просьб у меня нет. Пожалуйста, уходи.

Он сощурил глаза и с текучей грацией поднялся с постели. Прежде чем Эми успела понять, что происходит, кицунэ оказался рядом и скользнул ладонью ей в волосы, заставляя поднять лицо. А потом, удерживая ее взгляд своим, обжигающим, наклонился так, что их носы почти соприкоснулись.

– Я выполню твою просьбу, малыш-мико, – промурлыкал кицунэ голосом, терзающим душу Эми огнем и льдом. – Молись, чтобы не пожалеть о ней.

Он отпустил ее так резко, что девушка рухнула назад, неспособная вздохнуть. Его окружил свет, мерцающий языками красного и синего пламени. Он вспыхнул, ослепив Эми, а когда она вновь смогла видеть, перед ней уже стоял маленький белый лис. Кицунэ вновь окинул ее

жгучим алым взглядом и подбежал к стене, за которой в саду бушевала непогода. Вокруг него заплясали огни, и он, прыгнув, прошел сквозь твердое дерево, словно был иллюзией – или призраком. Так он и исчез.

Вдохнув впервые после того, как кицунэ ее схватил, Эми подобралась к стене и прижала к ней ладонь. Твердая. Вот уж точно неземное существо...

Дрожащая, изможденная, Эми осела на пол. Она случайно заключила сделку с ёкаем – который мог быть куда опаснее, чем казалось. И она не знала, из-за чего сердце билось чаще: от страха, что он не справится и больше не вернется, – или от боязни, что кицунэ добьется успеха.

Глава 10

Ее беспокойный сон прервал стук в дверь. Эми распахнула глаза. Стук повторился, пробуждая ее окончательно. Широ вернулся?.. Но зачем ёкаю стучать, если он умеет проходить сквозь стены? За окном сквозь пелену облаков пробивался тусклый лучик зари. Едва рассвело. Эми проспала всего пару часов.

Страхнув оцепенение, она поднялась и поправила одеяние, в котором спала, а затем подкралась к двери и чуть-чуть ее сдвинула.

В коридоре стоял Катсуо, нервно переминаясь с ноги на ногу – страж, не страж, но любому мужчине неприятно слоняться у спальни камигакари. Вдруг мелькнули воспоминания: как Широ скользил носом по линии ее челюсти, его теплое дыхание у ее уха. К щекам прилил жар, и Эми поспешила об этом всем забыть.

– Катсуо? – шепнула она.

– Эми... – Он скользнул взглядом по ее распущенным, спутанным после сна волосам, белому одеянию. Она невольно запахла полы плотнее. Катсуо порозовел. – Кицунэ пропал! – выпалил он. – Проверил хранилище, а его там нет. Следов на снегу никаких. И одеяло тоже пропало... – Катсуо умолк и сощурился. – Ты почему не удивлена?

Эми моргнула.

– Э-э...

Катсуо привстал на цыпочки и заглянул в комнату поверх ее макушки. На его лице отразилось недоверие, и он резко сдвинул дверь еще на фут.

– Это что, то самое одеяло? И... и полотенца в крови? Что ты натворила, Эми?

Чувствуя, как внутри всколыхнулась вина, Эми оглянулась на одеяло, полотенца и аптечку, которые бросила в углу, прежде чем рухнуть на постель и заснуть.

– Ну... – пробормотала она. – Просто вчера была такая буря. Я беспокоилась, что кицунэ замерзнет на...

– Он ёкай-лис, Эми. У него есть мех, и он спокойно зимует снаружи.

– Знаю, – упрямо произнесла она, стараясь не сдать позиции под напором Катсуо. – Но он был сильно ранен. Я переживала. И принесла его сюда погреться, вот и все. Он был без сознания, так что...

– И где он сейчас?

– Ну, он был без сознания не всю ночь...

Катсуо чуть не затрясся от гнева и потер виски пальцами.

– Почему ты так упорно лезешь в неприятности?

– Все хорошо, – поспешно сказала Эми, нахмурившись. – Я в порядке. Ни царапинки. Кицунэ ушел. Сорвался прочь посреди ночи – наверное, вернулся в лес.

Катсуо вздохнул, уронив ладонь на рукоять катаны – Эми понадеялась, что это вышло невольно.

– Ну, по крайней мере, нам больше не придется о нем тревожиться. Ты свой долг вернула.

Эми кивнула. Катсуо не нужно знать, что кицунэ решил, будто теперь уже он в долгу перед ней. Как и то, что он умел обращаться в почти человека. Эми не собиралась никому рассказывать о своей случайной сделке с ёкаем.

– Пойду-ка лучше наведу порядок в хранилище, – произнес Катсуо. – Вряд ли каннуши Фуджимото туда заходит, но на всякий...

Поклонившись – с весьма хмурым видом, – он ушел. Эми закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, окидывая взглядом комнату. Окровавленные полотенца, таз с розовой водой, которая чудом не расплескалась, разбитые вазы... наверное, тут тоже стоит прибрать. Собрав

полотенца, Эми глянула на постель. И почти увидела его там, как он сидел, как блестели его волосы, как сияли глаза-рубины, когда он лукаво улыбался.

Эми покачала головой и продолжила уборку, стараясь не думать о нем... и об опасной сделке, которую нечаянно заключила.

Эми тщетно пыталась сосредоточиться на работе.

Она механически водила метлой по ступеням, взвевая снег каждым движением. Рина и Юи уже смели большую часть и спустились ниже, позволяя Эми лишь пройтись начисто. Красные тории у подножья лестницы резко выделялись среди белого пейзажа.

Рядом с тории, прислонившись, стоял Минору. Он не сводил глаз с окутанного тенями леса и лениво прокручивал свой посох так, чтобы золотистый луч закатного солнца вспыхивал на изогнутой стали. Чем ближе Эми была к границе земель храма, тем тщательнее они с Катсуо следили за ее безопасностью.

Сама Эми почти не обращала внимания ни на Минору, ни на девочек. Слишком уж ее отвлекал внутренний монолог – бесконечный разбор вчерашней встречи с кицунэ. Она раз за разом прокручивала в голове их разговор, сделку, его неявную угрозу. Эми ведь не собиралась в самом деле вступать с ним в спор; она надеялась, что кицунэ попросту откажется выполнять такую просьбу – нечестную, сложную, опасную. Почему он согласился? Неужели так переживал за свою честь?

Наверное, уступил он для порядка, а сам только попытается все сделать – для виду, чтобы успокоить свою гордость. Но что, если он действительно отыщет амацуками? Что, если у Эми и правда появился шанс узнать правду о том, что в день солнцестояния она погибнет?

И, если представится возможность, попросит ли она амацуками изменить ее судьбу?

Мысли кружились вихрем; каждый раз, как Эми убеждала себя, что ее судьба была predetermined десять лет назад, откуда-то появлялась слабая надежда и ломала это хрупкое равновесие. И еще, непонятно почему, среди мыслей всплывало лицо Широ – и мешало утормить бурю чувств. Рубиновые глаза, по которым невозможно ничего прочесть, подергивания лисьих ушей, лукавая и в то же время дразнящая усмешка... все эти маленькие движения что-то означали. Ёкаи слишком долго были для Эми чем-то неизвестным, и видеть, что Широ настоящий, говорить с ним, как будто он такой же человек, как она, было ужасно странно.

– Ита-а-ак... – протянула Рина, прервав размышления Эми. – Мы тут слышали о твоём приключении.

Эми нахмурилась и смахнула снег сильнее, чем нужно.

– Ты правда посреди ночи поехала на Торнадо в горы?

– Не совсем, – буркнула она, ткнув метлой в угол ступеньки.

Рина в несколько прыжков оказалась рядом.

– Поверить не могу! Каннуши Фуджимото сто процентов та-а-ак злился. А Нанако тоже психовала? Хотела бы я их увидеть.

Эми впервые подняла взгляд на Рину. Девочка улыбалась ей, без капли осуждения, но с восхищением и радостью.

– Я... ну, да, они разозлились. Но я не хотела никого тревожить. Просто...

– Не смогла больше сидеть взаперти? – кивнула Рина. – Понимаю. Я в прошлом году раза четыре из дома сбегала, чтобы хоть ночь без родителей провести. А после солнцестояния у тебя точно никакого веселья не будет, знаешь?

Эми что-то пробормотала в знак согласия. Юи приблизилась, прислушиваясь к ним, но покорно работая метлой.

– Честно говоря, – понизила голос Рина, – я верить не могу, как идеально ты выполняла все эти дурацкие правила. – Слово «идеально» прозвучало явно не как комплимент. – Все эти

медитации, молитвы, диеты, бла-бла... Ты когда в последний раз ела хороший такой, сочный бургер?

– Э-э... Я никогда такое не ела.

– Никогда?! Боже мой. – Рина сочувственно похлопала ее по руке. – Эти правила – отстой.

Юи тихонько кашлянула.

– Нарушением правил камигакари ставит свою жизнь под угрозу. Если она не будет достаточно чиста во время церемонии...

– Ты и правда думаешь, что парочка бургеров что-то изменит? – перебила ее Рина и глянула на Эми. – А ты как считаешь?

Эми стиснула метлу. Многие строгие правила наверняка были связаны не с сохранением чистоты, а с тем, чтобы камигакари поменьше отвлекалась, была как можно более покорной и оторванной от внешнего мира. Ну а чистота скорее касалась ее разума, а не завтрака.

Рина пожала плечами, не дождавшись ответа.

– Ну, я прекрасно понимаю, как тебя это задолбало и почему захотелось передохнуть. Жаль только, что ты упала с Торнадо и не успела вовремя вернуться.

– Ага, – вяло согласилась Эми, не пытаясь исправить ее представление о случившемся.

– Я вчера слышала разговор Минору и Фуджимото, – произнесла Рина еще тише, так что Эми пришлось придвинуться. – Фуджимото спрашивал Минору, хватает ли Катсуо опыта, чтобы быть твоим сохэем. Мол, ему не понравилось поведение Катсуо, когда оказалось, что ты пропала.

– П-поведение? – запнулась Эми.

– Да он чуть с ума не сошел, – прошептала Рина. – Ну, по крайней мере так подумал Фуджимото. А Минору сказал, что там, где Катсуо не хватает опыта, он берет талантом и преданностью.

Эми продолжила мести вполсилы. Она ужасно напугала Катсуо, а теперь его карьера под угрозой. Фуджимото не должен узнать, что она опять потащила Катсуо в горы, да еще и заставила спрятать ёкая в храме.

Рина схватилась за метлу Эми и подалась так близко, что их лица почти соприкоснулись.

– Ты ведь знаешь Катсуо еще из Шиона, да? – выдохнула она. – У вас что-то было? Что между вами?

Эми отпрянула, покраснев.

– Эй, Эми!

Она развернулась и, увидев Катсуо, зарделась еще сильнее. Он сбежал по ступенькам.

– Привет, Рина, Юи, – быстро поздоровался он с девочками. – Эми, тебя хочет видеть каннуши Фуджимото.

– Да?..

Ее сердце сжалось. Опять она в беде? Или, того хуже, у Катсуо из-за нее проблемы? Она безмолвно передала метлу Рине, не глядя той в глаза, чтобы не покраснеть опять, и поспешила вверх. Они с Катсуо вернулись во дворик храма.

– Есть минутка сперва? – спросил он. – Хочу кое-что показать.

– Очередное хранилище? – насторожилась Эми. Ей вдоволь хватило и первого.

Катсуо хмыкнул.

– Нет, просто... кое-что новое для тебя.

Эми моргнула, невольно заинтересовавшись.

– Что именно?

– Пойдем, – рассмеялся Катсуо.

Он провел ее по мосту, а затем мимо дома, по хрустящей под ногами гравиевой дорожке, которая после развилки уходила к деревьям. Глянув в их сторону, Эми увидела среди снега и зарослей крошечный домик, внешне похожий на главное здание.

– Это гостевой, – пояснил Катуо. – Он полностью в нашем с Минору распоряжении. Там уютно.

А Эми-то гадала, где же они жили. Однако Катуо повел ее не к домику, а дальше. Тропинка пролегла параллельно ступеням, которые они с девочками подметали, в сторону дороги на Кироибару. Все громче слышалось журчание ручья.

Катуо прижал палец к губам и осторожно шагнул к деревьям, прочь от тропы. Не обращая внимания на укол тревоги, Эми отправилась следом. Теперь она сгорала от любопытства. Катуо забрался глубже в чащу. Лесную тишину нарушал лишь плеск воды. Между деревьями, куда не доставали лучи закатного солнца, сгущались тени. Наконец Катуо остановился и, присев, поманил Эми.

Она опустила на корточки и подобралась ближе, спрятавшись вместе с ним среди усыпанных снегом кустов, за которыми бурлил каменистый ручей, петляя по склону к невидимой дороге. Эми удивленно глянула на Катуо, а тот указал на что-то вниз по течению. Она взгляделась в тени.

В дюжине футов парили яркие огоньки – бело-голубые сферы, чуть больше ее кулака. Они висели в футах над водой и покачивались в нескладном, но по-своему изящном танце.

– Что это? – выдохнула Эми.

– Аякаши, – шепнул Катуо в ответ. – Ёкаи. Их можно увидеть только на закате и всегда у воды.

– Это ёкаи? – Эми затаила дыхание, глядя на медленную пляску огоньков. Они были красивыми. – Почему они здесь?

– Тут безопасно, – пробормотал Катуо. – Внутри нашего барьера их не тронут другие ёкаи. Я хотел их прогнать ради твоей сохранности, но передумал. Пока мы их не трогаем, они безобидны.

Тории не пропускали ёкаев, только если те намеревались причинить зло. А тем, кто приходил с миром, они не мешали. На самом деле Катуо стоило прогнать аякаши, ведь ёкаи могли задумать недоброе, уже оказавшись внутри. Священная земля попытается их изгнать, но не остановит, как барьер.

Отчасти поэтому кицунэ в храме и был опасен. Однако в первый раз его принесла Эми, а сам он мог и не пройти.

Крошечные, сияющие ёкаи, чьи фигурки в свете были неразличимы, вдруг прекратили беспорядочный танец и образовали ровный круг. Они начали кружиться по часовой стрелке, покачиваясь вверх-вниз странными волнами, а потом сгруппировались, вспыхнули ярче и исчезли.

– Ой! – охнула Эми. – Ушли.

– Может, нас заметили, – произнес Катуо. – Нам пора. Тебя ждет каннуши Фуджимото.

– Точно. – Мысль об этом чуть не омрачила ее хорошее настроение. Эми, не вставая, повернулась к Катуо: – Спасибо тебе. Они прелестны.

Он улыбнулся и, кажется, покраснел. Эми не была в этом уверена – может, ее обманула игра света в сумерках.

– Подумал, что после того жуткого они и окровавленного кицунэ ты захочешь увидеть, что бывают и другие ёкаи. Аякаши редко показываются людям. Они очень пугливые.

Эми, колебавшись, неловко схватила Катуо за руку. Он изумленно распахнул глаза из-за того, как она нарушила правила камигакари. Его пальцы были теплыми; ладонь Эми на их фоне казалась крошечной.

– Спасибо, Катуо, – пробормотала она. – Ты относишься ко мне с добротой, какой я не заслужила, особенно после бед и тревог, которые тебе пришлось из-за меня пережить.

Он развернул ладонь и сомкнул пальцы.

– Не пришлось. Мне все понравилось. Ну, разве что кроме они.

Эми рассмеялась и мягко высвободила руку. Все еще чувствуя его тепло, она подавила вспышку горькой, злой тоски о том, от чего по незнанию отказывалась все эти годы – от ласки другого человека. Хоть запрет и касался только мужчин, после смерти Ханы к Эми почти никто не притрагивался с заботой. Она даже не помнила, когда ее последний раз обнимали.

Насильные «объятия» Широ были не в счет, разумеется, как бы он их ни называл.

Катсуо отвел Эми обратно к дому. Фуджимото ждал ее в центральной комнате, сидя за столом с чашкой чая. Эми поклонилась на пороге.

– Ох, госпожа, проходите, проходите! – Фуджимото поправил шапочку каннуши. Эми опустилась на пол у стола напротив него. – Как вам снежок? Рановато он в этом году, но будем надеяться, что и весна наступит пораньше.

– Прекрасная погода, – вежливо ответила Эми, глядя, как он дует на горячий чай и делает глоток. Сразу после суровой лекции прошлым утром Фуджимото вновь стал прежним простымдушным собой, однако Эми подозревала, что до прощения ей еще далеко. У локтя каннуши стоял поднос с чайничком и второй чашкой, но Эми он предложил чаю лишь после того, как она посмотрела в ту сторону.

Поставив полную чашку перед Эми, Фуджимото улыбнулся. Морщинки на его лице стали глубже, но выражение глаз не смягчилось.

– Утром я говорил с гуджи Ишидой. Он и несколько проверенных каннуши придут в воскресенье, чтобы проверить, как вы устроились у нас в храме Шираюри, а также помочь вам подготовиться к церемонии. – Фуджимото сделал еще глоток. – Может, что-то здесь не соответствует вашему представлению об удобствах, госпожа? Скажите, и до воскресенья мы все исправим.

Эми коснулась чашки – слишком горячая.

– Меня все полностью устраивает, каннуши Фуджимото.

– Уверены, госпожа? Ничто – и никто – не стремится увести вас из храма или же иным образом отвлечь от обязанностей?

Неужели это он о Катсуо? Или как-то разведдал про кишунэ? О превращении Широ и о просьбе Эми никто совершенно точно не знал. Однако если бы Фуджимото хотя бы заподозрил, что в ее спальне побывал ёкай, он поднял бы всех на уши.

– Полностью уверена, – ответила Эми, внешне спокойная, несмотря на лихорадочный поток мыслей. – Я останусь верна своим обязанностям.

– Отлично, отлично! – воскликнул Фуджимото, чуть не расплескав чай. – Вы несомненно будете рады визиту своего наставника. Гуджи Ишида ведь практически вас вырастил, верно? Да, да, замечательно. Однако час уже поздний, госпожа. Почти время вашей вечерней ванны и медитации.

Эми взглянула на свой нетронутый чай, но Фуджимото ясно дал понять, что ей пора идти. Она поклонилась и вышла из комнаты, чувствуя дурноту. Да, Ишида сыграл важную роль в ее воспитании, вот только он растил ее не как отец дочь. А как фермер – идеальную корову на убой. Направлял каждый ее шаг, зная, что приведет подопечную к гибели. И то, что тело выживет, отнюдь не означало, что он ее не убьет.

Эми вернулась в спальню, думая, что отправится в ванну, как только соберет необходимые вещи, и закрыла за собой дверь.

– Ну наконец-то, малышка-мико.

Эми едва не вскрикнула и врезалась спиной в дверь так, что чуть не пробила тонкое дерево локтем.

У окна, удобно развалившись, сидел Широ. Он лениво усмехнулся. На его руке по-прежнему блестели алые бусины, но они тускнели в сравнении с опасным блеском рубиновых глаз.

– Ты... – выдохнула Эми. – Ты что здесь делаешь?!

Видимо, Широ преспокойно мог и сам ступить на священные земли. Или же он вообще никуда не уходил. Эми прижалась к двери. Фуджимото совсем рядом, Нанако тоже где-то поблизости, да и Рина с Юи скоро закончат работу и вернутся. Кто угодно может пройти мимо и услышать из спальни камигакари незнакомый мужской голос.

– Ты передумала? – Широ склонил голову. – Больше не желаешь, чтобы я исполнил твою просьбу?

– Если ты еще не отыскал амацуками, тебе здесь делать нечего. Или откажись и уходи, или берись за дело.

– Совсем в меня не веришь. А мы становимся сильнее, знаешь ли, если в нас верить.

– Ты... что? – Эми нахмурилась и осторожно отошла от двери.

Кицунэ махнул рукой.

– Готова отправляться? Вечереет, малышка-мико.

– Меня зовут Эми, – сухо произнесла она. – Отправляться куда? Ты же не мог взять и найти...

– Я с радостью отвечу на все вопросы по дороге. – Широ подтянул к себе ногу и перекатился на корточки, готовый подняться. – Оденься-ка потеплее. Придется пройтись.

– погоди, ты что, нашел амацуками? Так быстро?!

– Ты еще и недовольна? – Он закатил глаза. – Так что, идем или встретимся весной, чтобы по пути насладиться хорошей погодкой?

Эми не могла ждать до весны. Ее охватил страх; она не ожидала, что кицунэ справится с заданием, тем более – так скоро. А сколько разговоров было об опасности выполнения ее просьбы! Эми даже не успела решить, что делать, если у нее действительно появится шанс побеседовать с амацуками. Встретиться с ним или смириться с судьбой? А если первое, то о чем говорить, что спрашивать?..

Времени размышлять не было. Остаться или идти?

«Нет нужды скорбеть о камигакари, разум и душу которой поглотит великолепие духа Великой ками». Слова из руководства каннуши вспыхнули перед глазами, заслоняя собой все. Эми должна была узнать правду. И развеять ее сомнения наверняка мог лишь амацуками.

Она молча поспешила к шкафу и надела самое теплое хаори. Потом вытащила из нижнего отделения пару зимних ботинок. Они были достаточно изящными, но Эми не нравились: она считала их неудобными и слишком тяжелыми, так как привыкла к легким сандалиям. Она сразу натянула ботинки и завязала шнурки, хотя носить уличную обувь в доме – это ужасно неприлично.

Широ встал.

– Готова?

– Секунду.

Эми вытащила из шкафа фuton. Разложив его, она устроила на нем подушки так, чтобы со стороны они казались лежащим телом, а потом накрыла одеялом. Вблизи обман был очевиден, однако Эми надеялась, что ей повезет и тот, кто заглянет в комнату, с порога решит, что она спит. Да уж, а ведь считанные минуты назад она заверяла Фуджимото, что больше не покинет земли храма.

Закончив, Эми развернулась... и чуть не врезалась в Широ, который стоял за ней почти вплотную. Сердце бешено заколотилось, и она запрокинула лицо, чтобы взглянуть на кицунэ. Он был выше, чем ей казалось, – на целую голову, и это не считая лисьих ушей.

– Буду ждать у тории за конюшней, – произнес он. – Не мешкай.

– Я... да, хорошо.

Вспышка света – и Широ превратился обратно в лиса. Со взмахом хвоста он в языках пламени проскочил сквозь стену. Эми содрогнулась; то, что он проходил сквозь твердое дерево, совершенно не укладывалось у нее в голове.

Она выскользнула из комнаты, не успев передумать, и зашагала по коридору. Ночь уже успела укутать горы, холодный воздух приятно покалывал щеки. В небе мерцали звезды, сияла почти полная луна, высеребрив покрытый снегом сад.

Эми сбежала по ступенькам крыльца и вдруг услышала тихий гул разговора, который доносился со стороны гостевого домика. Приятный голос Катсуо смешивался с более низким, размеренным, принадлежавшим Минору, становясь громче по мере приближения. Эми втянула воздух и, метнувшись за угол, побежала вдоль сада. На дорожке к конюшне она оглянулась, но сохэи за ней не последовали. Оставалось надеяться, что в опустевшую спальню они не заглянут.

Широ не было видно, как и его следов на почти расчищенной дорожке. Эми сошла с нее на снег, хрустнувший под ногами в тишине. Три лошади теснились у конюшни. Когда Эми прошла мимо, они навестили уши.

Снег попал ей в ботинки, обдав лодыжки холодом. Эми стиснула зубы и стерпела. Ясное небо и безветренная погода резко отличались от бушевавшей ночью бури. От белых полей отражался яркий лунный свет, озаряя пейзаж.

Эми приблизилась к тории, хмуро выискивая взглядом Широ. Если он ее обманул, то при следующей встрече она устроит ему выволочку. Уже начав злиться, Эми вдруг заметила красный отблеск – за ней следили рубиновые глаза. Широ сидел прямо у тории, почти сливаясь со снегом. Эми удивилась – как же ему удалось избавиться от кровавых пятен?

Она остановилась рядом с ним. Широ склонил голову и дернул ушами.

– Я пришла, – зачем-то сказала Эми. – Что теперь?

Лис встал и направился в лес. Эми слотнула ком и, поклонившись перед торией, пошла следом. Она заранее набила внутренние карманы рукавов защитными офуда, но это ее не утешало. Идти в лес вместе с опасным и непредсказуемым ёкаем – не самая лучшая задумка. И тем не менее повернуть назад Эми не хотела, понимая, что это ее единственный шанс.

Она шла за лисом, а он то бежал, то скакал по снегу. Наблюдая за ним, Эми гадала, куда же девались его одежда и бинты, когда он менял облик. Ёкаи, как и ками, были существами не из мира смертных, сотканными из чистой магии. На мгновение Эми охватил восторг от того, что она рядом с оборотнем-кицунэ, созданием из легенд.

А потом он прыгнул на гладкую поверхность и вдруг ухнул вниз. Наружу вынырнула облепленная белым мордочка. Лис моргнул и яростно замотал головой.

Прикрыв рот рукой, Эми подавила смех и осторожно обошла коварное место. Лис поворчал и выпрыгнул из ловушки. Встряхнувшись полностью, он побежал вперед и повел Эми дальше. Тропа уходила все выше, дышать становилось труднее. Они поднимались по горе, с каждым шагом удаляясь от безопасного храма.

Через полчаса тропа свернула, и путь им преградила поваленная ель. Эми съежилась, узнав то самое место, где после бешеной скачки свалилась со спины Торнадо. Широ шмыгнул между ветками и скрылся под стволом. А Эми в замешательстве остановилась. При падении огромное дерево зацепилось за соседние, поэтому его ствол висел на уровне пояса. Внизу из-за спутанных ветвей и торчащих во все стороны иголок мог пролезть лишь маленький лис, а сверху торчали обломанные сучья.

Быстро осмотрев преграду, Эми с сомнением приблизилась к небольшому зазору. Осторожно схватившись за ветку, она попыталась вскарабкаться на ствол. Одежда цеплялась за ветки, грубая кора царапала кожу, а хаори в конце концов намертво зацепилось за острый сук. Эми покачнулась и дернула ткань, но безуспешно.

Вокруг талии вдруг сомкнулись руки. Эми взвизгнула, и ее стянули с дерева. Хаори с треском порвалось. Она рухнула вниз, взмахнув руками, но приземлилась на ноги по другую сторону ствола.

Позади нее стоял Широ в своем почти человеческом облике, продолжая держать ее за талию. Эми оцепенела, пытаясь понять, что случилось, а потом отпрянула. Широ вскинул бровь.

– Мне не нужна помощь! – огрызнулась Эми. Она вполне справлялась сама – и даже хаори не порвала бы!

– Да уж, путешествие затянется, – вздохнул Широ. – Не думал, что придется тебя переносить через каждое крошечное препятствие.

– Не нужно меня носить. Да и вообще, это не я тут в сугробы ныряю, м?

Широ фыркнул и пошел дальше. Эми мгновенно пожалела, что он изменил облик, ведь теперь девушка едва поспевала за его широкими шагами. Поднажав, она с ним поравнялась.

– Далеко еще до амацуками? – спросила она, слегка запыхавшись, и пробежала пару шагов, чтобы не отстать.

– Понятия не имею.

– Ты... что? Тогда куда мы идем? Как ты отведешь меня к амацуками, если не зна... – Эми умолкла. Воздух вдруг показался ей холоднее, а ночь – темнее. Она замерла, пронзенная страхом. – Мы идем вовсе не к амацуками, да?

В самом деле, что бы амацуками делал посреди этих гор? Разумеется, откуда здесь камни; это ведь земли ёкаев. И как Эми раньше не догадалась? До того, как позволила увести себя прочь от безопасного места?

Широ сделал еще несколько шагов, а потом развернулся к ней. Луна высеребрила его волосы, но отбросила на лицо тени. В кривой усмешке блеснул острый клык.

– Я и не говорил, что мы идем к амацуками. – Его глубокий, мурлыкающий голос звучал в этом лесу до странного уместно, и от этого по коже Эми пробегали мурашки.

– Ты меня обманул, – прошептала она, а потом скользнула ладонями в рукава и схватила офуда. Тонкие листочки бумаги казались ужасно ненадежными.

Широ пожал плечами и вскинул руки.

– Ты просишь невозможного, малышка-мико. Я лишь обычный ёкай, когда искать нужно по всему миру. И раз уж я, что справедливо, никак не сумею выполнить твою просьбу в одиночку, то отведу тебя к тому, кто сумеет.

– И о ком конкретно мы говорим?

– Скажем так, союзник, у которого куда больше возможностей, нежели у тебя или у меня. Эми стиснула офуда.

– А я тебе тогда зачем? Сам бы у него помощи и просил.

– Если хочешь результата, ты тоже должна присутствовать. Так что, идешь? – Кицунэ улыбнулся шире, дразня ее. – Или уже сдаешься?

Не дожидаясь ответа, Широ развернулся и зашагал дальше. Дрожа от холода и мечтая оказаться в своей комнате, Эми уставилась ему вслед. Она жалела, что встретила кицунэ, что заговорила с ним. Жалела, что вообще открыла то руководство каннуши. Если бы не эта книга, она не узнала бы о своей судьбе и наслаждалась каждым мгновением жизни до солнцестояния. А тогда даже не поняла бы, что случилось. Разве так не лучше?

Оглянувшись на поваленное дерево, Эми догнала Широ.

– И далеко этот союзник?

– Не уверен. Полагаю, глубже в горах.

– Ты что, даже не знаешь, куда мы идем?!

– Нам просто надо оказаться поблизости. Этот ёкай сам к нам придет. – Широ искоса посмотрел на нее. – Не весь мир следует строгим правилам, малышка-мико. Мы, ёкаи, народ непринужденный. Редко чтим формальности.

Эми стиснула зубы. Союзником был очередной ёкай. Ну разумеется. Чего еще ждать в этих горах? Оставалось надеяться, что Широ не ведет ее в ловушку – иначе зачем тогда силы тратит? Эми ведь и так перед ним беззащитна. Однако доверять ему она не спешила.

– Мы же не к тому они идем? Вряд ли он захочет нам помочь.

– Они? Нет, точно не к нему.

– Почему он так хотел тебя убить?

Широ бросил на нее взгляд.

– Беспокоишься обо мне, малышка-мико?

– Беспокоюсь о себе. Не хочу опять ввязываться в вашу вражду.

– Не назвал бы это враждой. – Кицунэ обвел руками лес; концы красных нитей взметнулись следом. – Они решили, что горы принадлежат им, а убивать тех, кто не согласен, это правильно и разумно.

– И теперь уничтожают всех остальных ёкаев? – ужаснулась Эми.

– Не всех.

– А тебя почему? Потому что ты посланник Инари и можешь о них доложить?

– Посланник... – задумчиво повторил Широ. – И что сие должно означать? Какие послания Инари может возжелать отправить? Понятия не имею.

Эми нахмурилась; то, как он уходил от ответа, ее раздражало.

– То есть ты не кицунэ Инари?

– Какая ты любопытная, малышка. Почему мико так интересуют дела ёкаев?

– Просто спрашиваю. Раз секрет, то ладно, не говори. Мне плевать.

– А вот это ты зря. – Широ перевел взгляд на горы и ухмыльнулся. – Если, конечно, тебе не понравилась встреча с они. Их будет куда больше, если ты продолжишь гулять за пределами храма.

– Почему?

– Горные они хотят править этой землей. И рано или поздно нападут на храм.

– На храм?!

– Разумеется. Вражеский храм в самом сердце их земли? Как же его не разрушить.

– Ёкаи же обычно не нападают на святилища ками, так? – уточнила Эми.

– Обычно – нет.

– Почему куницуками ничего не делают? Разве они не правят всеми ёкаями?

– Куницуками не правят, малышка-мико. Это пристрастие ками. А куницуками лишь поощряют цивилизованное поведение среди ёкаев, вот и все. – Широ помолчал. – Вернее, поощряли.

– А сейчас?

– Лично я предпочитаю в этих диких местах вести себя не слишком цивилизованно. Врагов проще убить, чем задобрить, знаешь ли.

Эми понадеялась, что он не заметил ее дрожь, однако его лукавая усмешка говорила обратное.

– Тогда ты не лучше они.

– Заметь, я говорю о врагах, а не о мелочах.

– Если тебе не нравится, что творят они, почему ты не расскажешь об этом Инари? Наверняка к тебе ведь прислушаются, пусть ты и не из числа слуг куницуками.

– Это еще хуже, чем твое задание. Амацуками хотя бы можно найти.

Эми ждала объяснений, но Широ молчал.

– О чем ты? – подтолкнула она его.

Широ прошел вперед, по его лицу скользнули тени.

– Инари нигде нет. – Слова прозвучали сухо, безжизненно – так, словно вызывали у него столько чувств, что он не мог выразить ни одно из них.

– Нигде нет? С каких пор?

– Уже давно. – Широ вновь ухмыльнулся, но как-то вымученно. – И ладно бы только Инари, тут толку, говорят, вообще не дождешься. Проблема в других куницуками. Сарутахико хоть знал, как дела делаются.

– А что другие? – По спине Эми пробежал холодок.

– Тоже пропали. Инари нет уже десятки лет, а остальные исчезли один за другим в последние годы.

Эми не знала, что сказать. Катуо ведь упоминал, что ёкаи ведут себя все более дерзко и жестоко? Может, как раз потому, что теперь ими никто не управляет?

Ей не нравились ёкаи, а куницуками для камигакари были чуть ли не заклятыми врагами, но от мысли, что они пропали, стало не по себе: они держали в узде ёкаев и уравнивали силы амацуками. Все сущее – и небеса, и земля – зависело от колебания чаш весов омме между светом и тьмой. Куницуками поддерживали его так же, как их небесные визави.

Широ замер посреди тропы, преградив Эми путь вскинутой рукой. Его напряжение было столь явным, что задавать вопросы она не решилась. Широ прижал уши, оглянувшись.

– Мы не одни, – пробормотал он.

– Твой союзник? – шепнула Эми.

Ответить он не успел; она ощутила все сама – волну страха, заставившую ее содрогнуться. Горный они! Только не снова...

– Кажется, нам лучше бежать, – заметил Широ.

– Бежать?

– Да. Вперед?

Широ вдруг схватил ее за руку и рванул прочь от тропы, в лес. Эми мчалась следом, еле поспевая. Снег под деревьями не был таким уж глубоким, однако под ноги то и дело попадались камни и спутанные ветки. Эми постоянно спотыкалась, и лишь крепкая хватка Широ не давала ей упасть. Он бежал с легкой грацией лиса, ни на что не обращая внимания.

Легкие горели, ужасно хотелось остановиться, но по лесу прокатился рев.

Между одним шагом и другим Широ отпустил ее ладонь – и вдруг подхватил Эми целиком под мышку. Она едва успела взвизгнуть от неожиданности, а он прыгнул вперед, переходя с обычного бега на какие-то оленьи скачки. Эми беспомощно свисала, прижатая к его боку. Мелькали деревья, хлестали ветки, но Широ не замедлялся.

Они взревел снова, уже ближе.

Широ оглянулся на ходу, а потом вильнул вправо. В десяти ярдах виднелся обрыв. Эми не смогла даже вскрикнуть, когда Широ соскочил с его края.

Он врезался ногами в склон и съехал вниз, взметая снег во все стороны, а затем прыгнул. Опять тяжелое приземление на почти вертикальную поверхность и безумный спуск. Широ всякий раз прыгал за миг до потери контроля и скользил, чудом минуя деревья и камни, а Эми стискивала обхватывающую ее руку и боялась издать хоть звук.

Добравшись до подножья склона, Широ вновь рванул вперед. Переменяя бег скачками, он преодолел еще один отрезок леса и наконец остановился. Грудь его тяжело вздымалась. Не отпуская Эми, он задержал дыхание и прислушался.

– Проклятье, – выдохнул он и рванул влево.

Громкий треск заставил Эми оглянуться. Из-за деревьев вырвались двое огромных они.

Широ мчался вперед, и каждый его прыжок уносил их дальше от чудищ. Эми цеплялась за него, онемевшая, но ее страх вдруг разбавила капля надежды. Ни один человек не сумел бы убежать от они, зато Широ оказался невероятно быстр. Чудища отставали. Был шанс спастись.

С победным ревом на тропу наперерез им выскочил третий они.

Широ уклонился от когтей, но устойчивость все же его подвела. Он тяжело приземлился на пятки и завалился на спину. Вдвоем с Эми они покатались по снегу и замерли в паре дюймов от валуна, о который с легкостью можно было разбить голову.

Ошарашенная, Эми растянулась на животе, а Широ мигом вскочил на ноги перед ней.

– Ну и ну, – прорычал низкий голос. – Отродье Инари умеет менять облик. Что ж ты так долго, крыса?

– Время – понятие относительное, – небрежно отозвался Широ без тени страха в голосе. Впрочем, бояться он должен был – не зря же пролетел галопом столько миль.

– И ты привел нам мико, – продолжил они. – Подношение тебя не спасет.

Взяв себя в руки, Эми кое-как поднялась и выглянула из-за спины Широ на трех высоких они, вставших полукругом, чтобы не дать им уйти. Трое. Смерть неминуема.

– Принести мико в жертву, конечно, забавное предложение, – произнес Широ, – но вообще-то задумывал я не совсем это.

Средний они взмахнул огромной шипастой дубинкой.

– Скажи, где гнездо тэнгу, и мы, быть может, передумаем насчет тебя.

– Я сказал бы, но смысл? Или вы летать научились?

Они ощерился – с длинного клыка капнула слюна, – занес дубинку, и все три чудища ринулись в бой.

Широ оттолкнул Эми, сбив ее с ног, а сам нырнул в другую сторону. Эми опять рухнула на живот и развернулась, ожидая, что ей в лицо вот-вот врежутся шипы. Однако все они окружили Широ, закономерно посчитав, что он более опасный противник – или просто способный сбежать. Если Широ бросился бы наутек без ноши на руках, то вполне сумел бы оторваться от преследования.

Но он никуда не бежал. Может, просто пока не нашел лазейку. Он увернулся от второй дубинки и отпрыгнул, пока его не поймали. Они, впрочем, оказались на удивление быстрыми и снова поймали его в ловушку. Широ всякий раз уклонялся и отскакивал – но Эми не знала, надолго ли его хватит. Продолжать так бесконечно он не мог, и у него не было оружия. Он явно привык удирать, а не драться.

Поднявшись, Эми выдернула из кармана стопку офуда и выбрала нужный. Пока чудища-они кружили около Широ, она подкралась ближе на дрожащих ногах. А когда один удобно повернулся спиной, Эми подпрыгнула и шлепнула ему на позвоночник офуда.

– Сотэй-но-шинкецу! – крикнула она.

Талисман вспыхнул голубым светом, который затем разгорелся ярче и окутал огненным сиянием всего они. Тот застыл, неподвижный как статуя.

Эми попятилась. Сковывающее заклинание Катсуо создало лишь световую преграду. Почему у нее вышло настолько иначе? Она глянула на офуда и оцепенела от страха – края талисмана уже почернели.

Над Эми раздалось оглушительное рычание. На нее, замахнувшись дубинками, надвигались оставшиеся два они.

Широ выпрыгнул из ниоткуда. Схватив Эми, он нырнул вместе с ней вниз. Она ударилась о землю уже третий раз за столько же минут, а кицунэ рухнул сверху, выбив ей весь воздух из легких своим весом. Не выпустив Эми из рук, Широ откатился в сторону, и дубинка врезалась в пустоту. Они взревели.

Перекатившись еще раз, Широ вскочил и потянул Эми за собой. Она пошатнулась, сбита с толку всеми падениями и переворотами.

– Вряд ли стоит надеяться, что у тебя найдется еще парочка сковывающих офуда, – спокойно произнес он, сдвигая Эми себе за спину и отступая от они.

– Парочка есть, вот только никто не станет мирно ждать, пока я их задействую, – отозвалась Эми, выдавая дрожащим голосом страх. – И чары продержатся от силы две минуты.

– Хм-м. Тогда мы в беде.

Эми моргнула. Тогда? А до этого что происходило?

К ним бросились двое они. Широ вновь схватил Эми, уклоняясь от удара вместе с ней, а потом бросил ее – в буквальном смысле – за валун, а сам ушел в сторону от летящей к нему дубинки. Приземлившись на ноги, Эми развернулась и увидела, как Широ покатился по земле и вскочил между великанами. Схватив одного за руку, он перемахнул напрямик через его плечо и, опустившись рядом с Эми, вновь обернулся к противникам.

– Есть план? – тревожно спросила она, отступая.

– Планы – штука ненужная, тебе не кажется? – Широ отскочил от нацеленной ему в голову дубинки. – Я вот люблю импровизировать.

Он что, в самом деле шутил, пока они пытались его мозгами снег украсить? Неужели Широ не знал страха? Когда он опять отпрыгнул и метнулся в сторону, уводя они за собой – прочь от нее, – Эми смяла бесполезные офуда. Катсуо хоть теперь и близко не мог сравниться с Широ, но по крайней мере владел мечом. Широ же был беззащитен.

– Нельзя убегать вечно! – в отчаянии закричала Эми. – Нужно оружие!

– Оружие? – Он проехался по снегу и замер со странным, отстраненным выражением на лице. – Да, было бы неплохо.

Мелькнула вспышка света – и третий они освободился от чар. Он взревел от гнева и бросился на Широ сзади, словно бешеный бык, в то время как другие двое мчались на него спереди.

Широ не двигался. Его лицо стало отрешенным, и он, прикрыв глаза, вытянул в стороны руки. Из его ладоней вырвалось алое пламя. Оно окружило запястья, поднялось по предплечьям, а потом взметнулось двумя трепещущими языками.

Затем огонь погас, а в руках Широ оказались два одинаковых изогнутых клинка.

Он покрутил короткие мечи. Эми заметила, как он метнулся к ближайшему они – клинки свистнули в воздухе – и затерялся среди красных шкур и всклокоченных черных грив.

Корчи, животный крик, зеленые брызги.

Широ выскочил на свободу и приземлился спиной к тройке они. Один за другим чудища с булькающими хрипами рухнули на землю и обмякли. Все трое были мертвы.

Не сходя с места, Широ поднял к свету луны один меч с рукоятью как у катаны – на изогнутом клинке длиной в полтора фута блестела зеленая кровь. Кичунэ молчал и, не двигаясь, смотрел на лезвие. Эми осторожно, на дрожащих от пережитого ногах обошла тела они и остановилась неподалеку от него.

– Широ? Ты в порядке?

– М-м? – Он так и не отвел глаз от меча. – Да, в полном.

Эми замешкалась, не зная, как понимать его странное поведение.

– А почему ты не использовал мечи раньше?

Широ свел оба клинка перед собой так, словно впервые их увидел.

– Я только что вспомнил, что они у меня были.

Слова прозвучали совсем тихо, не громче шепота. А потом Широ повернулся к Эми с привычной кривой усмешкой. По клинкам скользнули алые языки пламени. Широ разжал пальцы, и огонь рассеялся, забрав оружие с собой.

Эми уставилась на его пустые ладони, а потом взглянула ему в лицо.

– Как... как ты это сделал? Заставил их появиться и исчезнуть?

– Лисий огонь можно применять по-всякому.

Она с подозрением сощурилась. Как он мог забыть про мечи? Почему так долго ускользал от смертельных ударов, если мог в любой миг призвать оружие? А владел он им просто прекрасно, судя по легкости, с которой разделался с тремя они одновременно.

– Кар!

Эми вскинула голову. С вершины огромной сосны за ними наблюдала черная ворона.

– Ну наконец-то! – громко произнес Широ. – Долго ты еще нас водить собирался?

– Кар.

В птичьем кличе прозвучала нотка веселья. Ворона лениво расправила крылья и спрыгнула с ветки, а затем, пролетев мимо головы Широ, скользнула в глубь леса.

– Наш союзник соизволил дать нам аудиенцию, – пояснил кицунэ. – Готова?

Нет, конечно же, готова Эми не была. Все ее тело болело, мышцы дрожали, а сердце никак не желало замедлиться до нормального ритма. Эми ужасно ослабла, замерзла и была напугана.

– Да, – ответила она. – Давай уже разберемся с этим.

Широ отправился вслед за вороной так, словно ни капли не устал – хотя ему пришлось сперва на полной скорости носиться с Эми на руках по горам, а потом сражаться с тремя здоровенными они. Эми поплелась за ним. Ее голова кружилась от огромного множества вопросов, а взгляд невольно упал на пустые руки Широ.

«Я только что вспомнил...» – нет, ну как можно забыть о своих мечтах? Эми заподозрила бы ложь, но видела выражение его лица в тот момент, когда крикнула про оружие. И все же – подобные способности крайне редко забываются, поэтому Эми никак не могла избавиться от чувства, что происходит нечто крайне странное.

Глава 11

Ворона вывела их к заросшей деревьями долине. К тому моменту Эми уже перестала понимать, как далеко они зашли в горы. Луна над головой озаряла путь, но не подсказывала ни направление, ни время. Сколько уже прошло? Как скоро заметят ее отсутствие? Найдут ли Катсуо следы на снегу за конюшней, отправится ли по ним? Эми надеялась, что нет. Она не хотела подвергать его опасности.

Спускаясь в долину, Эми поймала себя на том, что постепенно придвигается ближе к Широ, пока наконец не задела его рукавом. Все вокруг было пронизано неестественным безмолвием, неким внимательным ожиданием. По коже пробежали мурашки.

Держаться поближе к Широ – неправильный порыв. Этого кицунэ стоило бояться. Он с легкостью прикончил троих они – как только вспомнил о мечах, – а после содеянного ни капли не раскаялся. Он и сам говорил, что предпочитает врагов убивать. Не то чтобы Эми предлагала пощадить они, однако ей стало бы спокойнее, прояви Широ хоть чуточку сожаления.

Сперва она думала, что ему свойственно скорее удрать, нежели сражаться, но теперь подозревала, что он всего лишь расчетлив. Он вступит в бой, если понадобится или захочется, но безо всякого зазрения совести даст деру, если подобное решение логичнее.

– Так что, – произнесла Эми (тихие слова показались ей слишком громкими), – с каким ёкаем мы встретимся?

Широ глянул на небо.

– Разве не очевидно?

Эми растерянно моргнула и тоже подняла взгляд. Широ смотрел не на небо, а на кроны деревьев. Среди осенней листвы и заснеженных веток сидели десятки черных ворон. Безмолвных. Наблюдающих.

Она чуть не запнулась и заставила себя шагать дальше. Вороны следили за ними, зловеще неподвижные. Двигалась только их провожатая, плавно скользившая с ветки на ветку. Эми так на ней сосредоточилась, что обратила внимание на остальных только сейчас.

Вороны. Как она раньше не поняла? Горный они даже упомянул этого ёкая, когда спрашивал о гнезде.

– Тэнгу? – затаив дыхание, спросила Эми. – Ты ведешь меня к какому-то тэнгу?

Широ ухмыльнулся, услышав в ее голосе испуг.

– Не какому-то, а к тому самому, с большой буквы. Хозяин ворон такой один.

Эми хотела было что-то сказать, но издала лишь полузадушенный писк. Неужели все истории, где упоминались тэнгу, написанные тысячу лет назад, были на самом деле о единственном ёкае? Все легенды о стражах горных лесов и предвестниках войны, которые она читала, повествовали не о целом виде, а об одном его представителе?

– Он не так уж плох, – продолжил Широ как ни в чем не бывало, то ли не замечая панику своей спутницы, то ли ею наслаждаясь. – Наверное, даже тебя не убьет.

Эми чуть не бросилась бежать обратно, но вспомнила, что Широ отдает свой долг. Если бы он искренне верил, что ей здесь грозит гибель, то не стал бы приводить – ну, или она понимала его мотивы в корне неверно.

Ворон становилось все больше. За прищельцами наблюдало бесчисленное множество глаз-бусинок. Эми шла рядом с Широ, постоянно задевая его руку, и скользила взглядом по деревьям в невольной попытке сосчитать птиц, которые так пристально за ней следили.

Широ остановился. Эми сделала было еще полшага, но опомнилась и наконец посмотрела вперед.

Извилистую тропу преграждал огромный поваленный дуб. Почти все его ветви сломались или сгнили – за исключением нескольких крепких сучьев, и каждый был усеян десятками

ворон. А на самом широком, который образовал идеальный насест, восседала птица таких размеров, каких Эми в жизни не видела.

Она напоминала ворона с черным клювом – если бы ворон, конечно, мог вырасти величиной с ребенка. В нем было не меньше трех футов высоты, а размер крыльев Эми даже не могла представить. Ворон оставался неподвижен, прямо как его меньшие сородичи, лишь блестящие обсидиановые перья. Глаза – бледные, как луна в небе – смотрели на пришельцев.

Эми даже подумала, не слеп ли ворон. Видит ли он их вообще?..

Широ отвесил совершенно небрежный поклон в знак приветствия.

– Не мог, что ли, пару миль навстречу пролететь? Знал же, что я тебя ищу, и не притворяйся, что нет.

От такой грубости Эми уронила челюсть и поспешно склонилась – куда ниже, чем Широ. Разве они пришли не просить о помощи? Почему Широ ведет себя так бесцеремонно?

Огромный ворон наконец пошевелился. Он качнул головой и развернул крылья, размах которых оказался поистине внушителен – от одного края тропы до другого. От ворона вдруг полился темный свет, растекаясь во все стороны языками силы, пока его силуэт не смягчился, не окутался мерцающим алыми прожилками коконом. Одновременно с тем, как свет втянулся обратно, ворон спрыгнул с ветки.

А когда коснулся земли, его облик вновь стал плотным – однако перед пришельцами предстала уже не птица. Глаза Тэнгу, серебряные с черной радужкой, скользнули по Эми. Его лицо было юным и прекрасным, но таким же неподвластным возрасту, как и у Широ. Темные волосы покачивались на легком ветру, за каждым острым ухом среди прядей виднелись короткие черные перья. Косодэ и хакама, черные с алой и серебряной отделкой, были прекрасного качества.

Тэнгу посмотрел на Широ.
– И в этом облике ты так же дерзок.

Его голос был тихим, совсем не похожим на хриплое карканье ворон и таким же лишенным эмоций, как и его лицо. Раздражение выдавали только сами слова. Пронзительный, словно сверкающий меч, взгляд вернулся к Эми.

– Кто она?

На дереве каркнула ворона.

– Мико. Ясно. – Тэнгу взглянул на нее по-новому. – Сей заносчивый кицунэ обязан тебе жизнью. Не жалуется он тебя, раз увел в такую глушь, прочь от защиты ками.

У Эми пересохло во рту. Тэнгу ей угрожает?..

– Эми – мико храма Аматаэрасу в южной долине. А это Юмэй, Тэнгу. Он брюзжит, как похмельная ведьма, но не так уж невыносим.

Прижав ладони к бедрам, чтобы скрыть дрожь, Эми еще раз поклонилась. В ответ Тэнгу склонил голову. Хороший знак. Тэнгу вел себя поприличнее Широ.

– Зачем явился, кицунэ? – сухо поинтересовался Юмэй. – Новый облик – отнюдь не достаточно веская причина терпеть твое присутствие.

На лице Широ не осталось следов веселья.

– Ты ошибся.

Юмэй сощурился, впервые проявив если не эмоцию, то хотя бы намек на нее.

– Разве?

– Ты сказал, что от онэнджу меня может освободить лишь сила куницуками, не меньше. – Широ кивнул на Эми. – Вчера она сняла первый виток.

Юмэй ловко шагнул вперед и дернул руку Широ вверх. Скользнул пальцами по блестящим красным бусинам – длинная нить обвивала предплечье кицунэ в три витка. При движении четки должны были скользить по черной ткани, но Эми вдруг поняла, что ни разу этого не замечала, – бусины были словно приклеены.

– После первого витка открылся этот облик? – спросил Юмэй.

– И не только, – загадочно ответил Широ.

Тэнгу еще минуту разглядывал четки, а затем крепко ухватил кицунэ за локоть и подцепил пальцами виток на его запястье. Ёкаи коротко переглянулись – серебро столкнулось с рубинами, – и Юмэй потянул бусины вниз.

Из онэнджу вырвалась сила, обжигающая, словно пламя. Эми едва успела отпрянуть. Резкий порыв ветра взметнул полы одежды Юмэя. Над бусинами вспыхнул белый свет – и взорвался десятками молний. Ёкаи с грохотом отлетели друг от друга.

Тэнгу приземлился на ноги, вытянув руку. От обожженной ладони поднимался дым, с пальцев на белый снег медленно капала кровь.

Кицунэ упал на спину и замер без движения.

– Широ! – вскрикнула Эми.

Она без раздумий бросилась к нему и рухнула на колени. Его глаза были закрыты, виднелись лишь белки. Эми похлопала Широ по щеке, слабо пытаясь привести его в чувство, и ощутила жар его кожи – словно он впитал пекло, которое породили онэнджу. Эми зачерпнула пригоршню снега и прижала его ко лбу Широ. По его лицу потекли ручейки воды – снег начал таять.

Лисьи уши дернулись. Кицунэ охнул и распахнул глаза – ярко-красные, пылающие страшным гневом.

А потом он моргнул – и Эми увидела в его глазах лишь смятение. Она поспешно вытерла остатки снега и отстранилась. Широ сел, морщась и разминая пальцы правой руки. Онэнджу по-прежнему блестели – ни жар, ни молнии не оставили на них ни следа.

– Похоже, что не сработало, – заметил кицунэ.

Эми отпрянула, когда он вскочил на ноги так же проворно, как до взрыва силы. Юмэй стоял на месте, кровь и ожоги его словно не беспокоили. Длинный рукав его черного косодэ покачивался на ветру, напоминая о перьях в ином облике.

– Чары не рассеялись, – сказал Тэнгу. – Значит, дело в этой девчонке.

Он вновь стремительно приблизился – но на этот раз к Эми. Она не успела попятиться, и Юмэй сжал здоровой рукой ее подбородок. Без особой нежности повернул ее голову в одну сторону, в другую, а потом отклонил назад и ткнулся носом в шею. Вдохнул.

– Она человек? – спросил он у Широ и выпрямился, но так и не отпустил Эми. – Пахнет человеческой женщиной и тобой. Ты с ней возлег?

Эми охнула – лицо обожгло смесью гнева и смущения – и попыталась отпрянуть, однако Юмэй больно стиснул пальцы и удержал ее.

– Немного покатались по снегу, – произнес Широ, ухмыльнувшись в ответ на яростный взгляд, – однако мы не сливались в страсти, а стремились выжить. Горные они немного помещали.

Юмэй опять покрутил голову Эми туда-сюда.

– Ты уверен, что первый виток оков сняла именно она?

– Больше никому.

Тэнгу задержал на ней взгляд еще на мгновение, а потом наконец отпустил. Эми вздохнула было с облегчением, как вдруг он схватил ее уже за запястье и, притянув ладонь к лицу, укусил чуть ниже большого пальца.

Эми вскрикнула и попыталась вырваться. Пальцы Тэнгу сжимали ее подобно стальным тискам; взгляд его стал отстраненным. Юмэй отпустил ее так внезапно, что Эми потеряла равновесие и упала в снег.

– Человек, – заключил Юмэй. – Но я чувствую в ее крови силу ками.

Эми повернула ладонь и увидела крошечную ранку от его клыка. По запястью стекла капля крови, алой линией по бледной коже.

Свет луны вдруг преградила тень. Широ провел по кровавому следу большим пальцем, а потом усмехнулся и лизнул его. Эми уставилась на кицунэ, от потрясения утратив дар речи.

– Определенно человек, – сказал Широ Юмэю, все еще удерживая взгляд Эми – так, словно подзадоривал дерзнуть и возмутиться подобному обращению. – Неужто мико всегда на вкус похожи на ками?

– Не знаю, – отозвался Юмэй. – Никогда не пробовал истинного служителя храма.

Эми прижала ладонь к груди, к скрытой под одеждой метке над сердцем. В ушах стучал пульс, страх стал почти невыносимым. В ее крови появился привкус силы ками не потому, что она преданная мико, а потому что она камигакари. И если ёкаи выяснят правду, то убьют ее на месте.

Глядя на них, Эми вдруг поняла, что за эту ночь Широ обманул ее дважды. Сначала выманил из храма под предлогом встречи с амацуками. А потом убедил по своей воле отправиться к Тэнгу, который якобы мог им помочь. Однако они пришли сюда не поэтому. Широ привел ее, чтобы Юмэй разобрался, каким образом она совладала с онэнджу. Они проделали такой опасный путь – и он никак не был связан с просьбой, которую Широ согласился выполнить.

– Вопрос в том, кицунэ, – негромко произнес Юмэй, – зачем ты привел ее ко мне, если ты по-прежнему проклят.

Рубиновый взгляд скользнул по Эми безо всякого веселья.

– Она отказалась его снять.

– И ты позволил человеку тебе отказать? – поинтересовался Юмэй с явным недоверием.

– Я перед ней в долгу.

– Ах. – Юмэй коротко кивнул. – Разумеется. Понимаю.

Пока Эми раздумывала над его словами, он схватил ее за волосы и больно вздернул на ноги. Тэнгу опять впился пальцами ей в челюсть и царапнул горло когтями – чего в прошлый раз не делал. На его лице при этом не отражалось ничего – ни злобы, ни милости.

– Мико, – тихо произнес он, – я не связан долгом и волен сломить твоё неповиновение. Ты меня поняла?

Эми молча на него уставилась. Сердце бешено колотилось о ребра.

– Поняла?

– Да, – шепнула она без единого движения – иначе когти пронзили бы кожу.

Юмэй отпустил ее горло.

– Сними с кишунэ онэнджу.

Эми не шелохнулась, в панике неспособная придумать ничего путного – ни слов, ни иного способа остановить происходящее.

Юмэй сжал ее плечо и развернул к Широ.

– Снимай. Или прольется твоя кровь. Повторять я не стану.

Широ протянул руку. Лицо его было таким же бесстрастным, как у Тэнгу. Ни доброты, ни сострадания в глазах. Он не мог причинить Эми вред, не запятнав своей чести, однако сия драгоценная честь не мешала ему сделать грязное дело руками Юмэя. Привел ли он Эми сюда лишь ради этого – чтобы ёкай, не связанный долгом, угрозами заставил ее снять четки?

Она подняла ладонь – к ее досаде, заметно дрожащую. Сердце чуть не выскочило из груди, но Эми взялась за нижний виток онэнджу. Пальцы обдало жаром.

– Ты отвратителен, – прошипела она, поймав взгляд Широ.

Он молча ждал. Эми зажмурилась. Почему, ну почему она решила, что ёкаю можно довериться? А ведь она даже начала думать, что Широ не так уж плох... Пусть внешне он казался приличнее, внутри него скрывалась ровно такая же черная душа, как и у тех чудовищ, что утащили Хану. Он вероломный лжец и плут – прямо как говорилось в легендах.

Пронзенная болью предательства и гневом, Эми потянула четки вниз.

По ее руке взметнулась сила. Свет вспыхнул так ярко, что Эми увидела его сквозь сомкнутые веки. Бушующая ки бусин заставила ее грудь вспыхнуть огнем, а потом стекла обратно и столкнулась с той, что по-прежнему текла в онэнджу.

И взорвалась.

Эми отлетела назад, выпустив четки, и упала на спину. Легкие пылали без воздуха, онемевшая рука пульсировала. Все вокруг заполнилось хриплым вороньим карканьем. Сумев наконец судорожно вдохнуть, Эми села и изумленно моргнула.

Широ снова лежал, скорчившись на снегу в десяти футах от того места, где стоял. Его руку все еще опутывали алые четки. Юмэй привалился спиной к поваленному дубу, о который, должно быть, ударился головой – по его лицу стекала кровь. Как же сильно взрыв энергии ударил по ёкаям?..

Юмэй распахнул глаза. Оттолкнувшись от дерева, он, шатаясь, двинулся вперед, но тут же обрел равновесие и встал перед Эми. В серебряных глазах горела ки, от которой сгушался воздух – так, что она даже ощутила тяжесть в легких. Вороны мгновенно притихли.

Эми даже не поняла, в какой она опасности, пока он не шевельнулся.

С ее губ сорвался испуганный крик. Юмэй впился ей в горло пальцами и поднял ее над землей. Эми цеплялась за его руку, пытаясь ее разжать. Когти вонзились в кожу, потекла горячая кровь. Тэнгу смотрел без эмоций, лицо его было маской, которая ничего не выражала. Офуда! Где они? Эми не помнила. Легкие вспыхнули болью, перед глазами все заволгло туманом. Руки ослабли и, несмотря на ее отчаяние, безвольно повисли.

Кто-то вдруг обхватил ее за талию, прижимая спиной к теплому телу. Ладонь, ниже которой мелькнуло обернутое черной тканью и алыми четками предплечье, обхватила запястье Тэнгу.

– Отпусти ее, Юмэй.

– Никому из людей не дозволено меня сразить.

– Это онэнджу, не она.

– Она повернула поток.

– Люди на такое не способны. Ты пробовал ее кровь. Она лишь человек. – Широ крепче сжал запястье Юмэя и заговорил тверже. – Отпусти.

– Смеешь мне приказывать, кицунэ? – прошептал Юмэй.

– Смею. Отпусти.

Тэнгу скривил губы – на его лице промелькнул гнев, – но разжал ладонь.

В легкие хлынул воздух. Эми согнулась, кашляя до хрипоты. Широ обвинил ее уже обеими руками, пока она содрогалась, а затем опустился с ней на снег. Ее мышцы дрожали от слабости, и Широ был единственным, что удерживало ее в круговерти мира.

Как только к Эми вернулась капля силы, она оттолкнула кицунэ и начала подниматься. Ноги отказались ее держать; она упала на четвереньки и, задыхаясь, отползла в сторону. Горло сильно болело, и Эми с трудом сглотнула. Остановившись, она села и уставилась на ёкаев. Те, не двигаясь, смотрели на нее.

– Почему не сработало? – наконец спросил Широ. – Вчера она сняла виток без проблем.

– Она того не пожелала, – ответил Юмэй, все такой же спокойный, даже умиротворенный, словно и не пытался только что ее убить. Впрочем, душил он ее тоже с весьма безмятежным выражением лица. – Сила начала высвобождаться, потом отразилась и ударила по нам. Предположим, девчонка не отразила ее намеренно – значит, способность снимать онэнджу может зависеть от ее искреннего желания это сделать.

Широ сжал губы в тонкую линию. Он шагнул к Эми, и она вздрогнула, готовая поднять страдающее от боли, дрожащее тело и броситься бежать. Ничего хорошего наверняка бы не вышло, однако сидеть и терпеть унижение от этих двух ёкаев она не собиралась.

Он замер в нерешительности, а потом присел на корточки, не пытаясь приблизиться.

– Ты снимешь четки, Эми? – спросил он неожиданно мягко. – Клянусь честью и жизнью, что после отыщу для тебя амацуками. Хоть их всех, если ты того пожелаешь.

Дрожь усилилась, теперь ее подпитывал гнев, который угрожал затмить собой все.

– То есть теперь ты решил попросить? – Каждое слово причиняло боль, голос звучал так хрипло, что казался чужим. Широ обманом привел ее сюда, где чуть не отдал на растерзание другому ёкаю, и она верить не могла, что ему хватало наглости ее уговаривать. – Я не поверю тебе, даже поклянись ты жизнью Инари.

Широ смежил веки; выражение его лица было непроницаемым. Затем он резко встал и окинул Эми взглядом.

– Инари? Куницуками бессмертны, клясться их жизнью бессмысленно.

– Ты понял, о чем я, – огрызнулась Эми.

– Я... да. Конечно. – Широ повернулся к Юмэю: – Вот чего она желает. Как ты знаешь, одному мне такое задание не под силу.

– Зачем ей встреча с амацуками?

Широ пожал плечами.

– Я помогу, – произнес Юмэй, задумчиво стирая со щеки кровь, – но взамен твоя сила по возвращении будет принадлежать мне, пока я не сочту долг оплаченным.

Эми моргнула. Как небрежно он требовал вечного служения!

Широ вновь повернулся к ней:

– Я не могу выполнить твою просьбу один... хоть и попытаюсь, ведь согласился. Однако Юмэй способен осуществить твоё желание куда быстрее. Если я ради тебя возьму на себя этот долг, ты снимешь онэнджу?

Он был действительно согласен вечно служить Тэнгу?.. Неужели ему так важно снять четки?

Эми перевела взгляд с одного ёкая на другого. Стоило отказаться. Уйти прочь и не связываться с ними больше. Но в голове упорно крутились слова из руководства каннуши. Да и без них Эми сомневалась, что ее отпустят, если она скажет «нет».

– После встречи с амацуками, – прохрипела она, – и ни мгновением раньше. А если ты совершь или обхитришь меня, то сделке конец.

– И после встречи с амацуками ты по своей воле снимешь онэнджу?

– Да.

Широ кивнул, и его глаза на миг вспыхнули алым пламенем, жар которого обещал мечь, если она его предаст. Затем он взглянул на Юмэя, и Эми снова смогла вдохнуть.

– Я согласен взять на себя долг в обмен на твою помощь. Как скоро ты найдешь амацуками?

– Достаточно скоро. – Юмэй склонил голову, словно к чему-то прислушался. – Горные они нашли тела трех, которых ты сразил. И направляются сюда.

Широ скривился и развел уши, словно расстроенный пес.

– Видимо, возвращаться придется другим путем. Ей нужно успеть обратно в храм до рассвета.

– Возьми на руки мико. Я вас отнесу.

Удивленно глянув на Юмэя, Широ шагнул к Эми. Она попятилась, но он с легкостью подхватил ее на руки.

– Отпусти!

Он пропустил крик мимо ушей и повернулся к Юмэю. Тэнгу окутался черно-красным светом, его очертания дрогнули, изменяясь – тело уменьшилось, развернулись крылья. Огромный ворон взмахнул ими и подлетел ближе. За ним потянулись черно-красные ленты силы.

На плечах Широ сомкнулись массивные когти, и ворон взмыл вверх, к луне. Эми охнула и повисла на шее у кичунэ. Все вокруг заполнилось ки, от которой перехватывало дыхание. Черный свет кружился вокруг, смешиваясь с ветром, и окутал их всех – ее, Широ, ворона. Эми открыла было рот, чтобы закричать, но из легких вдруг исчез воздух, мир потемнел, и на нее обрушилась пустота.

Эми падала.

Мир превратился в вихрь снега и деревьев. Широ обхватывал ее руками. Лес стремительно приближался.

Широ приземлился ногами вперед и, упав, извернулся так, что она оказалась у него на груди. Эми подняла голову и в панике огляделась. Ни поваленного дуба, ни стаи ворон, ни их огромного хозяина в небесах – лишь нетронутый снег.

Ворон оставил их в совершенно другой части гор, и Эми понятия не имела, где они оказались.

Глава 12

Эми плелась за Широ, двигаясь вперед лишь из чистого упрямства, которое внезапно в себе обнаружила.

Юмэй оставил их с Широ в трех милях от храма. По крайней мере, так сказал кицунэ. Она не понимала, как Тэнгу сумел переместить их на такое расстояние в один миг, но, впрочем, она не понимала и то, как Широ проходит сквозь стены. В любом случае своей магией Юмэй спас их от очередного сражения с они, которые направлялись в глубь гор, к его долине.

С самого начала пути Эми не проронила ни слова. Не желала она слушать оправдания кицунэ. Ее тело болело так сильно, как еще не случалось прежде. Шея пылала от стальной хватки Юмэя; каждый вздох обжигал горло. Эми повезло, что ворон задел когтями лишь мышцы у затылка, а не вспорол яремную вену.

А еще она ужасно устала – так, что еле переставляла ноги, – и все время дрожала. Снежный лес казался бесконечным; они то поднимались, то спускались, шли то по ухабам, то по сугробам. Каждые пару минут Эми спотыкалась на ровном месте. Дважды она даже упала – не хватило сил удержаться.

Широ пытался помочь или хотя бы идти рядом, но Эми так на него взглянула, что теперь он шагал поодаль. Она не желала избавлять его от угрызений совести – если она у него, конечно, была, – так что паиньку кицунэ мог не изображать. Гнев и гордость – вот что помогало ей до сих пор двигаться вперед.

Довериться ёкаю! Чем она только думала? Ее разум затмила хрупкая надежда, что амацуками подтвердит ее подозрения и в руководство каннуши действительно закралась ошибка. И к чему привели эти глупые усилия? К шее в синяках и крови.

Эми смотрела на землю, чтобы не споткнуться, и шла по следам Широ. Юмэй назвал его человеческий облик «новым», будто еще не видел кицунэ таким. Он также заметил, что Эми разрушила первое кольцо «оков» онэнджу. Похоже, четки сковывали этот облик, и Широ получил возможность его изменять, только когда Эми стянула виток бусин. Осталось еще три – и какие же силы и способности за ними запечатаны?

В библиотеке Шиона хранились записи о ёках тысячелетней давности; по крайней мере в нескольких из этих древних легенд упоминались тэнгу. Если все они связаны с Юмэем, значит, ему больше тысячи лет? А сколько же Широ? Как долго он был заключен в теле лиса? Достаточно, видимо, чтобы позабыть о своем оружии – но не о том, как им пользоваться.

По словам Юмэя, освободить Широ мог лишь куницуками. Однако все они пропали. Судя по всему, кицунэ считал, что теперь его единственным шансом на избавление от онэнджу стала Эми – поэтому он и согласился на крайне высокую цену, которую запросил Тэнгу. Впрочем, быть связанной что с одним, что с другим Эми не нравилось.

Ей на руку играло лишь то, что Юмэй и Широ не догадались, почему она, обычный человек, повлияла на чары, которые могли разрушить только куницуками. В тело Эми годами струилась сила Аमतэрасу, и за оставшееся до солнцестояния время ее ки только прибавится. Наверное, поэтому Эми сумела сделать то, что не мог Юмэй. И хотя сильный омамори у нее на шее скрывал влияние ками от остальных, ёкаи ощутили его в ее крови. Правда, причину они так и не выяснили – пока что.

Нужно было поскорее покончить с этой сделкой, пока ёкаи не поняли, кто Эми такая. Куницуками пропали и не могли уравновесить силы амацуками, а значит, Юмэй и Широ воспылают куда большим желанием уничтожить камигакари.

В ее груди вдруг растеклась паника. Вскинув голову, Эми осознала, что уже несколько минут слышит звук – с каждым шагом он становился все громче и пробуждал в ней страх.

Меж деревьев, извиваясь вниз по склону, бурлила речушка. В лунном свете блестели влажные валуны, выглядывая из безжалостно бьющего о них потока. Моста не было.

Широ, не обращавший на Эми никакого внимания с тех самых пор, как она молча его отшила, подошел к берегу и легко вскочил на валун. Кицунэ ловко перепрыгивал с камня на камень, совершенно не боясь kloкочущей воды.

Эми оступилась и замерла, уставившись на речушку. Звук заполнил голову, а где-то за ним она слышала крики Ханы. Почувствовала, как холодная, скользкая рука подруги цепляется за ее ладонь так крепко, что синяки после не сходили две недели. В груди стало тесно, легкие сковало льдом, будто Эми очутилась под водой и дышала холодным потоком, тонула вместе с Ханой.

– Эми?

Она заморгала и вдруг увидела перед собой лицо Широ. Кицунэ не сводил с нее рубиновых глаз, закрывая собой речку. А разве он ее не пересек?.. Сколько же Эми простояла, задыхаясь от воспоминаний?

– Где мы? – выдавила она. На их пути к Тэнгу реки не было.

– На западе от храма. – Широ потянулся к Эми. – Я перенесу тебя через...

– Не трогай меня!

Крик вышел хриплым, голос прозвучал чужим. Эми отпрянула, обхватив себя руками. Она не желала принимать помощь кицунэ, не верила, что он перенесет ее через страшную воду невредимой. Но, с другой стороны, а как ей иначе перейти реку?

Широ опустил ладонь. Они молча стояли; хранил тишину и лес вокруг. Эми поежилась, обняв себя крепче. Ей хотелось лечь в снег и заснуть. Хотелось оказаться дома – не в храме Шираюри, а в своей детской спальне, чтобы мама готовила на кухне и напевала песенку, а отец отдыхал на диване и смотрел новости на экране маленького телевизора. Хотелось обнять маму и сказать, как сильно Эми ее любит, что отдалилась она совсем не по своему желанию и ужасно жалеет. Хотелось вернуться назад и все изменить.

– У меня не было умысла тебе навредить, – мягко произнес Широ.

Эми закрыла глаза, чтобы не видеть его лицо. Лжец. Он лжец.

– Важны поступки, – хрипло заметила она. – А не умысел.

– Не для ёкая, – пробормотал Широ. – Действия меняют наш путь, влияют на будущее, но намерения определяют нас, дают нам силу. Без них мы ничто.

Эми распахнула глаза и, сама того не желая, посмотрела на него. Широ глядел на звездное небо; его лицо было столь же непроницаемым, как лик луны, а тусклый, серебристый свет лишь подчеркивал его неподвластные возрасту черты. Порой кицунэ разговаривал так, словно еще вчера учился в старшей школе и был ветреным подростком, а порой – как Юмэй: его речь становилась более размеренной, мягкой, архаичной.

– Как долго тебя сковывает онэнджу? – вопрос сорвался с губ раньше, чем Эми успела сдержаться.

Широ опустил взгляд на снег, не глядя на нее. Рассеянно провел пальцами по бусинам.

– Не помню, – прошептал он. – Не помню себя без них. Не помню времени, когда бы они не обжигали мою душу и не поглощали ки, стоит ей во мне появиться.

Он лжец. Он обманывает, играет на ее эмоциях, чтобы снискать сочувствие. Он лжец. Эми мысленно повторяла эти слова, однако не могла в них поверить – не в этот раз.

– Почему же ты просто не сказал? – с горечью спросила она. – Почему не сказал, что онэнджу причиняют тебе боль, и не попросил их снять?

– Я вообще-то просил.

– Но не объяснял почему.

– А что бы изменилось? Ты мне не доверяла. – Широ отвел взгляд. – Как и ёкаи знают, что доверять доброте смертных нельзя.

Эми растерялась, не ожидая таких слов. Неужели у ёкаев есть свои легенды о жестокости и предательстве со стороны людей? Может, в этом была доля истины. Если бы Широ с самого начала признался, как его мучают онэнджу, сняла бы она их? Эми не знала.

Кицунэ повернулся и – Эми охнула – подхватил ее на руки.

– Широ!

– Или я перенесу тебя сейчас, или мы стоим и ждем, пока ты не отключишься, и тогда я все равно тебя перенесу. – Он зашагал к реке. – Хочешь побыть без сознания?

Не утруждаясь ответом, Эми уставилась на бурлящий поток. И по мере его приближения ее охватывал ужас. Вода шумела так же, как в тот день. Забыв о достоинстве, Эми сжала в пальцах косодэ Широ и уткнулась лицом ему в плечо. На мгновение поколебавшись, кицунэ ускорил шаг. Эми ощутила, как он готовится к первому скачку.

Засвистел ветер. У нее замерло сердце. Широ легко приземлился и снова прыгнул. Эми слышала лишь шум воды и далекие крики из воспоминаний. Еще приземление, еще прыжок.

Под ногами кицунэ хрустнул снег, и Широ бодро зашагал дальше. Эми с опаской подняла голову и выглянула из-за своих спутанных волос. Бурная река осталась позади. Неужели он преодолел ее всего в три прыжка?..

Эми поерзала, стараясь высвободиться и встать. Широ крепче сжал руки – одной он обхватывал ее колени, а другой поддерживал спину.

– Расслабься, – тихо произнес он. – Осталась всего миля.

– Не надо меня нести дальше.

– Ты без сил.

– Поставь меня на землю!

– Без сил, но с упрямством, – сухо заметил Широ и наклонил голову так, что его дыхание согрело ее щеку. – Не нравится меня касаться, малышка-мико?

Эми крепко стиснула его пушистое лисье ухо двумя пальцами.

– А это тебе нравится? – ласково поинтересовалась она.

– Ай-ай-ай! – Широ скривился, пытаясь высвободиться. – Отпусти!

– Поставь меня на землю!

Он разжал руки.

Эми взвизгнула, но шлепнуться на задницу не успела – Широ вновь ее поймал, благополучно избавившись от хватки на ухе.

– Почему ты не хочешь меня отпустить? – уставилась Эми на кицунэ.

– Потому что ты идешь настолько ужасающе медленно, что возвращаться мы будем всю ночь, – прорычал он, страшно недовольный покусением на ухо. – Если закроешь рот и перестанешь ерзать, то мы окажемся в храме через пару минут.

И Широ устремился вперед. Разница в их скорости была действительно столь велика, что Эми даже устыдилась. Может, она и продолжила бы настаивать, что пойдет сама, но ее мышцы охватила жуткая боль. Поэтому Эми сдалась и обмякла в руках Широ. Кицунэ перехватил ее поудобнее и ускорил шаг. У него еще оставалось столько сил... неужели он так неустойчив? Или это Эми настолько слаба?

Ее голова покачивалась в такт движению, и Эми изнуренно прислонилась к плечу Широ. Затем она вдруг поняла, что закрыла глаза. Его грудь была восхитительно теплой. А так оказалось куда удобнее, чем когда он зажал Эми под мышкой, как мешок с рисом, и неся бегом. Даже приятно... ощущать объятия сильных рук, слышать биение его сердца. Походка Широ была ровной, убаюкивающей. А Эми так устала...

– Эми.

Сон давил на веки. Она что-то невнятно пробормотала.

– Эми, просыпайся.

Она приоткрыла глаза... и растерянно уставилась на дом. Она вернулась?.. Эми сонно моргнула и глянула на Широ, а потом опять на дом. Дрему тут же прогнала вспышка тревоги. Ёкай держал Эми на руках прямиком на виду у множества окон. Стояла глубокая ночь, но тем не менее. Слишком уж рискованно. Впрочем, судя по спокойствию вокруг, отсутствие камигакари никто не заметил.

Увидев волнение Эми, Широ осторожно ее отпустил. Оказавшись на земле, она отошла от него – и ее ноги чуть не подкосились. Кицунэ поймал Эми под руки и указал на вход.

– Туда.

– Знаю, – пробормотала она. Неужели она и правда успела заснуть?.. Эми оглянулась на Широ, сощурившись. – А ты где будешь спать?

– О... где-то. – Он подтолкнул ее к двери. – Ложись, пока не свалилась.

– Я не какая-то неженка, с которой надо нянчиться, – твердо заявила Эми и, покачнувшись, отодвинулась от него.

– Как скажешь.

Эми нахмурилась и демонстративно шагнула вперед, но тут же поняла, что шуметь нельзя. Прокравшись на цыпочках по ступенькам, она сдвинула дверь и обернулась.

– Но как же ты?

Усмешка кицунэ стала шире; показался кончик острого клыка.

– Предлагаешь разделить с тобой постель, малышка-мико?

– Нет!

– Тогда увидимся, когда я нападу на след амацуками. – Широ слегка поклонился. – Доброй ночи, госпожа из храма.

Эми проследила, как он свернул за угол, не оставляя следов. Прикусив губу, она задалась вопросом: неужели Широ будет спать в снегу? Он ведь тоже наверняка устал. Может, стоило предложить ему остаться...

Она помотала головой. Остаться в ее комнате? О чем она только думает? Разувшись, Эми беззвучно закрыла дверь и поспешила по коридору. Широ будет в порядке. Кто знает, сколько лет он прожил в одиночку; Эми ему не нужна – если только для того, чтобы снять онэнджу. Вот и все.

Уже потянувшись к двери спальни, Эми вдруг замерла – и со вздохом направилась в ванную. Запершись там, она сняла грязную одежду и неохотно повернулась к зеркалу.

Самой явной жертвой ночного приключения стали волосы. Длинные пряди спутались, из них торчали веточки и листья. На шее и плече запеклась кровь, а красные полосы на коже к утру наверняка превратятся в жуткие синяки. Эми вздрогнула при виде четырех ранок с одной стороны шеи и пятой с другой. Ну, по крайней мере их не видно под волосами.

Локти и колени уже наливались синевой кровоподтеков. Ладони были содраны, на одной остался след от клыка Юмэя. Ребра болели после стальной хватки Широ, убежавшего от них. Болело все.

Однако сильнее всего в глаза бросались не раны, а темный символ посреди груди. Метка камигакари Аматаэрасу. Только появившись, она была совсем бледной, как тень на коже, но теперь налилась черным цветом. Эми прижала к метке ладонь, желая вырвать ее из плоти и, тем самым, из души – однако магия так не работала.

Раздевшись, Эми не сняла лишь одну вещь – шелковый мешочек на кожаном шнурке, который всегда оставался при ней. Мешочек этот был плоским, вышитым цветами и напоминал талисманы на удачу, которые продавались в храмах во время фестивалей, но внутри него хранился сильный омамори, скрывающий ее ки от ёкаев. Без него если не Широ, то по крайней мере Юмэй сразу бы догадался, кто она такая.

Эми взялась за мягкую мочалку и промыла ранки на шее. Ткань испачкалась свежей кровью, и в одиночестве ванной комнаты Эми позволила себе расплакаться. Она беззвучно

проливала слезы из-за полной страха ночи, пережитой боли, усталости, лжи и предательства. Из-за своей глупой наивности, ведь Широ так легко обвел ее вокруг пальца.

Кое-как вымывшись, перевязав раны и расчесав волосы, Эми скользнула обратно в спальню и переоделась для сна. Она рухнула на постель лицом в подушку. Одежда сбились в ногах, но сил их расправлять уже не осталось. Эми лежала с закрытыми глазами; усталость накатывала волнами, притупляла боль. Постепенно погружаясь в сон, Эми гадала, почему думает не об опасности, страхе и тревожных известиях. Вместо этого она вспоминала, как Широ признался, что не помнит жизнь до проклятых онэнджу... лунный свет на лице, голос, выражение глаз, которое она мельком увидела – омут безнадежного отчаяния, глубокого, как океан.

Глава 13

Дверь хранилища с треском отъехала в сторону.

– Эми? – позвал Катсуо.

– Доброе утро! – отозвалась она, выглянув из-за полки, и увидела, как он неуверенно замер на пороге в лучах солнца. – Я здесь.

Эми повернулась к разложенным вокруг нее книгам. Катсуо приблизился и, опустившись на корточки, изумленно оглядел все эти развалы.

– Так вот где ты сегодня прячешься, – произнес он. – А я думал, что все еще отсиживаешься у себя.

Эми нервно поправила шарф. После ночных приключений с Широ следующие два дня она провела у себя в комнате, сославшись на легкую простуду, чтобы никто не увидел внушительные синяки, которые оставил ей на шее Юмэй. Фуджимото и Нанако переполошились, поэтому сегодня Эми вышла на прогулку – предусмотрительно замотавшись шарфом.

– Мне уже гораздо лучше, – произнесла она, избегая взгляда Катсуо. Ложь входила в число запретных для камигакари грязных деяний, так что врать она умела плохо. – Хотела подышать свежим воздухом.

– Не назвал бы воздух здесь свежим, – заметил Катсуо. – Что это у тебя?

Эми скорчила рожицу, глянув на книги.

– Просто хотела... ну, после нашей встречи с они я хотела поискать более сильные офуда для защиты. Чары барьера и оков долго не держатся.

Встреча с они была отнюдь не единственной причиной, однако уточнять это Эми не собиралась.

– Как правило, офуда отражают силу, – пояснил Катсуо. – Линии на снегу не хватает постоянства, поэтому барьер долго не протянет. А вот линия, высеченная в камне, – другое дело, тогда он будет крепче. Связать ёкая чарами напрямую тоже не очень действенно. Лучше поймать его внутри чего-нибудь и сковать это место. – Катсуо задумчиво постучал пальцем по подбородку. – Впрочем, если ты хочешь связать ёкая так, чтобы наверняка, то нужен маругата.

– В смысле, круг изгнания?

– Да. Простой круг – это самая основная форма, а маругата может быть очень сложным. Так можно поймать ёкая и загнать его ки в сосуд, чтобы связать его навсегда. Таким способом древние сохэй избавлялись от бессмертных ёкаев, которых нельзя убить.

По спине Эми пробежал холодок.

– Есть ёкаи, которые не могут умереть?

– Нет, умереть может любой из них, – поправил Катсуо. – Ки – это жизненная энергия, и неважно, кто ты – человек, ёкай или ками, как только твоя ки иссякнет, ты умрешь. Но очень сильный ёкай может со временем возродиться. Помнишь легенду об Орочи, восьмиглавом драконе? Он бесчинствовал и требовал в жертву девушек, иначе он разрушал целые города. Слабые ками, которые там жили, хотели его убить, но понимали, что он вернется и уничтожит их. Поэтому они ждали, позволяя дракону разорять земли, убивать как людей, так ёкаев, пока тот не привлек внимание куницукими. В конце концов Сусаноо бросил Орочи вызов и убил его. Слабые ками знали, что если дракон падет от руки кого-то столь же могущественного, как Сусаноо, то останется мертвым куда дольше. Но сказания предупреждают, что однажды дракон вернется свести с ним счеты.

Эми уже слышала эту историю, но о деталях никогда не задумывалась.

– То есть если сохэй сумеет убить сильного ёкая, тот может возродиться и начать мстить людям?

– Ага. Поэтому сохэи не убивают ёкаев, а запечатывают их ки. Это единственный способ стопроцентно от них избавиться. Печати со временем теряют силу, но пока кто-то их обновляет, ёкай останется заключен навсегда. – Катсуо обвел рукой стену, видимо, имея в виду мир вокруг. – Говорят, что есть семьи сохэев, которые по сей день стерегут самых могущественных ёкаев, когда-то бесчинствовавших на земле.

– А я могу научиться делать какой-нибудь маругата? – спросила Эми.

– Знаешь, как исполнить танец Пяти цветков в Небесном саду для весеннего фестиваля?

– Конечно!

– Тогда одним ты уже владеешь, – улыбнулся Катсуо.

– Маругата... танец?!

– Не сам по себе, а круг, который ты рисуешь во время танца. Это простой маругата, для него даже не нужен заговор. Если ёкай войдет в такой круг, то оцепенеет и не сможет двигаться, пока граница не будет нарушена. Это, в общем-то, и все его действие, но это надежнее, чем офуда.

Эми сощурилась, вспоминая известный и манящий сольный танец. Мико исполняли его каждый год, и она прекрасно знала движения. Во время него приходилось не только танцевать, но и рисовать на огромном листе бумаги углем. Очертить идеальный круг, грациозно танцуя, было сложно даже опытной мико.

– Круг изображают на полу, обычно на бумаге, – объяснил Катсуо. – Можно и не танцевать, но рисовать его нужно в том же направлении, что и при танце, иначе он не сработает. Часть силы маругата заключается в ритуале его создания.

Эми кивнула. Многие танцы мико обладали силой, которую притягивали из земли особые ритуальные движения.

– Я вряд ли смогу нарисовать его быстро, – засомневалась Эми.

– Ну да, с ходу им не защититься, – признал Катсуо. – Но в храме тебе это и не надо. Мы с Минору тебя защитим.

Минору, в отличие от Катсуо, совершенно не стремился все время держаться поблизости от Эми. Можно было даже сказать, что он талантливо ее избегал, и она его за это не винила. Насколько ему известно, на земли храма не мог проникнуть ни один ёкай, а Эми не должна выходить за их пределы. Поэтому ходить за ней следом необходимости не было.

Широ, однако, преспокойно ступал на священную землю, и тории его даже не замедляли. Теоретически это значило, что он никому в храме не желал зла, однако на деле, оказавшись внутри, он в любой момент мог передумать.

– И все-таки мне кажется, что лучше иметь при себе какую-нибудь мгновенную защиту. Что, если на меня нападут и вас рядом не будет? – Эми постучала пальцем по обложке книги. – Тут пишут про оружие, пропитанное ки, и ударах вроде того, как ты нанес катаной, но я не владею никаким оружием. Рисовать маругата – это долго, значит, нужен либо более сильный офуда, либо... что-то еще.

Катсуо нахмурился.

– Разве ты не умеешь стрелять из лука?

– Церемониального лука. Я стреляла только в деревяшки.

Он закатил глаза.

– Эми, ты и правда думаешь, что между стрельбой по деревяшкам и ёкаям много разницы? Одни просто двигаются, а другие нет.

Эми моргнула.

– Но лук же церемониальный!

– Это оружие. И ты хорошо им владеешь. Куда лучше Нанако.

Эми никогда не задумывалась о церемониальном луке и стрелах, которые использовала во время фестивалей, как об оружии. Оружие должно быть изящным и практичным, как катана

у Катсуо, а не вычурным и усыпанным цветными ленточками. Эми упражнялась куда больше остальных мико, ведь была камигакари и чувствовала, что быть лучшей во всем – ее долг, но никогда не считала, что этот навык может пригодиться ей где-то, кроме выступлений.

– Ну ладно, луком я действительно умею пользоваться, но обычная стрела они не навредит, если я вообще попаду в движущуюся цель.

– Горные они куда крупнее твоих обычных мишеней. А чтобы их ранить, нужно просто обернуть стрелы очищающими офуда. Есть и более мудреные приемы, но хватит и этого.

Эми рассеянно просмотрела названия книг. Очищение было близко всем камигакари, а также играло важную роль в жизни каждого каннуши, мико и сохэя.

Самая сильная ки зарождалась в чистой душе. Причем основой для этого была даже не нравственность – хотя без нее тоже не обойтись, – а уравновешенность как разума, так и души. Злость, ненависть, похоть, жадность, эгоизм – все они искажали ки. И пусть оскверненная ки порой тоже обладала немалой мощностью, чистая оставалась сильна всегда.

Для каннуши и мико важнейшей целью было достичь «макото-но-кокоро», что, грубо говоря, означало «чистота сердца». Они стремились привести свою ки в столь же идеальное равновесие, как у безупречных ками. Считалось, что каннуши или мико, обладая макото-но-кокоро, становились способны беседовать с ками и даже получать от них каплю божественной силы.

Эми на протяжении десяти лет оттачивала чистоту разума, тела и души, чтобы в день солнцестояния достичь безупречного макото-но-кокоро. Теоретически Аматаэрасу постепенно напитывала камигакари своей ки, позволяя привыкнуть к силе ками. А когда Аматаэрасу спустится с небес, Эми будет полностью готова нести в себе тяжкую ношу божественной мощи.

Она вновь перевела взгляд на Катсуо.

– Ты говорил про более мудреные приемы?

– Оружие можно наделить ки без офуда, но такой способ сложнее и требует большого опыта.

– Он лучше?

– Он быстрее.

Эми задумчиво прикусила щеку изнутри. «Быстрее» звучало неплохо.

– Сможешь показать?

– Наверное... – Катсуо скривился. – Показать-то я могу, но на отработку такого навыка уйдут годы, а проверить, как ты его усвоила, можно только при встрече с ёкаем.

– Я хочу узнать, как его применять, – произнесла Эми, поднявшись на ноги. – Книги мне не помогают.

Катсуо проследовал за ней из заброшенного хранилища в действующее, где Эми взяла церемониальный лук и полдюжины стрел, а потом повел к заснеженным деревьям. Спустя несколько минут лес расступился небольшой, почти идеально круглой прогалиной.

– Тут красиво, – отметила Эми, шагая к середине этой поляны.

– Ага, наткнулся на прошлой неделе, когда...

Она вдруг споткнулась обо что-то под снегом. Катсуо мигом схватил ее за руку, помогая удержаться, но затем сразу отдернул ладонь.

– Не переживай так, – сказала Эми прежде, чем он успел извиниться.

– Прости, – робко произнес Катсуо. – Стоило тебя предупредить. Здесь под снегом старый круг из камней.

– Круг?

– Ага, для начертания маругата. Каменные края делают его сильнее. Наверное, когда-то каннуши использовали его для церемоний очищения и прочего. – Катсуо сверкнул улыбкой. – Если хочешь потренироваться, я его расчищу.

– Давай пока ограничимся луком, – сухо отозвалась Эми, выбирая стрелу и накладывая ее на тетиву, а потом выжидающе посмотрела на сохэя.

Он кашлянул.

– Чтобы направить ки, сперва надо успокоиться и сосредоточиться.

Церемонии, молитвы, медитация – спокойствие и сосредоточенность требовались Эми постоянно, даже, наверное, чаще, чем сохэям. Она вполне могла ненадолго усмирить бурю чувств.

– Ки идет изнутри, – продолжил Катсуо. – Из сердца, души, неважно, как назвать, но изнутри. Тебе нужно вложить ки в стрелу, как ты проделываешь это с офуда. Но на оружии нет определяющего заклинания, поэтому надо изо всех сил сосредоточиться на том, чего ты хочешь добиться.

Эми кивнула. Раз она легко справлялась с офуда, то и здесь, наверное, не должно возникнуть особых сложностей.

– Заклинание звучит как «шукусэй-но-тама». Его произносят прямо перед выстрелом, чтобы придать ки форму. Готова попробовать?

Глубоко вздохнув, Эми подняла лук и натянула тетиву к щеке. Руки горели от напряжения, но она, невзирая на это, выбрала сук на дереве в пятнадцати футах и сосредоточилась. Очищение. Эми прищурилась.

– Шукусэй-но-тама! – крикнула она и выпустила стрелу.

Та пролетела по прямой и вонзилась рядом с целью. Неплохо... Но непонятно, напиталась ли стрела ки.

– Я должна что-то почувствовать? – уточнила Эми. – Как-то понять, что ки сработала?

Катсуо пожал плечами.

– Опытные сохэи говорят, что чувствуют свою ки при использовании, но я ничего такого не замечал.

– Хм-м... – Эми вновь натянула лук. – Шукусэй-но-тама!

Вторая стрела вонзилась рядом с первой, чуточку ближе к цели. Эми выстрелила еще четырежды, сосредотачиваясь на том, чтобы наделить свое оружие ки. Затем Катсуо собрал стрелы, и Эми опять пустила их в ход. Правда, в цель она уже не попадала – устали руки.

Выпустив последнюю стрелу, Эми опустила лук.

– Думаю, стоит почаще упражняться.

– Ну, тут как с офуда – не поймешь, пока не опробуешь на ёкае.

– А как тогда сохэи понимают, что делают все правильно?

Кажется, Катсуо был удивлен.

– Мы охотимся.

– О... охотитесь?

– Есть много земель, где обитает предостаточно ёкаев, и если знаешь, где искать, то можешь их найти. – Катсуо нахмурился, увидев ошеломленное лицо Эми. – Очищение их не убивает. Только ослабляет и прогоняет прочь. Да и нечего ёкаям крутиться рядом с людьми. Лучше время от времени вытеснять их подальше, пока не начали вредить.

Эми поджала губы. Ёкаи вроде они и каппа действительно не должны жить рядом с людьми. Но что насчет крошечных, светящихся аякаши? Они ведь безобидны.

Катсуо постучал пальцами по эфесу катаны.

– Интересно, не крутится ли тот кицунэ поблизости.

Эми вскинула голову.

– Что? Почему ты так думаешь?

– Офуда на тории подверглись чьему-то влиянию.

Она сдержала панику, стараясь себя ничем не выдать.

– Влиянию?..

Катсуо выдернул засевшие в коре стрелы.

– Ничего страшного. Значит, рядом ходили ёкаи... как те аякаши, помнишь? – Он улыбнулся. – Если ёкай задумает зло, тории его все равно не пропустят, ну, и мы с Минору дважды в день проверяем границы.

– Думаешь, это был кицунэ? – спросила Эми, когда Катсуо вернулся со стрелами. – Вряд ли у него оскверненная ки, как, например, у горных они.

– Ёкаю не обязательно быть нечистым, чтобы повлиять на офуда. Просто у ками и ёкаев несовместимая ки. Они не уживаются, вот и все.

– Вот как! Звучит логично.

Эми этого не знала. Она-то считала, что ёкаи оскверняли чистую ки ками потому, что являлись... ну, злыми. Правда, ее мнение было предвзятым.

Она поблагодарила Катсуо за урок, а потом осторожно перешагнула скрытую под снегом линию камней и направилась обратно к дому, погрузившись в размышления о различиях ками и ёкаев. Первые рождались на небесах, вторые – на земле; и те и другие были духами и обладали сильной ки, но по своей сути оставались противоположностями. Эми всегда думала, что ками – создания добра, а ёкаи – исчадия зла и тьмы, но теперь...

Открыв дверь спальни, она переложила лук и стрелы в одну руку и стянула хаори с плеча. Запоздалое осознание подсказало, что она забыла по пути вернуть оружие на место.

– Надеюсь, стрелы все-таки не для меня.

Эми выронила лук со стрелами и отскочила, словно испуганный заяц, едва сдержав крик.

У противоположной стены, прислонившись к ней, с наполовину съеденным рисовым шариком в руке стоял Широ. Его одежда была вся в грязи. На когда-то белом косодэ красовалось темно-зеленое пятно. Довершали картину коричневато-красные брызги, подозрительно напоминавшие кровь.

– Ты грязный! – выпалила Эми и поморщилась от досады, что кицунэ заявился в ее чистенькую комнату в таком виде. Закрыв дверь, она сняла хаори и бросила его в сторону шкафа. – Ты что делал? По земле катался?

Широ пожал плечами и снова откусил от рисового шарика.

– Юмэй не дает мне скучать.

Эми посмотрела, как он жует, а потом перевела взгляд на маленький алтарь рядом с ним. Тарелочка, на которой она утром оставила рисовый шарик, была пустой.

– Ты ешь подношение Аматаэрасу?! – охнула Эми, потрясенная такой беспардонностью.

Широ ухмыльнулся и отправил в рот последний кусочек.

– Она-то его есть не собиралась.

Стиснув зубы, Эми подняла лук со стрелами и убрала их в угол.

– Зачем ты постоянно приходишь ко мне в спальню?

– А где еще мне тебя встретить? Стоило заглянуть в хранилище, составить тебе и твоему сохэю компанию?

Эми решила не уточнять, следил ли за ней кицунэ. Не хотела знать ответ.

– Это моя спальня, – подчеркнула она последнее слово. – То, что ты здесь, – неприлично.

Широ скривил губы в ленивой усмешке и окинул Эми взглядом.

– Если ты такое хочешь думать о моих визитах, малышка-мико, то я с радостью воплещу все мысли, что есть в твоей хорошенькой головке.

У Эми вспыхнули щеки, и она вновь стиснула зубы.

– Нашел?

– Очевидно.

– На этот раз честно?

– Да, честно. Говорил же, что вернусь, когда нападу на след. Юмэй обнаружил присутствие ками в храме Изанами, в месте, которое зовется Кигику.

Город Кигику располагался в сорока милях на юго-запад от Кироибары – меньше часа езды. Эми сцепила руки. Сердце заколотилось сильнее, в ушах зашумело. Изанами, еще одна из амацуками, божество земли.

– Значит, она точно там? – уточнила Эми.

– Видишь ли, в чем дело. – Широ безуспешно поскреб пятно грязи на черном рукаве. – Юмэй уверен, что там есть ками, но проверить, Изанами ли это, можно только лично, чего делать он уже не будет. Так что решать тебе.

– Но это должна быть именно она, да? Что другой ками будет делать в ее храме?

– Ровно так мы и подумали. Думаю, это верняк. – Широ отряхнул руки. – Юмэй еще немного порыскает... ну, точнее, я бы сказал, что порыскают его вороны, чтобы убедиться. Он советовал нам отправиться завтра.

– Завтра?

– И я рассказываю тебе сейчас, чтобы ты успела придумать, как нам туда добраться.

– Я? – Эми сощурилась. – А я-то думала, уговор был, что это ты меня отведешь к амацуками, а не наоборот.

– Я мог бы, но тогда придется идти через горы. – Широ ухмыльнулся. – А мы уже видели, как ты переносишь долгие прогулки.

Пешком Эми будет добираться до Кигику целый день, а потом столько же возвращаться в храм. Надо было придумать другой способ.

– Но ты так или иначе пойдешь со мной?

– Таков уговор.

– А Юмэй?

– Вряд ли. Помощь людям плохо сказывается на его настроении.

Эми рассеянно кивнула, принимаясь лихорадочно соображать. Из Кироибары, города на юге храма, ходили поезда и автобусы до Кигику, но тогда нужны деньги. У Эми их никогда не было. Нужды камигакари всегда удовлетворяли храмы. Эми задумалась о том, как поступить. Не воровать же, в самом деле, – это низко.

Она чуть не забыла о Широ и вспомнила о нем, лишь когда он с хрустом зевнул.

– Почему ты весь грязный? – сосредоточилась она на кицунэ, прогнав остальные мысли.

– Я же говорил, Юмэй не дает мне скучать.

– И как он это делает?

– Управление парой-тройкой сотен ворон для поиска амацуками требует большой сосредоточенности, поэтому он отправил меня разбираться с ними. – Широ улыбнулся, сверкнув острыми клыками. – Перевоспитывал их племя, чтобы знали свое место в мире.

Эми окинула взглядом его прискорбный вид.

– Кажется, в процессе они успели и тебе преподать урок-другой.

Широ отмахнулся.

– Просто пару раз они оказались в большинстве, вот и все.

– Когда я была с тобой, они тоже были в большинстве.

– Сильно в большинстве.

– Ясно. А когда ты последний раз ел?

– Только что.

– До этого.

Широ пожал плечами.

– И когда ты в последний раз спал?

Он снова пожал плечами.

Эми не видела его три дня, а он, похоже, за все это время не ел и не спал. Может, у ёкаев и нет смертного тела, о котором нужно тщательно заботиться, однако она не сомневалась, что основные потребности у них все же были.

– Ты что, не умеешь о себе заботиться? – Не дожидаясь ответа, Эми поманила кицунэ к двери. – Пойдем-ка.

Широ удивленно вскинул брови, но оттолкнулся от стены и пересек комнату. Эми открыла дверь и выглянула в коридор. Из-за приезда Ишиды и прочих важных каннуши через пару дней Фуджимото и Нанако лихорадочно вылизывали каждый уголок храма. В доме никого, и еще несколько часов никто не появится. Эми же в это время должна была медитировать, молиться и размышлять о своем плохом поведении – правда, никто не знал, сколько всяких глупостей она действительно натворила.

Эми провела кицунэ по коридору и открыла еще одну дверь – в ванную. Широ заглянул туда поверх ее плеча.

– Смой грязь, только тщательно, а потом полезай в ванну, – скомандовала Эми, указывая на ручной душ на стене. – И давай сюда косодэ. Постираю его со своим кимоно. А вот хакама – увы, у меня нет ничего черного, да и времени на две стирки не хватит.

Широ уставился на нее, впервые потеряв дар речи. Эми бросила на него нетерпеливый взгляд.

– Я могу позаботиться о себе и без твоей помощи, – холодно произнес кицунэ. – Мне все это не нужно.

Эми шумно вздохнула, уже прикидывая, как вывести кровавые пятна с белой ткани.

– Я предлагаю тебе «все это» не из жалости, Широ. Тут и мой интерес есть – не хочу завтра весь день провести с тобой в таком виде.

Когда он не ответил, Эми подняла голову. Жесткое выражение его лица застало ее врасплох. Во взгляде кицунэ сверкала злость – злость и... подозрение? Эми чуть не спросила, что здесь подозрительного, но потом вспомнила его слова о том, что доброте людей нельзя доверять. Широ пытался понять, где подвох – насмехается ли Эми, обманывает, чего-то добивается?..

– Я знаю, что тебе не нужна моя помощь, – тихо сказала она. – Я ведь тоже не хотела, чтобы ты нес меня домой на руках, но позволила, ведь так было проще. И сейчас это тоже проще. Пожалуйста, согласись.

Широ замер на пороге, стиснув зубы и прижав уши, и вглядывался в лицо Эми. Вздохнув, он наконец прошел мимо нее в ванную и принялся стягивать косодэ. Ткань скользнула вниз по спине, открывая воспаленные раны на левой руке и плече и запекшуюся кровь.

– Что случилось? – охнула Эми, потянувшись к нему.

Широ отстранился.

– Просто царапина.

– Она не промыта. Нужно...

– Пустяки.

Ледяной тон заставил Эми застыть. Голос Широ опасно приблизился к тому угрожающему мурлыканью, которое она слышала в ночь их знакомства.

– И ладно! – огрызнулась она, выхватывая из его руки косодэ, а потом попятилась в коридор и с грохотом задвинула дверь.

Заглянув в спальню, Эми собрала белые вещи, включая жутко грязные хаори и кимоно, которые были на ней при встрече с Юмэем. От негодования движения ее стали резче, порывистей. Не стоило ему вести себя так грубо, так жестоко! Эми ведь всего лишь предложила помощь. А он этого не желал, не хотел оставаться в долгу перед человеком. Не верил, что ее доброта совершенно бескорыстна. И вспылил, наверное, потому что чувствовал себя неудобно.

Эми прошла в прачечную, которая располагалась на другом конце дома, и хорошенько обработала все пятна, а потом наконец загрузила вещи в стиральную машину. Как правило, камигакари не занимались такими делами самостоятельно, но Эми научилась, когда год назад пожилая мико одного крошечного храма, где она жила, повредила спину и нуждалась в

помощи. Запустив стирку, Эми стащила из кухни остатки вчерашней еды и с миской тушеной говядины с картофелем – этой пропаже Нанако не обрадуется – и парой палочек вернулась в свою комнату.

К ее удивлению, Широ уже был там. Он сидел у окна, прислонив к стене растрепанную после сушки полотенцем голову. Стоило двери сдвинуться, как он лениво приоткрыл глаза, блеснувшие рубиновым цветом.

Ноги Эми приросли к полу; по телу прокатился странный жар. И если в прошлый раз ее внимание отвлекло раненое плечо, то теперь, наверное, она оторвала бы взгляд от его обнаженного торса, только если бы на дом рухнул метеорит. Она понятия не имела, что мужское тело может выглядеть так... так идеально. Мышцы плеч плавно переходили в изгибы бицепсов. Тень ямочки между ключицами. Широкая грудь, ровные кубики пресса. Темные завязки хакама на бедрах контрастировали со светлой кожей.

Эми с трудом сглотнула и, глубоко вздохнув, перевела взгляд на его лицо. Кицунэ приподнял уголок рта в кривой, лукавой усмешке. Щеки Эми запыхали еще сильнее.

– Я... – пискнула она и снова сглотнула. – Я принесла тебе еды.

Широ мельком глянул на миску в ее руках. Эми заставила себя сдвинуться с места – каждый шаг вперед, казалось, повышал температуру в комнате, – и вытянула руки с миской.

В глазах кицунэ мелькнуло веселье, и он, забирая еду у Эми, мазнул ей пальцами по коже, по которой тут же пробежали горячие мурашки. Она отпрянула и выронила миску, словно та была раскаленной. Миску Широ поймал, но палочки упали ему на колени.

Эми попятилась к двери, пытаясь не сорваться на бег.

– М... мне нужно проверить стирку!

Она нырнула в коридор и, как только закрыла дверь, бросилась от комнаты прочь, тяжело дыша. Да что с ней такое? Ну, хорош он без рубашки, и что? Это не повод для такого смехотворного поведения. Ужасно смехотворного! Скрывшись в прачечной, Эми принялась бродить туда-сюда и тихонько себя отчитывать. Она слишком редко бывала в обществе привлекательных мужчин, поэтому и столь остро отреагировала на частично обнаженного Широ. Ей уже доводилось видеть парней с голым торсом... на обложках журналов... или издалека. А не рядом. Не в собственной спальне. И не того, кто ее касался, нес на руках, спасал ей жизнь.

А еще морочил ей голову и обманывал. Ёкай. Он ёкай.

Когда Эми удостоверилась, что собралась с духом и больше не поставит себя в глупое положение, она вновь подошла к своей комнате. Немного постояла и, опять глубоко вздохнув, открыла дверь.

Широ сидел все там же. Рядом стояла пустая миска, лежали палочки. Он опять прислонился виском к стене, но на этот раз не открыл глаза. Теперь, когда ее мозг работал как положено, Эми отметила, что раны, которые чуть не убили кицунэ во время их первой встречи, превратились в тонкие красноватые отметины и скоро исчезнут совсем, а новые уже начали заживать.

Она нерешительно шагнула в комнату.

– Широ?

Его левое ухо дернулось в ее сторону, но сам он не отреагировал. Эми приблизилась. Он что, решил поиздеваться?

– Широ?

Его глаза остались закрыты. Он спал.

Эми уперлась руками в бока. Стоит ли его разбудить, прогнать? Нельзя же оставить кицунэ спать здесь. Его могут увидеть Фуджимото с Нанако, если вдруг заглянут. Лучше отправить его куда подальше, пусть спит там. Вот только куда? И если он уйдет, то будет ли в самом деле отдыхать или снова пойдет охотиться на горных они по приказу Юмэя?

Косодэ все еще стиралось. Прогнать кичунэ без одежды Эми не могла. Кивнув себе, она прокралась на цыпочках мимо него и села за стол. Да, пусть поспит, пока она не вернет ему чистое косодэ. А ведь его еще надо высушить... На это уйдет еще час. Вот и решено.

Эми взяла книгу из стопки, которую принесла из старого хранилища, и принялась читать историю некой камигакари в надежде найти еще какие-нибудь подсказки насчет точности руководства каннуши. Пальцы вдруг стиснули обложку крепче. Если завтра все пройдет хорошо, искать дальше уже будет не нужно; о том, что ее ждет в день солнцестояния, расскажет Иза-нами. Что, если все это правда? Сумеет ли Эми принять свою судьбу и ждать неминуемой гибели? Или станет молить kami о пощаде? Сможет ли она так поступить? Даже несмотря на то, что сюда ее привела ложь, сможет ли она отвернуться от своего долга и поступиться своей честью?

Не желая об этом думать, Эми оглянулась на Широ, такого спокойного и расслабленного во сне, а потом развернула стул так, чтобы видеть кичунэ было проще. Раз уж выдался удобный случай научиться спокойно реагировать на близость полуобнаженного мужчины, стоило им воспользоваться. Надо привыкнуть, вот и все. А иных причин разглядывать Широ у нее не было.

Повторяя это себе и стараясь не отрывать взгляд от книги чаще, чем через один-два абзаца, она вернулась к чтению.

Глава 14

Эми переминалась с ноги на ногу и очень старалась не выглядеть виноватой.

Она стояла во двореке, посреди небольшой толпы прихожан. По субботам городские жители часто приходили в храм – кто-то помолиться, а кто-то просто прогуляться. Дети играли в догонялки, носясь туда-сюда между взрослыми. На скамейке под священным древом сидела компания подростков; они обсуждали и сравнивали коллекционные карточки.

Эми пыталась не выделяться. Волосы она собрала в плотный пучок так, чтобы их длина не бросалась в глаза, и прикрыла серой вязаной шапочкой. Шел снег, поэтому такой головной убор не привлекал особого внимания, пусть и на самом деле было достаточно тепло, и снежинки таяли на камнях под ногами.

Кимоно и хакама пришлось сменить на немного странный костюм, который состоял из складчатой юбки в клетку и простой белой блузки – эмблему школы Эми аккуратно отпорол от нее ночью, – а также обернутого вокруг шеи и плеч шарфа. Подобрать что-то лучшее она попросту не могла, ведь помимо школьной формы храмы никогда не предоставляли ей современную одежду. Под мышкой Эми несла большую тканевую сумку; лямки больно впивались в плечо, но она старалась не подавать виду.

День убывал, и с каждой минутой Эми нервничала все сильнее. Она заранее отправила Катуо подальше с выдуманным поручением, Фуджимото сидел у себя в кабинете, а вот Нанако, как полагается, встречала посетителей и при необходимости им помогала. Она стояла у тории, кланяясь как проходящим, так и уходящим людям. Эми прикусила губу. Все, что ей было нужно, – это выскользнуть наружу вместе с толпой побольше, и проскочить мимо Нанако. Ну почему никто не идет к выходу?

Эми нервно поправила сумку на плече, мимоходом слегка ее встряхнув. В ней что-то громко звякнуло, а потом из сумки донеслось низкое рычание.

– Тише ты! – шикнула Эми и сразу тревожно огляделась, надеясь, что никто не заметил, как она разговаривает с сумкой.

Эми заглянула внутрь, приоткрыв краешек. Там лежал мешочек с монетками, которые она тайком достала ночью из ящика для пожертвований. Красть у Фуджимото и Нанако ей было бы стыдно, а вот у Аматаэрасу – другое дело. Ками все-таки перед ней в долгу.

А еще из сумки на нее гневно смотрел рубиновыми глазами белый лис, прижавший ушки к голове.

– Сам сказал придумать способ отсюда выбраться, – прошептала Эми, стараясь почти не шевелить губами. – Так что хватит жаловаться.

Широ снова зарычал. Эми как бы между прочим прижала верх сумки локтем, чтобы никто ненароком не увидел, что она держит там лиса. Можно было, конечно, встретиться с ним за пределами храмовых земель, но потом все равно пришлось бы как-то пронести его в поезд, а это самый простой способ.

Эми глянула на тории. Нанако никуда не делась. Нахмурившись в ее сторону, Эми вдруг заметила знакомое лицо и вскинула голову.

– Мияко?

Девочка обернулась, качнув хвостиком на затылке. На ее лице на миг отразилась растерянность, но затем она просияла.

– Эми! Я тебя не сразу узнала. У тебя выходной?

– Я... да, выходной.

– Круто! Идешь в город? Я уже типа помолилась. – Мияко скорчила рожицу. – Не уверена, что правильно. Ладно. Хочешь, прогуляюсь с тобой?

– О! Это было бы замечательно.

Стоило ей это произнести, как к тории наконец направилось большое семейство из нескольких поколений – к которому как раз и принадлежали неугомонные дети. Эми, заозирившись, схватила Мияко за руку и потащила ее за ними следом.

– Пойдем! – сверкнула она улыбкой, надеясь, что вышло не очень натужно.

Шумная толпа едва влезла в тории. Эми склонила голову, почти спрятавшись за Мияко. Они прошли через ворота коротко поклонившись, в то время как Нанако уже приветствовала другую семью. Эми расслабилась, лишь добравшись до низа лестницы.

– Ты уже была в городе? – спросила Мияко.

– Еще нет.

– Я могу тебе его показать! Смотреть там, правда, особо нечего, но все равно погуляем.

Они миновали вторые тории. Эми нервно огляделась. Она опять оказалась за пределами храмовых земель, но впереди шла толпа болтающих людей, поэтому о ёкаях переживать не стоило.

– Очень любезно с твоей стороны, – отозвалась Эми. – Но вообще мне сегодня нужно попасть в Кигику. Ты не могла бы провести меня к вокзалу?

– Кажется, по выходным поезда в Кигику не ходят. – Мияко вытащила телефон, упустив перепуганное выражение лица Эми, и застучала по кнопкам. – Посмотрим... Поездов все-таки нет, но есть автобус. Отправление через полчаса.

– О, автобус! – Эми вздохнула с облегчением. – Он тоже подойдет.

– Я могу провести тебя на станцию... но с одним условием! – Мияко вскинула палец.

Эми удивленно моргнула.

– Каким?

– Я поеду с тобой! – Мияко рассмеялась. – В Кигику мой любимый музыкальный магазин. Я уже несколько недель туда собираюсь, но одна не хочу, а друзья отказываются тратить на такое целый день.

– Ох... Эм... Мне нужно будет встретиться с... с родственниками, так что обратно я сегодня не поеду.

– Хорошо. Я вечером сама сяду на обратный автобус.

– Я... – Эми так и не смогла придумать хороший повод отказать Мияко. Да и, если уж на то пошло, ей было страшно ехать в незнакомый город в одиночку. Ну, вернее, с Широ, но он не в счет. – Звучит отлично.

Мияко просияла и принялась во всех подробностях описывать гитару, на которую копила со дня рождения. Денег все еще не хватало, но ей хотелось еще разок полюбоваться на свою мечту.

Эми кивала, чувствуя, как внутри все сжимается от новой волны страха. Она сбежала из храма, но приблизилась к встрече с Изанами и тому, чтобы выяснить правду раз и навсегда.

В Кироибаре, примостившейся между двух гор, проживало всего около пяти тысяч человек и было две магистрали. Чтобы добраться до автобусной станции, Эми и Мияко пришлось пройти почти через весь городок. Мияко заполняла тишину радостной болтовней, показывала дома знакомых и всякие интересные места. Вдоль мирных улочек тянулись маленькие домишки. Они были довольно ветхими, зато их обитатели тщательно убирали весь снег.

На автобус они сели без приключений, хотя Эми было ужасно стыдно платить за билет большой пригоршней монет. Внутри Мияко прошла к длинному сиденью в самом конце. Несколько минут спустя заворчал двигатель, и автобус поехал. Остальные пассажиры – их оказалось полдюжины – уставились в окна или экраны телефонов.

– Фух, – выдохнула Мияко, расслабленно вытянув ноги в легинсах и ботинках. – Чуть не опоздали.

– Ага. – Эми осторожно опустила сумку рядом с собой и еле сдержалась, чтобы не проверить, как там Широ, а потом откинулась на спинку, пытаясь устроиться поудобнее. – Ну, как там дела с тем парнем... Ясу?

– М-м? А, он пригласил на свидание мою подругу. – Мияко вздохнула. – Плевать! Если ему не интересно, я не буду за ним бегать.

– О, – Эми не знала, что сказать. – Тебе... э-э... тебе и не нужен этот парень.

Так ведь обычно говорят?

Из сумки донеслось тихое фырканье, почти неслышное за шумом автобуса.

– Это точно. – Мияко села прямо. – Хотя я и правда думала, что нравлюсь ему. Знаешь, типа когда парень постоянно смотрит тебе в глаза, когда что-то говорит, даже не такое уж серьезное, а ерунду?

– Гм.

Знала ли Эми? Кажется, Катсуо иногда все-таки так делал. Значит... значит, она ему нравилась? А она-то считала его внимание лишь стремлением выполнять долг сохэя и присутствием ему добротой.

– Вот Ясу постоянно так делал. А я, наверное, слишком много значения этому придавала. – Мияко смахнула волосы с лица. – Давай не будем о парнях. Как тебе первая неделя здесь?

– Прекрасно, – солгала Эми. – Горы красивые и...

Водитель ударил по тормозам. Все пассажиры дернулись вперед. От неожиданности Эми не успела поймать сумку, и Широ, испуганно взвизгнув, вывалился на пол. Эми застыла.

Мияко охнула. Пока водитель извинялся за резкую остановку, несколько пассажиров обернулись на странный звук и изумленно расширили глаза. Эми поморщилась и неуверенно потянулась за Широ.

– Божечки-и! – Мияко засияла. – Это же самая миленькая собаченька в мире!

Эми опять оцепенела. Собака? Вроде бы он все еще оставался лисом с рубиновыми глазами.

– О, какая милашка! Она не злая? – Мияко вскочила с места и, схватив Широ, прижала его к груди. – Ох, кто тут милашечка? Ты такая милашечка, да-да-да!

Она плюхнулась обратно на сиденье, крепко стискивая лиса. Широ зыркнул на Эми, прижав уши. Та ответила беспомощным взглядом.

– Как ее зовут? – спросила Мияко, поглаживая Широ по голове. – Она така-а-ая милая!

– Э-э, вообще он мальчик...

– О, малыш песик? Ну, тогда как его зовут?

– Широ, – слабо отозвалась Эми. – Он... э-э... немного застенчивый. Может, я лучше?..

Потянувшись за Широ, она боялась, что Мияко его не отпустит, однако та шутливо надула губки и разжала руки.

– Какой он породы? – поинтересовался мужчина средних лет, обернувшись. Автобус вновь набрал скорость, оставляя город позади. – Никогда таких собак не видел.

– Он... он помесь. Я не знаю точно. – Эми подняла сумку.

– О, не нужно его прятать, – улыбнулся пассажир. – Водитель не против. Ты же не против, Такахаша? – крикнул он на весь автобус.

– С животными нельзя! – громко отозвался водитель. – Но если он будет вести себя хорошо...

– Э-э... – замялась Эми. – Спасибо...

Широ вырвался из ее рук и прыгнул на сиденье рядом. Прижавшись к ней боком, он то нервно крутил ушами, то недовольно прижимал их к голове. Каждые пару мгновений он с негодованием поглядывал на Эми.

Мияко и пассажир средних лет принялись обсуждать любимые породы собак, а Эми откинулась на спинку, пытаясь расслабиться. По крайней мере никто не понял, что Широ ёкай – или даже лис. Для нее ками и ёкаи куда реальнее, чем популярные телешоу, о которых все вокруг говорили, но для обычного человека ками были всего лишь именами в названиях храмов, в которых они порой молились, а ёкаи – мифами и легендами давних времен.

Пейзаж за окнами сменился с полей на лесистые горы. Эми покусывала нижнюю губу; тревога нарастала. На этот раз ее побег из храма точно заметят. Она оставила в комнате записку, где объяснила, что должна сделать кое-что очень важное и вернется как можно скорее, однако Фуджимото с Нанако – не говоря уже о Катсуо с Минору – все равно придут в ярость. А ведь завтра с проверкой придет Ишида...

Мияко вытянула руки над головой и зевнула.

– Что-то слишком много болтала о своей любви к гитарам. А ты? Чем развлекаешься в свободное от работы мико время?

У Эми оборвалось сердце.

– Я... ничего такого не делаю.

Мияко растерянно моргнула.

– У тебя нет хобби? Совсем?

– Храмы занимали все мое время с самого детства, – произнесла Эми, осторожно подбирая слова. Широ сидел рядом и, явно заскучав, глядел на мелькающие за окном горы, но заинтересованно повернул одно ухо.

– Но у тебя же есть выходные, как сегодня, – возразила Мияко. – Должна же ты что-то еще делать!

– Обычно я только...

Эми умолкла, вспыхнув от смущения. В прошлом отказ от всего, что отвлекало от призвания и роли камигакари, был предметом ее гордости. Теперь она казалась себе невежественной и ограниченной.

Мияко поправила сумку на плече.

– Я не знала, что быть мико так...

– Не всегда, – признала Эми. – Просто моя семья тесно связана с храмами, поэтому меня воспитали по-другому.

То, что она сказала, не было откровенной ложью, однако Эми несомненно опускала часть правды, чтобы скрыть от Широ некоторые опасные факты.

– Ну, вот тебе и шанс расширить горизонты, – улыбнулась Мияко. – Что тебе интересно?

– Не знаю.

Мияко задумчиво сморщила лоб.

– Как тебе нравится проводить время? В доме или на улице? Пошуметь или быть в тишине? Устроить приключение или расслабиться?

– Я... я не уверена. – Эми могла бы сказать, что предпочитает расслабляться дома в тишине – но только потому, что не знала иного. – Наверное, гулять мне нравится больше.

Широ тихонько фыркнул, явно не соглашаясь.

– Тогда у тебя куча вариантов! – Услышав хоть какое-то мнение, Мияко явно обрадовалась. – В Кириобаре есть красивые парки с дорожками для пешеходов и велосипедистов, и я знаю пару ребят из походной группы. Один мой друг любит наблюдать за птицами, а еще несколько ездят верхом. О, и на рыбалку ходят. Ты когда-нибудь пробовала? Мне скучновато, а вот брату нравится.

– Звучит замечательно, – пробормотала Эми, силясь не измениться в лице.

Парки, походы, велосипед... она ведь даже не умела на нем кататься. Ни разу не пробовала рыбачить. Всех этих элементарных вещей в ее жизни никогда не было. Ее грудь пронзила

боль. Как она могла так долго мириться с тем, сколько упускает, будучи камигакари? Сколько простых радостей так и не познает. Ей ведь даже нельзя свободно гулять вне храмовых земель.

Отвернувшись от Мияко, Эми натянула край юбки на колени. Все эти вопросы не только заставили ее думать об упущенном, но и, что было еще важнее, открыли ей глаза на противоречие внутри нее самой. Эми печалилась, что окружающие видят в ней не личность, а только камигакари, но не понимала, что и сама поступала точно так же. Она так глубоко, так всецело вжилась в роль, что теперь осознала нечто ужасное: она не знает, кто она на самом деле.

Она прекрасно знала Эми-камигакари, но Эми-девушка была для нее совершенно чужой. Что ей нравилось? Чем хотелось заниматься? Чем интересовалась, что любила? Что ее беспокоило?

Она понятия не имела. Все, что она смогла сообразить, – это «гулять». Ничтожно. Может, Эми особо ничего и не потеряет, когда ее тело займет Аматаэрасу; она отринула себя давным-давно.

Они вышли из автобуса в центре Кигику, среди высоких офисных зданий и широких тротуаров. Кигику, хоть и был меньше, напоминал ей Шион – город, где она провела первые семь лет в роли камигакари. В городах бурлила жизнь – и Эми с удивлением поняла, что ей этого не хватало. Мимо с шумом проносились машины, на фоне ярких вывесок и витрин куда-то спешили люди.

Мияко уверенно шагала вперед. После потока восхищений и воркования, а также нескольких встревоженных замечаний, что собаку все-таки следует вести на поводке, Эми усадила недовольного Широ обратно в сумку. От разнообразия прохожих разбегались глаза – мужчины в строгих костюмах и женщины в узких юбках и на цокающих каблуках; ученики в одинаковой форме, но порой с самыми разнообразными прическами и цветом волос; мамы с маленькими детьми, спешащие по делам. Эми гадала, чем все они живут, что их тревожит, что радует. Каков мир без ками, ёкаев и камигакари?

Музыкальный магазин пристроился между кафе и обувным. Мияко протащила Эми по всем рядам инструментов, а потом наконец привела к усыпанной гитарами стене и указала на изящную электрогитару с серебристыми деталями и красным корпусом, темнеющим почти до черного к краям.

– Разве она не прекрасна? – восхитилась Мияко. – Если тетя заплатит мне за покраску комнаты в следующем месяце, а мама вместо подарка на Рождество даст мне денег, то я наконец-то смогу ее купить уже в январе, на смену своей модели для начинающих.

Эми разглядывала инструмент, восхищаясь текстурой дерева под слоем насыщенной алой краски.

– Она замечательная.

– Это ты еще не слышала, как она звучит! Она обалденная! Обертон просто... ах, невероятные. Куда лучше, чем у моей нынешней. То есть, для начинающих и она классная, но...

Пока Мияко воодушевленно сравнивала два инструмента, Эми с трудом удерживала на лице улыбку. Ей никогда не услышать, как звучит новая гитара Мияко, потому что к январю Эми не станет, а в ее теле будет жить ками. Будет ли Аматаэрасу слушать ее ушами красивую музыку? Будет ли пробовать вкусную еду, ощущать нежное прикосновение утреннего солнца на человеческой коже? Будет ли Аматаэрасу ценить мелочи, которые Эми потеряет, или те, что камигакари так и не попробует? Или будет слишком занята долгом амацуками, чтобы думать о глупостях, важных для смертных?

Когда Мияко предложила поужинать в кафе по соседству, Эми ужасно покраснела и призналась, что у нее не хватит денег. Тем не менее в итоге они все равно как-то очутились за столиком: Мияко настояла, что угостит ее, и потащила внутрь. Возражения о том, что деньги стоит приберечь для покупки гитары, она пропустила мимо ушей, и Эми в конце концов сдалась.

Она изо всех сил старалась сохранять бодрый вид, чтобы Мияко не сочла ее неблагодарной. Эми не ела в ресторане с самого детства, как ее отметила Аматаэрасу. Она долго разглядывала меню, так как сперва думала о чем-то подходящем для диеты камигакари, но затем выбрала гамбургер в западном стиле. Если разок нарушить правила питания, ничего страшного не случится – в этом Эми была вполне уверена, – так почему бы не попробовать, не узнать, как это на вкус?

Когда заказ принесли, Эми первым делом внимательно его рассмотрела и понюхала. Держать еду в руках было очень непривычно, и когда Эми попыталась изящно откусить, Мияко расхохоталась. Она доела первой и с радостью принялась болтать, заполняя тишину. Несколько оставшихся на тарелке кусочков получил и Широ, которому не очень-то тайком сунули их под стол.

Долг и честь требовали, чтобы Эми исполнила свое предназначение камигакари, невзирая на свои утраты, несмотря на ложь и обман. Но сейчас, медленно пережевывая каждый крохотный кусочек, наслаждаясь каждым новым оттенком вкуса, она как никогда надеялась, что, какую бы правду ей ни открыла Изанами, невероятный груз потери на ее душе станет легче.

Темнота укутала Кигику час назад. Эми шла по тротуару, рядом трусил Широ в облике лиса. Расположенный в долине город избежал снегопада, как в Кироибаре и храме Шираюри, и улицы были усыпаны осенней листвой. Через равные промежутки горели мягким светом фонари.

Эми с тревогой задумалась, в правильную ли сторону они с Широ идут. Спросить после ужина у Мияко она не решилась – слишком побоялась, что та увяжется следом, – но случайные прохожие указывали именно сюда.

– Разве мы не должны уже прийти? – пробормотала она.

Широ дернул ушами, но шаг не замедлил. Эми была так напряжена, что была готова кричать. Несмотря на бесчисленные молитвы к Аматаэрасу, она еще никогда не разговаривала с ками. И никогда не видела их во плоти.

– Кар!

Эми подняла голову. Из темноты вылетела ворона и, сев на ближайший фонарь, кивнула. Эми нахмурилась. Юмэй за ними следил? Она ускорила шаг, чтобы оставить птицу позади, но та пролетела еще квартал и принялась ждать.

Напротив нового насеста вороны выселись четыре огромных красных тории, отмечая начало храмовых земель. От них по заросшему деревьями холму поднималось несметное количество ступеней, озаренных каменными светильниками на резных столбиках.

Рядом мелькнула вспышка. Широ изменил облик и размял плечи, словно у него затекли мышцы.

– Ты что делаешь? – прошипела Эми. – Тебя могут увидеть!

– Люди видят лишь то, что хотят, – отмахнулся он. – Поэтому в автобусе они увидели пса, а не лиса. А ты видишь меня таким, какой я есть, потому что твоим глазам открыт мир духов.

– Но...

Эми обеспокоенно огляделась, однако вокруг не было ни души. Впрочем, задерживаться на виду все равно не стоило. Она шагнула к первым тории и низко поклонилась. Ее ног коснулось, покалывая кожу, тепло некой силы. Эми с тревогой опустила взгляд, не зная, нормально ли это. Может, в храмах, где присутствовали ками, все было иначе.

Волна силы угасла, но следом поднялась новая – уже внутри самой Эми. Горячая энергия запульсировала в груди, зазвенела, словно набатный колокол, забила в висках предупреждением. Эми прижала ладонь ко лбу, чувствуя, как зашло сердце. Внезапная вспышка страха... принадлежала не ей. Она была сродни тому странному предупреждению Аматаэрасу, которое

Эми ощутила во время молитвы в первый вечер в храме Шираюри. Неужели kami опять пытается ей что-то сообщить?

Или запугать, заставить развернуться и уйти? Может, Амата́расу не хочет, чтобы ее kami-гакари узнала правду? Эми с мрачным видом пошла вверх по лестнице. Широ, бесшумно ступая, отправился следом.

– Как люди выносят эту вонь? – проворчал он.

Оглянувшись, Эми увидела, что кицунэ морщит нос и озирается.

– Какую вонь?

– Выхлопные газы, химия, мусор. Я чую их даже среди деревьев. Людские города изгажены.

Эми вскинула бровь и продолжила подниматься.

– Не думала, что ёкаям нравятся города.

– Зачастую не нравятся. Встречаются не такие уж плохие парки, из тех, что побольше. Туда часто навешиваются те, кто предпочитает легкую добычу. – Широ усмехнулся, но не потому, что ему было весело, а чтобы показать острые клыки. – Люди нечасто забираются в глушь, так что голодные ёкаи сами к ним приходят.

Эми сдержала отвращение, не желая доставить ему удовольствие лицезреть ее реакцию.

– И часто ты ешь людей?

– Человеческую плоть поглощают лишь низшие из нашего рода, – опередил Широ с ответом тихий, лишенный эмоций голос из темноты.

Эми застыла как вкопанная и огляделась. На лестницу, несколькими ступеньками выше, шагнул Юмэй; его черные косодэ и хакама сливались с ночными красками.

– Те, кто обладает собственной силой, – продолжил он, – не нуждаются в человеческой плоти, дабы укреплять свою ки с помощью их энергии.

– Так вот почему ёкаи едят людей? – спросила Эми, сдерживая порыв отодвинуться от Тэнгу подальше. От одного его вида у нее заныли подживающие раны на шее. – Вы поглощаете их ки?

– Нам не обязательно есть людей, – отозвался сзади Широ. – Но ради такой чистой ки, как у тебя, любой бы сделал исключение.

– Почему ты здесь? – спросила у Юмэя Эми, не обращая внимание на кицунэ. – Я думала, ты не явишься.

– Он следит, чтобы я не удрал, прежде чем верну ему долг. – Широ прошел к Юмэю и мельком бросил блеснувший алым взгляд на Эми. – После того как ты снимешь онэнджу, конечно.

Как подозревала сама Эми, Юмэй явился, как раз чтобы убедиться, что она разберется с онэнджу, как и обещала. Выходит, Широ знал, что Тэнгу будет поблизости. Еще одна ложь, но указывать на нее не было смысла: если повезет, уже через час Эми навсегда распрощается с обоими ёкаями.

– Я сниму онэнджу, как только выйду после встречи с Изанами, – сказала она Широ. – Так, может, перейдем к делу?

Ёкаи бок о бок двинулись вверх по ступеням. Эми зашагала следом и, глядя, как уши кицунэ подергиваются на каждый звук, вдруг поняла, что Широ наверняка напряжен не меньше, чем она сама. Когда он избавится от онэнджу, к нему вернется сила и все станет иначе. Может, стоит попросить у Изанами защиты? Вряд ли Широ сразу на нее нападет, но Эми не могла быть всецело в этом уверена. Она не забыла, что он обманывал ее, что он позволил Юмэю ее ранить. И одновременно не могла представить, что ёкай, который нес ее домой на руках, который дал покормить себя и заснул у нее в спальне, убьет ее за то, что она честно выполнит уговор.

В конце лестницы стояли еще одни огромные тории. Широ и Юмэй замерли перед ними и подвинулись, пропуская Эми между собой. За тории виднелся храм – внушительная группа соединенных между собой построек с красивыми изогнутыми крышами. Он был не столь впечатляющим, как храм Аматаэрасу в Шионе, однако уступал все же не сильно.

Эми прошла мимо ёкаев и низко поклонилась перед воротами. А затем, глубоко вздохнув, миновала их. Ее ноги вновь окутала покалывающая кожу сила, из метки камигакари вырвалась вспышка страха. Эми не обратила на это внимания и обернулась.

Широ и Юмэй стояли за тории, наблюдая за ней алыми и серебристыми глазами.

– Ждите здесь. – Эми стянула шапку с шарфом и бросила их кицунэ. – Вернусь, как только поговорю с Изанами.

– Вернешься? – донеслось тихое, угрожающее мурлыканье.

– Да. – Она выдержала испытующий взгляд. – Я выполню свою часть уговора, Широ.

Он всмотрелся в нее еще на мгновение, а потом кивнул. Эми шагнула к храму.

– Эми?

Она вновь взглянула на кицунэ, удивленная странной ноткой в его голосе. Широ перевел взгляд на молитвенный зал.

– Будь осторожна. Ками куда более искусны по части обмана, нежели ёкаи.

Эми моргнула.

– Хорошо. Спасибо.

Нервно облизнув губы, она еще раз посмотрела на Широ и Юмэя, а потом пересекла храмовый двор. Остановившись у фонтанчика, взяла гладкий бамбуковый черпак и выполнила ритуал омовения. Чем ближе становился зал, тем быстрее иссякала ее уверенность. Фонари под загнутой крышей озаряли пустой двор. Миновав огромные статуи кома-ину, Эми поднялась по истоптанным тысячами ног ступеням и, наконец, предстала перед деревянной табличкой с изображением Изанами – красивой женщины с длинными черными волосами – и гор позади нее. Изанами была амацуками земли.

Эми прошла мимо ящика для пожертвований и колоколов, у которых прихожане молились, – за ними, словно часовые, возвышались массивные двери. Она оглянулась, почти ожидая, что сейчас ее кто-нибудь остановит. Приоткрыв одну створку, с опаской заглянула в темноту. И беспрепятственно вошла.

Пустой, просторный зал был окутан мраком. Эми оставила дверь приоткрытой, чтобы впустить хоть немного света, и робко вошла. Обувь застучала по деревянному полу. Изанами здесь. Эми не нужен был Юмэй, чтобы это подтвердить; все здесь лучилось божественной силой ками: земля и деревья, стены и пол.

Дальний конец зала по-прежнему скрывался во тьме, но стоило Эми приблизиться, как свет из открытой двери как будто вытянулся вперед, и она постепенно различила возвышение. А за ним – искусно вырезанный алтарь во всю стену. Посреди него располагалось большое овальное зеркало – шинтай, с помощью которого Изанами направляла свою силу храму, когда не была тут лично.

Оторвав взгляд от зеркала, Эми вдруг обратила внимание на то, чего еще мгновение назад не заметила, – на возвышении перед алтарем сидела окутанная тенью неподвижная фигура.

– Кто проник в храм Изанами, амацуками земли?

Властный голос раздался слева. Эми застыла на месте. Тени расступились, и она увидела у алтаря человека. Напротив него стоял еще один, тоже в темном облачении каннуши. Фигура на возвышении безмолвно наблюдала, почти невидимая.

Эми опустила на колени и низко склонила голову в поклоне.

– Прошу простить мое вторжение, – начала она, и дрожащий голос разнесся эхом по огромному залу. – Я пришла молить о встрече с Изанами.

– Кто ты такая, – гаркнул человек у алтаря, – чтобы требовать подобного?!

– Я... я Кимура Эми, мико Аматаэрасу. Я пришла...

– Как смеет мико Аматаэрасу ступить в святая святых Изанами?

Эми вздрогнула, не поднимая головы от пола.

– Ты не имеешь права здесь быть, – сурово продолжил каннуши. – Ты...

Он умолк. Эми медленно подняла голову. Фигура на возвышении прервала каннуши, вскинув ладонь.

– Подойди, Кимура Эми, – раздался шепот.

Она поднялась и шагнула вперед. Свет снова сдвинулся, тени рассеялись. Эми застыла.

Облаченный в церемониальное кимоно человек, который сидел на подушке, скрестив ноги, и наблюдал за ней темными, понимающими глазами, не мог быть Изанами. Ведь она женщина, а он – нет.

Глава 15

– Вы... не Изанами.

На имени амацуками голос дрогнул; разочарование охватило Эми с такой силой, что у нее чуть не подогнулись колени.

– Я Коянэ, – произнес мужчина. В каждом его слове дрожала сила, отдаваясь трепетом в теле Эми. – Я слуга госпожи Изанами и выполняю ее обязанности, когда она отсутствует.

– Вы ками?

– Да, – ответил он с мягкой улыбкой.

Лицо Коянэ было гладким, возраст его не коснулся. Длинные черные волосы, стянутые высоко на затылке в хвост, ниспадали на спину. Полы многослойного одеяния – кимоно, хакама, длинного хаори – оттенков бордового и коричневого растекались по возвышению. Эми уставилась на него, медленно осозная, что смотрит на человеческое тело, которое занял ками. Если в руководстве каннуши говорились правда, то мужчины, которого она видела перед собой, уже не существовало.

– Подойди, дитя, и поведай мне, что же привело тебя из храма Аматаэрасу сюда.

Эми осторожно шагнула к возвышению и опустилась на колени перед ступенькой, чинно сложив руки. Теперь она жалела, что не прихватила одеяние мико; современные вещи казались ей в таком месте совершенно неуместными. Мельком взглянув на Коянэ, Эми тут же опустила голову. Смотреть в глаза ками считалось неприличным.

– Я пришла поговорить с Изанами, – медленно произнесла она.

Хотела ли она узнать у этого ками правду? Предательская мысль не оставляла ее с тех самых пор, как она заключила уговор с Широ: если амацуками подтвердит, что в день солнцестояния Эми погибнет, стоит ли ей умолять о спасении? Она еще не решила, желает ли просить о подобном. Ведь тогда неизбежно станет ясно, что она не такая благородная, какой желала быть, что она слишком эгоистична, чтобы пожертвовать жизнью. А пока еще оставалась надежда, что она не настолько ничтожна.

– Скажи, что тебя тревожит, дитя, – пробормотал Коянэ с ноткой нетерпения в голосе, но когда Эми подняла голову, он вновь мягко улыбнулся.

– Я... – Она взглянула на двух каннуши, безмолвно за ней наблюдавших.

– Это мои слуги, – произнес Коянэ, верно истолковав ее смущение. – Они лишь исполняют мою волю.

Каннуши тоже были ками?.. Если да, то наверняка слабыми, ведь Эми не чувствовала от них никакой силы. Коянэ же излучал ки, словно огонь – жар. Его присутствие затмевало собой все, как солнце, совершенно непохожее на присутствие ни одного из ёкаев. Скорее на тепло, которое иногда пронизывало Эми во время молитвы.

Ее вновь охватила тревога, идущая откуда-то из глубины. В голове в такт пульсу забилося предупреждение Аматаэрасу, но Эми не обращала на него внимания.

– Я камигакари Аматаэрасу, – произнесла она. – И я пришла к Изанами в поисках правды о камигакари.

Воцарилась давящая тишина. Ки Коянэ окутала Эми бурлящей волной и вновь успокоилась. Незримое присутствие Аматаэрасу тоже исчезло, словно амацуками ждала, что же скажет Коянэ.

– Правды? – переспросил он, едва ли не с опаской.

Эми крепко зажмурилась. Ее голос дрожал от чувств, которые она с трудом сдерживала.

– Я посвятила Аматаэрасу всю жизнь еще до того, как стала камигакари. Я отказалась от всего – от семьи, друзей, свободы, независимости, – чтобы быть лучшей для Аматаэрасу, ведь думала, что мы разделим на двоих мое тело и ее величие. – Она открыла глаза и посмотрела на

Коянэ. – Недавно я узнала, что, когда амацуками спускается с небес, разум и душа камигакари умирают. Мне нужно убедиться, так ли это. Это правда?

Во взгляде Коянэ не было удивления. Сердце Эми сжалось в груди, будто скованной льдом.

– Досадно, что слуги Аматаэрасу предпочли тебя обмануть, дитя, – сочувственно произнес ками. – Мне жаль, очень жаль это говорить, но ты узнала правду.

Груз отчаяния заставил Эми склонить голову; она сдержала слезы.

– Прискорбная необходимость, – глухо продолжил Коянэ. – Если бы мы только могли избавить наши сосуды от подобной участи, то несомненно бы их пощадили. Жертва камигакари велика, и не знать, за что платишь такую цену... ты наверняка чувствуешь, что тебя предали, дитя.

Эми безмолвно кивнула, стараясь собраться с духом. Коянэ подтвердил ее худший страх, и теперь она не знала, что делать. Все эти дни ей помогала сохранить рассудок лишь хрупкая надежда, что книга ошибалась. А что теперь? Смириться? Молить о спасении?

– До солнцестояния всего несколько недель, – задумчиво произнес ками. – Это прискорбно.

Он поднялся на ноги. Длинное хаори скользнуло по полу. Коянэ сошел с возвышения и жестом попросил Эми встать. Она растерянно подчинилась. Колени дрожали.

– Дай мне увидеть метку, дитя.

С растущим смятением она расстегнула верхние пуговицы блузки. На коже чернела метка. Эми чуть не зарделась, когда Коянэ опустил взгляд на ее грудь, и вздрогнула, когда он к ней потянулся – однако он всего лишь подцепил пальцем шнурок с омамори и поднял шелковый мешочек повыше.

– Омамори, чтобы скрыть ки? Разумеется! Умно. Прости, дитя, из-за него я не смог сразу ощутить присутствие Аматаэрасу. – Продолжая держать шнурок на указательном пальце, большим он вытер со щеки Эми слезинку. Она даже не заметила, что плачет. – Ты необычайно страдала, верно, дитя? Преодолеть такой путь из Шиона, не теряя надежды, что Изанами поведает тебе иную правду.

– Путь был не так долог, – проямлила Эми и застегнула пару пуговиц, хоть Коянэ и не отпустил омамори. – Я живу в храме Шираюри в Кириобаре.

Ками кивнул, медленно и задумчиво.

– Маленький храм, где тебя и не подумали бы искать, – пробормотал он. – Слуги Аматаэрасу набрались ума. – Он отпустил талисман – тот упал Эми на грудь – и мягко обхватил пальцами ее подбородок. – А вот предусмотрительности в них ни капли, раз они позволили такому драгоценному сокровищу выскользнуть из-под защиты храма.

Тревога, на этот раз ее собственная, прокатилась по телу Эми, словно порыв зимнего ветра.

– Столько страданий, как прискорбно. – Коянэ вздохнул и слегка наклонил голову к плечу. – Ты была такой смелой, дитя. Желаешь стать свободной от судьбы камигакари?

Эми застыла. Свободной? Она ведь даже не собиралась об этом просить. Вопрос раздирал ей горло когтями, но Эми упорно его сглатывала. Если она откажется от долга, в ее жизни останутся лишь трусость и эгоизм!

Однако Коянэ предложил ей это сам, и стремление выжить, остаться на земле вспыхнуло с новой силой.

– Я вижу в твоих глазах, – заявил он. – Ты жаждешь стать свободной. Кимура Эми, я исполню твою просьбу, ведь ты слишком храбра и благородна, чтобы ее высказать.

По щекам заструились слезы, но Эми не знала, что их породило – облегчение или страх.

– Я... я не...

Коянэ ласково улыбнулся и крепче сжал ее подбородок. Под его пальцами вспыхнул свет, и Эми обожгло потоком силы. Рот раскрылся в беззвучном крике, все мышцы онемели, не давая шевельнуться.

– Ты так мила, камигакари, – спокойно проговорил Коянэ. – Столь искренняя и невинная.

– Что... – охнула она, с хрипом вырывая слова из непослушного горла. – Что... что вы...

– Что я делаю? – Ками погладил пальцами ее щеку. – Исполняю твоё желание, милое дитя. Освобождаю тебя от столь близкой участи.

Он склонился ближе – настолько, что Эми ощутила на коже его дыхание.

– Метка связана с твоей ки, и дабы исполнить твоё желание, я уничтожу твою ки. Ты станешь свободна от всех тягот.

Кровь застыла как лед. Ки – это жизненная энергия, и если уничтожить ки... Коянэ говорил об убийстве! Он собирался освободить ее, убив!

– Н-нет! Я не хочу!..

Он стиснул ее челюсть, заставляя поднять голову. Его черные глаза заблестели в предвкушении.

По телу прошла волна тепла, собираясь в груди. Метка раскалилась добела. По венам, словно ток, прокатилась энергия – и вырвалась наружу голубой молнией.

Коянэ отлетел прочь, и Эми наконец смогла пошевелиться. Ее ладони поднялись сами по себе, в них вновь вскипела сила – и ударила по Коянэ. Он вскинулся, успев создать мерцающий барьер.

– Ты ее не спасешь, Аматаэрасу! – проревел ками, поднимаясь на ноги.

Пальцы Эми задвигались, рисуя в воздухе странные узоры. В зал вдруг ворвался порыв ветра, завывая, разрушая все вокруг нее. Коянэ пошатнулся и рухнул на колени, а обоих каннуши отбросило в стену. Эми, все еще подвластная чужой воле, ринулась к дверям.

Откуда-то хлынул белый свет, ослепляющий после полумрака, и ей преградил путь сверкающий барьер. Эми затормозила и рывком развернулась. Коянэ стоял на коленях у начерченного на полу круга, прежде невидимого в темноте.

Коянэ усмехнулся.

– Давно не виделись, Аматаэрасу.

Руки Эми вновь поднялись. Божественная ки обжигала ее, пылая в крови бушующим пламенем. Коянэ хлопнул ладонями еще по одной линии на полу.

Зажегся второй круг, полных незнакомых узоров и символов. Маругата! В Эми хлынула его сила, и она закричала от мучительной боли. Тело выгнулось, ноги оторвались от пола. Этот маругата был предназначен для ками.

Коянэ встал, на его губах вновь играла сдержанная улыбка. Линии ярко светились, чары крепко связали Эми как снаружи, так и внутри. Коянэ же небрежно шагнул в круг, совершенно невредимый.

– Аматаэрасу, – вздохнул он. – Сколь тщетны твои попытки уже сотню лет. А позволить своей камигакари пойти на верную смерть за считанные недели до твоего нисхождения? Ты всегда была самой слабой и глупой из амацуками. Даже удивительно, что тебе удалось направить против меня достаточно силы руками этой жалкой девочки.

Эми стиснула зубы. Жаркое присутствие Аматаэрасу угасло, его выжег круг-маругата.

– Впрочем, ты оказала мне огромную услугу, – забормотал ками, а на его лице отразилось жадное предвкушение. – Ты так щедро наполнила этот сосуд своей ки... я чувствую, как она бежит в ее венах.

Он опять стиснул подбородок Эми пальцами и поднял ее лицо так, что она увидела его черные глаза.

– Я же чувствую ее вкус, – прошептал он и, впившись пальцами ей в щеки, накрыл рот Эми своим.

На миг она испугалась, что Коянэ ее целует. А потом он вдохнул.

Легкие опустели. Боль пронзила все нутро, словно ками отрывал ее душу от плоти. Он вытягивал ее дыхание и ки, выпивал жизнь из тела.

Эми терзала агония. Она ничего не могла сделать, ее дух и жизненная сила угасали с каждой секундой. Она не могла пошевелиться, вдохнуть, закричать. По телу растекалась слабость. Руки и ноги немели. Боль достигла пика, и перед глазами все заволгло тьмой, приглушившей свечение маругата.

А затем все вдруг взорвалось оранжевым пламенем.

Коянэ выпустил Эми из рук, и чары, что удерживали ее без движения, разрушились. Боль пропала, сменившись невероятной тяжестью, и Эми рухнула вниз. Кто-то подхватил ее раньше, чем она ударилась о пол, и прижал к теплой груди.

– Ёкай? – ощерился Коянэ и через мгновение с издевкой захохотал. – Кицунэ! Ты пришел сюда умереть, дурак!

Эми обмякла в руках Широ. Что-то по-прежнему давило на нее страшным весом. Что это? И почему тогда Широ не тяжело?.. Разум отказывался соображать. Ах, это ее собственное тело... Такое тяжелое... Она не могла пошевелиться. Руки и ноги совсем онемели. В легкие почти не проходил воздух.

Широ выпрямился. Голова Эми дернулась, а глаза остались распахнуты только потому, что не хватало сил их закрыть. Все было как в тумане, Эми не могла даже сфокусировать взгляд.

– Какая ирония! Ёкай вынужден спасать мико от ками, – заметил Широ. – Что ж ты за низменный дух такой, а?

– Столь жалкие существа не способны вызвать мой гнев, изрыгай они хоть какие глупые оскорбления. – Коянэ вскинул руку. – Умри, гнусный зверь.

Из его ладони вырвалась молния. Широ отскочил, и мир вокруг Эми безумно завертелся. Ловко приземлившись, кицунэ со своей безвольно обмякшей ношей прыгнул к двери.

– Убить его! – рявкнул Коянэ своим слугам. – Девчонку оставьте мне.

Ками-каннуши ринулись к Широ, а Коянэ шагнул вперед, вновь поднимая руки.

Воздух зашипел, наполнившись ки ёкая, в зале сгустился мрак. Тени вокруг ожили, затрепетали в углах, словно языки черного пламени на сильном ветру. Ками замешкались.

Над головой Широ пролетела огромная черная фигура. На Коянэ с оглушительным криком бросился исполинский ворон. Ками успел поймать его лапы, остановив острые когти у самой груди. Из его ладоней вырвался белый свет, из лап ворона – черный огонь, и две силы схлестнулись яростной вспышкой.

Широ взмыл в воздух – пол, где он только что стоял, пошел трещинами. Ближайший ками-каннуши обнажил клинок, сияющий белым.

Юмэй вновь хрипло каркнул. Из трепещущей тьмы хлынули призрачные вороны, каждый с тремя горящими красным глазами. Стая окружила каннуши, бесплотные птицы впились в них когтями, раздирая руки и лица.

Кицунэ бросился к дверям. Вылетев во двор, он помчался прочь. Замелькали деревья. Его руки казались Эми стальными оковами. Она жалела, что ей не хватает сил попросить его ослабить хватку. Было так сложно дышать...

Эми утратила ощущение времени. Она не знала, прошла минута или же целый час, когда Широ наконец остановился, хватая ртом воздух. Кицунэ уложил ее на землю; под тяжелым, неподвижным телом зашуршала опавшая листва. Над Эми склонилось лицо Широ, его контуры расплывались.

– Эми? Ты меня слышишь?

Иступленная нотка в его голосе?..

– Эми, ответь.

Он коснулся ее щеки. Его ладонь казалась огненной на ее холодной коже.

Засвистел ветер, перед глазами Эми пронеслись тени, и рядом из них соткался Юмэй. Он склонился над ней с другой стороны.

– Он украл ее ки! – гневное рычание Широ заставило бы Эми вздрогнуть, если бы у нее были силы. – Зачем он это сделал?!

– Потому что ками жаждут власти. – Юмэй прижал пальцы к шее Эми, прощупывая пульс. – Он забрал слишком много. Ее жизнь угасает.

В ней затрепетало сожаление. А, значит, она умирает? Ки не хватает, чтобы поддерживать в теле жизнь. Почему Коянэ так поступил? Какая глупая смерть! Стоило дожидаться солнцестояния. Недавно Широ беспечно упомянул, что ёкаи пожирают людей ради их ки. Эми не представляла, что кому-то из ками вообще придет в голову красть ки, не говоря уже о том, чтобы вытянуть ее из живого человека так, словно это невероятно вкусно.

– Она не может умереть! – прорычал Широ.

– Мы найдем другой способ разрушить проклятие онэнджу.

Миг тишины.

– Я искал годами. Она моя единственная надежда.

– Если желаешь сохранить ей жизнь, – сухо отозвался Юмэй, – то возмести ее ки своей. Решай же. Ками близко.

В груди поселилась боль. В ушах неровно стучал пульс. Глаза закрылись. Время снова исчезло.

– Ты мог бы... – начал Широ.

– Не буду. Делай сам или оставь ее умирать.

Широ зло зашипел.

– Я никогда не передавал ки человеку. Сколько...

– Каплю. Перестарался – и твоя ки ёкая уничтожит остатки ее собственной. Смертные способны выдержать куда меньше, чем ты думаешь. – Напряженная пауза. – Они еще ближе.

– Задержишь их?

Юмэй заворчал. Тихонько зашуршала листва под ногами, и быстрые шаги стихли. А потом Широ скользнул рукой под плечи Эми, укладывая ее себе на колени. Теплая ладонь поддержала ее голову.

– Я не дам тебе умереть, – прошептал Широ совсем рядом. – Прости.

Он повернул ее лицо к себе, согрел мягким выдохом ее ледяные губы. И осторожно прижался к ним своими, нежно и текуче, совсем не так, как тот ками. Он не отнимал жизнь. Он ее вдыхал в тело Эми.

Вслед за его дыханием хлынули тепло и сила. Стало жарко – слишком жарко. По телу пронеслась обжигающая ки. Эми выгнулась от боли, охнула в губы Широ. Он удержал ее на месте и снова вдохнул в нее ки. Вторая волна не так опаляла. Жар разошелся по телу, согрел онемевшие руки и ноги. Тяжесть постепенно исчезла, давление на грудь ослабло.

Ее снова наполнила жизнь, а тень смерти, подобравшейся так близко, рассеялась.

Губы Широ были теплыми, мягкими. Эми не знала, как все случилось, в какой момент, ведь он уже не передавал ей силу, а порождал в ней жар иного рода, который растопил все внутри и заставил сердце бешено забиться.

Прикосновение было нежным. Мысли исчезли, кровь стремительно бежала по венам, где-то внутри вспыхнуло желание. Эми затерялась в этих новых, чудесных чувствах, способная лишь оставаться в руках Широ, пока он ее целовал. Рука сама собой дотронулась до его волос, и Эми осторожно, боясь, что он остановится, запустила пальцы в пряди и притянула его ближе – совсем чуть-чуть.

Он прижался к ее губам крепче, поцелуй стал более глубоким, требовательным, даже голодным. Тело затрепетало от жаркого желания, и Эми охнула, стискивая волосы Широ сильнее.

Он отпрянул и вскинул голову. Эми растерянно моргнула.

Из теней выступил Юмэй. Дюжина ворон, хлопая крыльями, пронеслась мимо него куда-то прочь.

– Я их задержал, – коротко сообщил Тэнгу, – но они не отступятся. Низшие ками слабы, но их предводителя так просто не одолеть, слишком силен. Нужно уходить в безопасное место.

Широ подхватил Эми на руки.

– Куда?

– За мной.

Юмэй скрылся среди деревьев так же стремительно, как и его вороны. Широ бросился следом, перемежая бег прыжками. Эми цеплялась за его шею. Путаница ее мыслей вскоре сменилась лишь бессловесным гулом. Вспышка адреналина после возвращения к жизни угасла, оставив после себя болезненную слабость. Голова безвольно покачивалась от каждого пружинистого шага кицунэ, и Эми уткнулась лицом в его плечо.

Изможденная. Обессиленная. Неспособная даже удержать глаза открытыми.

Лес вокруг померк. Широ все бежал.

Глава 16

Сквозь туман сна донеслись неразборчивые голоса.

– ...точно не Изанами, – говорил Широ. – Хотя он был силен.

– Наверняка слуга Изанами, – ответил Юмэй так же тихо, едва слышным шепотом. – Волю амацуками исполняют множество подчиненных. Оные, пусть их и совсем немного, есть даже у куницуками, но они предпочитают от подобного воздерживаться.

– Кем бы он ни был, – прорычал Широ, – зачем ему убивать мико другой амацуками?

– Возможно, девчонка нарушила какие-то правила, – без особого интереса ответил Юмэй. – Или ее таинственное желание встретить амацуками его оскорбило.

– Но убивать за такое?

– Возможно, он возжелал завладеть ее чистой ки. Я ощутил, что ему самому не хватает равновесия.

– Красть у простой мико – трата сил, – не согласился Широ. – Для такого ками ее ки – сущая капля в целом колодце.

Эми пыталась стряхнуть сон, чувствуя, что ее утягивает обратно в океан усталости.

– Тебе не любопытно? – помолчав мгновение, спросил Широ. – Ками, который убивает мико?

– Ками отнюдь не чужды жадность и амбиции. Мне интереснее, что мико у него просила. Широ что-то проворчал.

Постепенно приходя в себя, Эми поняла, что лежит на чем-то теплом. До нее дошло, что это Широ, лишь когда он пошевелился. Она устроила голову у него на ноге, как на подушке, и обнимала за колени.

– Мико проснулась, – заметил Юмэй.

Она заставила себя приоткрыть глаза. Тэнгу сидел неподалеку, скрестив ноги.

Они были в маленькой пыльной комнате, почти пустой – за исключением алтаря у стены с камнем в качестве шинтая. Эми приподнялась на руках. Щеки пылали. Не способная поднять взгляд на Широ, она отодвинулась и обмякла у стены. Она спала практически у него на коленях. А прежде... Эми устыдилась этой мысли и уперла взгляд в пол.

– Где мы? – прошептала она.

– Храм Инари на окраине города, – ответил Широ. – Вряд ли ками станут искать нас здесь, а вороны Юмэя за ними приглядывают.

Эми вскинула голову, охваченная внезапной тревогой. Храм куницуками – не самое подходящее место для камигакари.

– Тут безопасно? Я же... я же мико Аматаэрасу, а Инари...

– Здесь нет сил куницуками, – нетерпеливо перебил ее Юмэй. – Присутствие Инари давным-давно угасло, и это место защищают лишь жалкие офуда каннуши-человека. Однако ками сюда обычно не заглядывают.

– О, – слабо отозвалась Эми, прислонившись затылком к стене, и прижала запястье ко лбу. – Мне нехорошо.

– Ками выпил почти всю твою ки, – произнес Широ почти сочувственно. – А дать тебе больше было слишком рискованно.

Воспоминание заставило Эми снова вспыхнуть.

– Как скоро я восстановлюсь?

– Не знаю. Через несколько дней? – Широ с надеждой глянул на Юмэя, однако тот пожал плечами.

Эми сдержала стон и закрыла глаза. Мышцы казались слабыми и дрожали, каждый дюйм тела болел, как при высокой температуре. Целых несколько дней?..

И все же она была благодарна Широ за осторожность. Ки ками и ёкаев была несовместима, и он не знал, что Эми месяцами, даже годами пропитывалась божественной силой. Если бы Коянэ не вытянул из нее всю ки Амаэрасу... Эми не хотела бы знать, что тогда сделала бы с ней ки Широ.

В утомленные мысли просочилось удивление. Теперь в ее теле текла ки ёкая. Как странно, что жизнь в ней поддерживала жизненная сила Широ!

Несмотря на попытки об этом не думать, в памяти раз за разом вспыхивал момент передачи этой силы. То, как прикосновение его губ из необходимого стало интимным. Как он целовал ее, и нежность переходила в голод. Желание, которое он в ней пробудил. Ощущения, каких она никогда не знала. Нужду, что до сих пор ныла где-то внутри.

Эми отогнала воспоминания, не желая размышлять о логичных вопросах, которые неизбежно за ними следовали: что означал этот поцелуй, что он чувствовал к ней, что она чувствовала к нему? Все это не имело значения. Стоило злиться, что Широ воспользовался ее беспомощностью и украл поцелуй. А украл ли? Вдруг Эми все-таки могла его остановить? Она ведь даже не попыталась.

Наверное, она действительно немного злилась, что ее первый поцелуй случился не с кем иным, как с ёкаем. А впрочем, это, скорее всего, ее единственный поцелуй и других больше не будет. Под сердцем шевельнулось отчаяние, но Эми быстро подавила это чувство. Не здесь, не сейчас.

– Почему ками хотел тебя убить? – отвлек ее от мыслей Широ.

Эми открыла глаза.

– Не знаю. Сказал, что я, похоже, страдаю и он «освободит меня от тягот», что, видимо, означало «убьет».

– Удивлен, что слуга Изанами способен на такую подлость, – задумчиво произнес кицунэ. – А я-то думал, у амацуками вкус получше.

– Надо было уйти, – пробормотала Эми, – как только я поняла, что он не Изанами. Он за мной вернется?

– Такой, как он, вряд ли продолжит охоту, – ответил Широ. – Скорее всего, посчитает, что ты умерла, а мы удрали есть твоё тело.

– Есть... мое?..

Он пожал плечами.

– Ками всегда о нас наихудшего мнения.

– Ох!

– Если бы ты умерла, – безучастно проговорил Юмэй. – Я бы отдал тебя своим воронам.

Эми потрясенно уставилась на него, а потом покачала головой и привалилась спиной к стене, слишком изможденная, чтобы думать, как на такое реагировать.

– Ну, раз в храм Изанами путь нам теперь заказан, придется искать заново. – Широ окинул Юмэя взглядом. – Что думаешь? Есть следы других амацуками?

– Можно отыскать, – снисходительно произнес Тэнгу. – К солнцестоянию здесь соберутся все амацуками. А после вновь разбредутся кто куда.

– С-солнцестояние? – пролепетала Эми, удерживая панику в узде. Они знают про церемонию?!

– Они из года в год являются на этот... ритуал, – пояснил Широ. – И защищают камигакари, если происходит нисхождение.

Эми кивнула, стараясь ничем себя не выдать. Юмэй и Широ, казалось, до сих пор не заподозрили в ней камигакари Амаэрасу. Да и с чего бы? Насколько им известно – и как предполагал Коянэ, – камигакари неизменно живет при главном храме и единственный день, когда она становится открыта всем опасностям внешнего мира – это церемония. Искать камигакари в крошечном захудалом храме посреди глуши никто бы не догадался.

- Ты мико, – сухо произнес Юмэй. – Разве ты об этом не знаешь?
- Я... да, слышала. Просто не ожидала, что ёкаи так осведомлены...
- Куницуками тоже собираются на солнцестояние.
- Эми резко втянула воздух.
- Да?
- Собирались, – уточнил Широ.

Она отчаянно хотела спросить, зачем им это делать. Наверняка – чтобы убить камигакари, иначе зачем им появляться ради церемонии амацуками? Однако если слишком долго обсуждать солнцестояние, можно ненароком дать ёкаям слишком много подсказок.

– Куда все-таки пропали куницуками? – поспешно спросила Эми у Юмэя, чтобы сменить тему. – Ты не отправлял ворон на их поиски?

Тэнгу перевел на нее серебристый взгляд.

– Отправлял, но тщетно.

– Сложно найти сильного ёкая, если он того не желает. – Широ прислонился затылком к стене и закрыл глаза. – Мы не знаем ни где куницуками, ни как они выглядят, ни как их искать. Они точно умеют скрывать или прятать свою ки.

– Вы не знаете, как они выглядят? – скептически поинтересовалась Эми. – Неужели никто их не видел?

– Я встречал их всех множество раз, – произнес Юмэй, – но не помню лиц.

– Ты... ты не помнишь?

Как можно позабыть лица тех, перед кем держишь ответ?

– Чем больше сила твоего духа, – проговорил Широ, не открывая глаз, – тем больше ты становишься... иным. Куницуками настолько тесно связаны с миром духов, что разум тех, кто слабее, не способен их постигнуть. Поэтому их сложно запомнить.

Он взглянул на Эми одним рубиновым глазом.

– Вспомни, как люди не увидели, кто я на самом деле. Они способны воспринимать лишь то, что им понятно, а остальное додумал их разум. Многие вскоре забудут, что они вообще меня встретили. Ты забудешь лицо Юмэя через пару недель, если снова его не повстречаешь. В моем случае тебе понадобится подольше, ведь я слабее и ты провела со мной больше времени. Но и меня ты в конце концов забудешь.

Забудь его? Эти рубиновые глаза и раздражающую лукавую усмешку? Вряд ли.

– Я знал всех куницуками, – произнес Юмэй. – Сарутахико – высокий и крепкий. Он говорит осторожно, наделяя мыслью и весом каждое слово. Его воля непоколебима как сталь, но он всегда честен и благороден.

– Ты помнишь все это, но не его лицо? – Эми смотрела то на одного ёкая, то на другого. – А что насчет Инари?

– Ничего, – ответил Юмэй. – Уже перевалило за сотню лет с тех пор, как я лицезрел куницуками огня.

Сотня лет? Широ упоминал десятки, и Эми даже не думала, что он имел в виду столько. Неудивительно, что Широ не мог отыскать и следа Инари.

Кицунэ подавил зевок.

– Лицо того ками ты тоже забудешь.

– Но он же не ёкай, – возразила Эми. – У него человеческое лицо его сосуда.

Юмэй склонил голову к плечу, разминая шею.

– Когда ками занимает сосуд, его ки сливается с людской плотью, постепенно превращая смертное тело в нечто ему подобное. Камигакари со временем даже принимают облик ками.

Этого Эми тоже не знала.

– И вас не тревожит, что куницуками пропали? – спросила она, чтобы опять отвести разговор подальше от своих тайн. – Или вы тоже радуетесь свободе, как горные они?

Широ вздохнул.

– Ты рассуждаешь как ками, малышка-мико. Я же говорил тебе, что куницуками не правят нами, как амацуками.

– Ты так говоришь, будто ёкаи лучше ками.

– Не лучше, но мы хотя бы честно признаем, кто мы такие.

– Разве? – Эми всмотрелась в глаза Широ, стараясь увидеть в них правду, которую он так тщательно скрывал. – Тогда кто ты? Почему связан проклятьем такой силы, что снять его может лишь куницуками? Кто же тебя связал?

Широ уставился в ответ, не мигая. А потом лениво усмехнулся.

– Какая ты настойчивая, малышка-мико. Неужто желаешь узнать меня столь близко?

Щеки вспыхнули. Эми опустила взгляд и сжала кулаки. Зачем он ее поцеловал? Чтобы снова обмануть?

– Отсутствие куницуками все же пагубно, пусть и неочевидным образом, – пробормотал Юмэй, и на этот раз в его тихом голосе прозвучало не раздражение, а нотка беспокойства. Серебристые глаза смотрели вдаль, словно видели сквозь стены храма. – Их сила тает, и от этого страдают все. Леса истощаются без живительного присутствия Узумэ. Гибнут горы. Бушуют пожары. Дожди не приходят вовремя, а снег выпадает раньше срока. Мы слабеем, и ками проникают на наши земли. В воздухе висит страх. Где они? Почему бросили нас? – Юмэй пришел в себя и поднялся на ноги. – Ночь на исходе. Я верну тебя в храм Аматаэрасу.

Эми проследила, как Юмэй покинул храм, и по ее коже пробежали мурашки. *В воздухе висит страх*. Исчезновение куницуками настолько губительно? Не только для ёкаев, но и для всего мира? Ками и ёкаи уравнивают друг друга, и мир не может существовать как без одних, так и без вторых. Неважно, как сильно Эми любила солнце, бесконечный день разрушителен, равно как и бесконечная ночь. Ками знали о происходящем? Было ли им до этого дело? Власть, амбиции – не так это и важно, наверняка амацуками понимали, что миру нужны и их противоположности.

Усталость сковывала Эми тяжелыми цепями.

Она шагала рядом с Широ по длинной дороге. Юмэй в облике ворона оставил их в миле от храма Шираюри и улетел. Когда Эми пожаловалась, что можно было и поближе, Широ объяснил, что Тэнгу способен перемещаться в пространстве лишь с точностью до пары миль. А когда Эми поинтересовалась, почему он не отнес их дальше просто в когтях или на шее, Широ ухмыльнулся и в свою очередь спросил, в самом ли деле она считает, что Юмэй захочет их туда-сюда таскать, как пернатый мул.

Спустя пятнадцать минут пути небо начало светлеть, став из черного темно-синим. Через час уже рассветет. Тревога Эми росла с каждым шагом. Ее отсутствие совершенно точно заметили. Фуджимото и Нанако будут в ярости, но это меркло по сравнению с тем, как при мысли о реакции Катсуо ее пронзала невыносимая вина. Может, стоило его предупредить? Тогда он или отправился бы с ней – или попытался ее остановить. А она не хотела рисковать, поэтому ей не подходило ни то, ни другое.

И по возвращении она взглянет в глаза последствиям, как уже взглянула в глаза правде. Теперь она уже не могла изворачиваться и цепляться за хрупкую надежду, что в руководство каннуши закралась ошибка.

Теперь она знала всю истину. Пусть Коянэ и попытался ее убить, он не лгал, ему было незначительно. Единственной ложью было то, что Эми слышала всю жизнь. Интересно, как удивила бы правда Юмэя и Широ...

В день солнцестояния ее жизнь оборвется. Сбежать, изменить будущее не удастся. Осталось лишь его принять. Отчаяние нахлынуло волной, стремясь погрузить ее в бездну горя и страха, но Эми сопротивлялась. Она смирится с судьбой. Она должна.

Эми мельком глянула на Широ. Он шел рядом, погруженный в свои мысли. Надо сказать ему, что он уже выполнил свою часть уговора. Хватит рисковать жизнью или еще глубже уходить в долги перед Юмэем, чтобы устраивать новую встречу с амацуками. Эми получила желаемое и теперь должна выполнить свое обещание. Наверное, стоило упомянуть об этом раньше, но при Юмэе не хотелось. Уговор начался между ней и Широ, пусть так и закончится.

Ее взгляд скользнул к его губам. По телу медленно растекся жар, щеки вспыхнули. Он ее поцеловал. Зачем? Эми хотелось верить, что ничего это не значит. Широ увидел возможность и воспользовался ею, потому что так ёкаи обычно и поступают. Вот и все... так ведь?

– Широ?

Он взглянул на нее. В темноте сверкнули рубиновые глаза.

– Эм... Спасибо. За... за то, что ты меня спас.

Кицунэ приподнял уголок рта.

– Осторожней со словами, малышка-мико. Благодарность подразумевает, что ты передо мной в долгу.

– Но... я и правда перед тобой в долгу. Ты не должен был так... поступать.

– Ты нужна мне живой, иначе как выполнишь свою часть уговора? – Он встряхнул запястьем. Бусины должны были застучать друг о друга, но остались странно неподвижны. – Не признавай долг, если этого можно избежать.

Она знала – знала же, – что он спас ее из-за онэнджу, но тогда почему его слова пронзили ее такой острой болью? Может, дело было в том, как он шептал, что не даст ей умереть. Может, в мягком касании его рук, тепле его ки, нежности его губ. А может, Эми просто глупая, наивная девчонка, которая почему-то решила, что небезразлична ему.

Широ, казалось, не заметил ее напряжения. Он смотрел на дорогу, шаги его стали шире, так что Эми пришлось его догонять – хоть измученные мышцы и были против такой нагрузки. Эми шла рядом с кицунэ, истязая сердце холодной логикой. Он ёкай. Она для него лишь способ избавиться от проклятия, равно как он для нее лишь способ узнать правду о судьбе. Стоит уже наконец ему сказать, что он отплатил свой долг.

– Зачем? – выпалила она вместо этого.

– Что зачем?

– Зачем тогда ты признал долг передо мной, когда я спасла тебя от они? Зачем, если можно было его избежать?

Широ нахмурился.

– Это было другое дело. А сегодня я спас тебя потому, что ты нужна мне живой. Ты же моим спасением ничего не добивалась.

Эми сощурилась. Так он порочный и бессердечный ёкай или нет? Почему она никак не может его разгадать?

– Ты до странного наивная, малышка-мико, – пробормотал кицунэ, бросив взгляд на предрассветное небо. – То ты считаешь нас насквозь злыми, извращенными созданиями, то вдруг видишь нас куда добрее и бескорыстнее, чем мы можем быть. Я тебя не понимаю.

Она стиснула кулаки.

– Может, я не хочу все время думать о худшем.

– Лучше тебе об этом все-таки думать.

– Не ты ли умолял меня тебе поверить, клялся жизнью?

– Я никогда не говорил, что твое недоверие неразумно.

Эми сбилась с шага, но затем поспешила догнать Широ.

– И что ты тогда говоришь сейчас? Что ты плохой, но не слишком? Что мне не стоит тебе доверять, но ты все равно хочешь, чтобы я тебе верила? Я тебя тоже не понимаю.

– Как думаешь, кто большее зло? – последнее слово Широ произнес с насмешкой. – Ками или ёкай?

– Ёкаи.

– Даже после встречи со слугой Изанами?

– Он исключение.

– Разве? Откуда тебе знать? Есть с кем из ками сравнить?

Эми стиснула зубы и промолчала.

Широ глянул на нее.

– Человека предал друг, и он этого друга убил. Другой человек возжелал жену своего друга, а его самого убил. Кто из них больший злодей?

– Они оба убийцы.

– Ты совсем не видишь разницы?

– Я... ну... – Эми нахмурилась. – Наверное, человек, который убивает из жадности, хуже того, кто убивает из мести, но ненамного. К чему это ты?

– Для ёкая ни один из них не злодей. – Широ рассеянно пробежал пальцами по витку онэнджу. – Предатель заслуживает смерти. Тот, кого предали, защищает свою честь, он не совершает греха.

– А что насчет того, кто возжелал чужую жену?

– Муж не смог защитить то, что ему принадлежит. Значит, он слаб. Сильный побеждает слабого. Это естественный процесс. Смерть естественна и ожидаема. Если ты недостаточно силен, чтобы выжить, ты либо просишь у кого-либо защиты, либо погибаешь. – Широ вновь бросил на Эми взгляд. – И потому кицунэ обратились к Инари, стали слугами куницукими, дабы выжить, ведь мы слабы, но не глупы.

– Значит, для ёкаев убийство – это не преступление, – Эми не сумела скрыть неодобрение.

Широ махнул рукой в сторону гор.

– Лиса убивает кролика, чтобы его съесть. Она совершает преступление?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что... потому что лисе нужно питаться. Охотиться за кроликами в их природе.

– И в чем тогда разница между лисами с кроликами и ёкаями с людьми?

– Люди не кролики!

– А кролики не олени. Обвинишь волка в том, что он убивает оленей?

– Люди отличаются от животных.

– Чем?

– Мы... у нас есть жизнь, семья...

– Как и у оленей, и у кроликов.

– У нас лучше развито сознание. – Эми недовольно уставилась на Широ. – Мы не животные, так что не надо нас сравнивать с ними.

Широ пожал плечами.

– Многие ёкаи не видят особой разницы. Юмэй не видит совсем никакой, учитывая, что он говорит со зверями так же просто, как с нами. Для него люди – лишь еще один вид животных.

Эми сжимала и разжимала кулаки. Она злилась, но сама не могла объяснить почему.

– И значит, для тебя убить меня – все равно что убить кролика? Испытаешь столько же вины?

– Вовсе нет.

– Потому что я нужна тебе, чтобы избавиться от онэнджу?

Широ застыл; его рубиновый взгляд вновь взметнулся к гаснущим звездам.

– Потому что ты для меня теперь нечто большее. Потому что ты хранишь секреты, как ками, и мне интересно узнать, что ты скрываешь. Потому что ты одинока и напугана, и я не

понимаю почему. Потому что ты доверяешь мне, хоть и знаешь, что не должна. Потому что я верю, когда ты говоришь, что сдержишь свое слово.

Эми устала на него, чувствуя, как в горле встает ком из незнакомых ей чувств. В ушах застучал пульс.

– Широ...

Он пронзил ее взглядом, и в алых глубинах его глаз не было ни капли тепла.

– Я не смогу убить тебя без вины, малышка-мико, но не заблуждайся... дашь мне повод – убью.

По венам прокатился лед – и взорвался осколками боли. Эми ринулась по дороге вперед, одна. В голове звенели слова Широ. «Дашь мне повод – убью». А ведь она уж было подумала... нет. В его нечеловеческой душе нет доброты. Он и в самом деле прикончил бы ее, если бы придумал подходящую для этого причину. Может, Эми ему действительно интересна – вот только как зверь в зоопарке, а не человек. Она для него лишь любопытное животное.

Почему она так пыталась убедить себя, что ему не все равно? Единственным его добрым поступком было предупредить о том, какие ёкаи на самом деле – какой он на самом деле.

Эми свернула с дороги на тропинку к храму. Под ногами зашуршала влажная листва. Мельком оглянувшись, Эми увидела, что Широ идет за ней поодаль, но даже не смотрит в ее сторону. Ему плевать, что он ее расстроил. Может, он даже сделал это намеренно.

«Я не дам тебе умереть. Прости».

Почему он так сказал? Почему поцеловал?

Почему для нее это так важно?

Эми помотала головой, чуть не растрепав собранные в пучок волосы. Решено: она скажет ему, что он выполнил свою часть уговора, когда появится настроение. Пусть еще пару дней помучается с поисками другого амацуками, пока Эми не придет в себя. Так ему и надо.

Она миновала первые тории, быстро поклонившись. Удушающая усталость норвила погасить гнев, но Эми ей этого не позволяла. Если она перестанет злиться, то ощутит боль предательства – опять. А ей уже надоело, что он ее постоянно ранит.

– Эми!

Она упрямо продолжила шагать по ступенькам, не обращая внимания на встревоженный голос Широ. Что бы он ни хотел сказать, она не собиралась его слушать. Преодолев лестницу, Эми вновь поклонилась и ступила под вторые тории. Перед ней раскинулся храмовый дворик с усыпанными белым снегом крышами построек. Единственным источником света были тусклые фонари у главного святилища. Все было неподвижно – даже тени.

– Эми!!! – заорал Широ.

Она невольно замерла и оглянулась.

Широ взлетел по ступеням и врезался в Эми. Схватив ее, он тут же отскочил назад, а в воздухе вдруг вспыхнул странный мерцающий свет. Яркая радуга преградила им путь, и невидимая сила ударом отбросила их обратно.

Эми ударилась о камни – боль пронзила колени, – а Широ чуть не придавил ее сверху. Она вскинула голову, чтобы понять, кто же на них напал, – но никого не увидела. Только слабо мерцающий прямоугольный барьер, замкнувший собой весь дворик от тории до самого святилища.

– Что это? – охнула Эми.

Широ слез с нее и сел.

– Барьер.

– Это я вижу!

– Кто-то хочет нас здесь удержать. А кто – узнаем очень скоро, я уверен.

Эми переводила взгляд с недовольного лица кицунэ на барьер и обратно, гадая, куда же делась его тревога.

– Мы в ловушке?

– Ну что, выйдешь? – крикнул Широ в пустоту двора. – Или сколько нам тут ждать, вечность?

Через миг раздался голос:

– Какие мы нетерпеливые, а, кицунэ?

Тени у самого святилища шевельнулись, и из них выплыла женщина в темно-синем кимоно, полы которого струились по камням. Ее волосы невозможно голубого цвета были собраны сложными завитками, а часть длинных прядей ниспадала на спину. Женщина изящно взмахнула веером и поднесла его к лицу, верхнюю половину которого скрывала белая маска со странными отметинами.

Женщина мило улыбнулась.

– А ты красив, кицунэ. Мы, кажется, не знакомы.

– Верно подмечено, – отозвался Широ, поднимаясь на ноги и распуская одну из длинных завязок на поясе.

– Я – Амэонна, хозяйка дождя. А мой питомец – Сунэкосури. – Она затрепетала веером так, словно среди ночной прохлады ей стало слишком жарко. – Мне не сказали твое имя, кицунэ.

Эми растерянно окинула взглядом двор, но увидела лишь женщину. О каком питомце она говорит?.. Эми посмотрела на Широ. Он качнул головой в сторону крыши над подмостками – на краю, сгорбившись, словно горгулья, сидела тень. Сердце Эми забилось быстрее, в груди всколыхнулась тревога.

– А я ничем особенным не выделяюсь, – небрежно ответил Широ. – Чем обязаны такому визиту, хозяйка дождя?

– Ах, кицунэ, разве не ясно? – Амэонна вновь улыбнулась. – Я здесь, дабы убить тебя и мико.

Глава 17

– Убить нас? – охнула Эми.

Амэонна качнула веером.

– Я, видите ли, в долгу у некоего ками, иначе бы не утруждала себя выполнением столь скучного поручения, как убийство людей. – Она направила веер на Широ. – Впрочем, ты, кицунэ, меня весьма позабавил. Стань моим питомцем, и я тебя пощажу.

Эми наконец сообразила, что происходит. Женщина с голубыми волосами была ёкаем, и она поймала их с Широ в ловушку. Но как ёкай с такими намерениями прошел через тории? Почему священные земли ее не отторгают?

– Ками? – выпалила Эми. – Ты пришла нас убить потому, что так тебе сказал ками?

– Он довольно неприятен, – пожаловалась Амэонна. Взгляд ее терялся в прорезях маски. – Я рада избавиться от долга перед ним. Так что, кицунэ? Согласен на мое щедрое предложение?

– Боюсь, я не очень-то послушный. Плохой из меня выйдет питомец.

Женщина-ёкай усмехнулась, сверкнув зубами.

– Я научу тебя послушанию!

– Заманчиво, но откажусь.

Амэонна вздохнула.

– Как жаль. Ну что... Сунэкосури? Ко мне!

Тень на крыше выпрямилась, и на камни рядом с Амэонной легко приземлился мужчина, облаченный в простое черное одеяние и белую маску, скрывающую почти все лицо. На его голове торчали бурые собачьи уши. Он повернулся к Амэонне, ожидая приказа, и взмахнул хвостом.

– Кто он? – шепнула Эми.

– Инугами, – проворчал Широ; говорить о собачьей версии кицунэ ему явно не нравилось. – Будет больно.

– Больно?

– Ты видела много лис, одолевших псов? А та женщина еще сильнее.

Сердце заколотилось о ребра.

– Хочешь сказать, что ты их не победишь?

Широ мрачно улыбнулся, не сводя глаз с шагнувшего ближе инугами.

– Я хочу сказать, что у меня нет выбора.

– Кицунэ, – пропела женщина. – Спрошу в последний раз – подчинишься мне?

Вместо ответа Широ закрыл спиной Эми, и на его повернутых вверх ладонях затрепетал лисий огонь, превращаясь в изогнутые клинки.

– Быть по сему, – произнесла Амэонна. – Сунэ, милый, убей его.

Инугами сверкнул звериными клыками и, двинувшись к Широ, обнажил катану. Лезвие засияло, пропитанное ки. Клинки Широ замерцали языками пламени в ответ.

Сунэкосури бросился в атаку. Лезвия мелькнули в воздухе и со звоном столкнулись. Вспышка света отбросила Широ назад. Он приземлился на ноги и проехал по камням. Инугами вновь ринулся к нему, и кицунэ остановил его катану своими короткими клинками. Эми на миг задумалась, почему же Широ использует оба одновременно, но не защищается одним и не наносит удар другим, как делали сохэи в Шионе.

А затем инугами надавил на катану, и кицунэ прогнулся под его напором. Вражеский клинок опасно приблизился к лицу. Красные глаза блеснули во тьме, и кицунэ выскользнул из-под катаны, оттолкнув ее в сторону.

Сердце Эми бешено колотилось, в горле встал ком. Другой ёкай слишком силен. Но ведь Широ по-прежнему ловок и быстр, верно?..

Кицунэ кружился, взмахивая мечами. Инугами раз за разом бросался на него. Смертоносная сталь свистела в воздухе, звенела от ударов, ярко вспыхивая. Ёкаи двигались так быстро, что Эми едва понимала, что происходит.

Амэонна радостно вскрикнула и хлопнула в ладоши, зажав между ними сложенный веер. Ее губы растянулись в довольной улыбке. Эми едва дышала – ее сковал ужас. Ёкаи вновь схлестнулись. А потом Сунэкосури подцепил клинки Широ, широко взмахнул катаной, отталкивая кицунэ вбок, и ударил локтем ему в грудь. Широ рухнул на спину, однако сразу откатился и вскочил, уходя от катаны.

Широ проиграет. Погибнет. Эми должна была как-то ему помочь.

Она сунула ладони в карманы юбки и вытащила офуда – оковы, барьер и очищение. Инугами слишком быстр, по нему не попасть. Да и у нее почти не осталось ки – уж точно недостаточно, чтобы задействовать оковы. Как же быть? Эми стиснула кулаки, сминая талисманы, и в отчаянии оглядела пустой двор. Обрамляющий его барьер слабо мерцал. Эми могла бы попытаться его пробить, но сомневалась, что им с Широ удастся сбежать от Сунэкосури и его хозяйки.

Взгляд Эми упал на священное дерево – ровно у границы, – и толстую плетеную веревку вокруг его ствола, украшенную бумажными лентами. Шимэнава, инструмент для очищения! Их использовали для защиты священных мест и предметов. Другая шимэнава, еще толще, висела у святилища.

Амэонна, поглощенная зрелищем боя, вдруг взвизгнула от восторга. Эми, бросившаяся к дереву, оглянулась как раз в тот миг, когда кончик катаны задел грудь Широ и прочертил ее порезом до плеча. На покрытые тонким снегом камни брызнула кровь, но кицунэ не дрогнул.

Заставляя себя не отвлекаться, Эми вскочила на скамейку под деревом и схватилась за узел веревки. Он оказался так крепко затянут, что Эми лишь ломала ногти в попытках его развязать. Амэонна весело рассмеялась, продолжая наблюдать за сражением. Узел не поддавался. Эми дернула его вновь – и веревка под ладонями потеплела. Неужели защитная магия шимэнавы не позволяет ее снять?

Стоило Эми поддаться безнадежному отчаянию, как в груди вдруг полыхнул жар. Из метки Аматаэрасу хлынула жгучая сила. Ноги подкосились, и Эми рухнула на колени на скамейку, едва удержавшись за шимэнаву. Ее коснулась Аматаэрасу, и по руке протекла магическая энергия. Узел под ладонью заискрился голубым светом и распался, словно никогда и не был завязан.

В венах пульсировала сила. Аматаэрасу восполнила ки Эми своей, и затем присутствие ками быстро угасло. Однако за мгновение до того, как оно растворилось, Эми ощутила вспышку неожиданной ярости Аматаэрасу. «Сражайся!» – как будто хотела ей сказать ками.

За спиной громко лязгнул металл – меч пролетел по камням.

– Ах! – воскликнула Амэонна, хлопая в ладоши. – Прекрасно, мой дорогой Сунэ!

Эми рывком развернулась и замерла с концом шимэнавы в руке.

Из правой руки Широ торчала катана Сунэкосури. Несколько дюймов лезвия прошло насквозь. Кицунэ каким-то чудом удерживал один меч, но второй лежал на земле в нескольких ярдах.

Широ оскалился. Схватившись за лезвие голой ладонью, он выдернул катану из своей плоти. А потом, не выпуская ее, полоснул инугами по лицу своим клинком. Инугами взревел и отшатнулся.

– Его лицо! – завопила Амэонна. – Ты испортил его лицо! Хватит игр, Сунэ! Убей же, ну!

Инугами запрокинул голову. Порез, идущий от правой щеки к левому виску, кровоточил. Сунэкосури вернул катану в ножны, и его кожа засияла белым. Очертания тела начали

смягчаться, таять. Он зарычал, и звук перешел в низкий собачий вой. Свет вспыхнул ослепительно ярко.

И вперед выпрыгнул массивный черно-бурый пес размером с лошадь. Он оскалился – на землю капнула слюна – и угрожающе шагнул к Широ.

Кицунэ, не двигаясь, смотрел на пса. А потом его вдруг окутали сине-красные огни, и он стал крошечным лисом – не крупнее одной головы инугами. Огромный ёкай зарычал, а Широ открыл пасть и вывалил язык в беззвучной издевке.

Низко взревев, пес бросился на кицунэ. Белый лис отскочил, а потом нырнул между лап инугами и укусил за одну из задних по пути.

С трудом заставив себя отвлечься от сражения, Эми вытащила очищающий офуда и прижала его к шимэнаве. Широ не мог уходить от пса бесконечно, как и победить его, оставаясь в облике лиса. Офуда прилип к веревке, отрицая законы природы, и слабо засветился. Эми добавила еще два талисмана и сделала петлю.

– Убей его! – нетерпеливо завопила Амэонна. – Просто убей!

Стиснув веревку, Эми повернулась обратно ко двору. Чудовищный инугами кружился, тщетно пытаясь укусить лиса. Широ бегал между лапами пса, держась подальше от его клыков. С колотящимся сердцем и дрожащими коленями Эми бросилась к ёкаям.

Инугами вновь крутанулся и злобно лязгнул пастью, но схватил лишь воздух. Пса нужно было поймать до того, как он развернется и ее увидит. Эми рванула быстрее, стискивая шимэнаву.

И вдруг оказалась прямо перед клыками ужасного пса.

Широ вылетел из-под него и вцепился ему в нижнюю челюсть. Инугами дернулся.

Эми взмахнула шимэнавой – петля зацепилась за голову пса, – и дернула, затягивая сильнее.

– Шукусэй-но-тама! – крикнула она.

Из нее полилась восполненная ки. Шимэнава и офуда вспыхнули белым светом. Инугами взвыл, окруженный взметнувшимся ветром. Веревка засияла еще ярче, и пес рухнул на камни двора, последний раз взвизгнув от боли.

Глаза Эми вдруг затопило синевой – и в этой синеве мелькнула белая маска. Амэонна наотмашь ударила Эми по лицу. Мир закружился, и девушка упала, обдирая руки и ноги. Женщина-ёкай схватила ее за волосы и поставила обратно.

– Как ты посмела вмешаться?! – прошипела Амэонна. – Жалкое людское отродье! Я тебя...

Она отбросила Эми прочь и рывком развернулась. За ней виднелся Широ – вновь в облике человека, – он прижал ногой шею инугами к земле и выдернул клинок из его тела. Сияние шимэнавы угасло.

– Сунэ! Мой милый Сунэосури! – закричала Амэонна и бросилась к своему слуге.

Она взмахнула веером, посылая в Широ порыв ветра. Когда женщина-ёкай потянулась к инугами, кицунэ успел отпрыгнуть. Он обошел тело и подбежал к Эми. Она села, дрожа и удивленно глядя на свои окровавленные расцарапанные ладони. Колени оказались в таком же состоянии.

И все же это не шло ни в какое сравнение с Широ. Правая рука была вся покрыта запекшейся кровью. Из пореза на левой ладони текла свежая. Порез на груди окрасил белое косодэ алыми пятнами. Хакама на левом бедре были порваны, и ткань пропиталась красной влагой.

– Широ... – прошептала Эми в ужасе.

Амэонна ласково погладила морду инугами, а потом повернулась и медленно зашагала к ним. У ее ног вился ветер.

– Вы убили моего питомца! – Голос Амэонны охрип от ледяной ярости. – Вы понесете наказание за его смерть.

Широ стиснул оставшийся меч.

– Эми, поднимайся.

Она послушно встала на дрожащие ноги – хотя, конечно, понимала, что все равно не принесет никакой пользы.

Амэонна скривила губы в злобной ухмылке и поднесла веер к противоположному плечу. Ветер у ее ног пропал, а веер засветился – и она ударила им по диагонали.

Вода и ветер слились в трепещущее лезвие серебристой энергии. Оно полетело вперед так быстро, что ни Эми, ни Широ не успели отреагировать – и, пронзая воздух, как молния, врезалось в кицунэ.

На камни брызнула кровь. Широ рухнул на спину. Из глубокой раны от левого плеча до правого бедра потекли алые ручейки.

Сердце замерло в груди. Эми уставилась на Широ, так и не успев встать. Но теперь он сам оказался на земле, а его кровь заливала двор. Кицунэ не шевелился, голова его была отвернута от Эми, белые волосы закрывали лицо. Даже его грудь оставалась неподвижна. А вместе с ним не могла ни сдвинуться с места, ни даже вздохнуть и Эми.

Широ охнул, сотрясая от резкого вдоха. Повернул напряженное лицо, приоткрыв рубиновые глаза. Оскалился, глядя на Амэонну. Эми протянула к нему дрожащую руку, но он уже начал подниматься сам и каким-то чудом встал на ноги, поскользнувшись в луже собственной крови.

Амэонна холодно улыбнулась.

– Умоляешь наказать тебя еще разок, кицунэ?

Эми казалось, что она ничего не слышит за биением собственного сердца. Он стоит. Как он стоит с такими ранами? Как собирается сражаться, когда едва держит меч? У кого может настолько хватать воли сражаться, несмотря ни на что?

Улыбка Амэонны стала шире. Она вновь подняла веер.

Мир замер, замедлился, и Эми поняла, что должна сделать – что должна была сделать сразу, как только они попали в ловушку. Пока вокруг Амэонны клубилась энергия, Эми схватила Широ за правую руку и потянула за нижний виток онэнджу.

Из четок потекла сила, и они прилипли к Широ, не желая поддаваться. Жар обжигал пальцы, проклятая ки разлилась по венам расплавленным свинцом. Стиснув зубы, Эми впиалась пальцами в руку Широ и сорвала с него бусины.

Взрыв энергии ударил ей в лицо и отбросил назад так сильно, что Эми взлетела в воздух.

А потом ударилась о землю, задев головой камни. Череп пронзила боль, и все кончилось.

Глава 18

Эми распахнула глаза. На нее тут же накатили воспоминания, поднялась волной паника. Воздушно-водяной клинок Амэонны полоснул по Широ, его кровь залила все вокруг, но он все равно поднялся, чтобы продолжить сражаться. А потом Эми сняла еще один виток онэнджу, избавила его от второй части оков. Хватило ли этого? Или она опоздала?

Нашупав под собой землю, Эми оттолкнулась и села – чуточку быстрее, чем было нужно. Храмовый двор закружился водоворотом красных огней.

Зрение вернулось, но огонь никуда не пропал. Он пылал лужицами, словно кто-то разлил и поджег бензин. Между ним поблескивала вода, отражая мерцающий свет и создавая иллюзию, что пылает весь двор.

А посреди него стоял Широ; у его ног лежала Амэонна.

Оба меча покрывало танцующее пламя. Оно поднималось по рукам кицунэ тонкими линиями постоянно меняющихся узоров. За спиной Широ полукругом зависли полдюжины сфер – раскаленных добела в центре и синих с красно-оранжевым по краям. И три лисьих хвоста из призрачного бело-голубого огня.

Широ неподвижно стоял над поверженной противницей. Лишь трепетали языки пламени и медленно покачивались бесплотные хвосты.

Эми с трудом поднялась и прижала ладонь к пульсирующему болью месту за правым ухом. Рука окрасилась кровью. Едва переставляя ноги, Эми шагнула вперед. Ухо Широ дернулось в ее сторону. Он повернулся, полукруг сфер сдвинулся следом.

На его щеках горели красные отметины, а посреди лба пылал странный символ. Алые глаза сияли внутренней силой. Широ безучастно уставился на Эми, словно не узнавая ее. Блеснули онэнджу – оставшиеся два витка обхватывали его руку все так же плотно.

Эми застыла в нескольких шагах от Широ и посмотрела в его пустые глаза. Ее сердце бешено заколотилось, отдаваясь гулом в ушах.

– Не забывай меня, Широ, – хрипло произнесла она. – Тебе нельзя забыть меня.

Он медленно моргнул, и в его взгляде что-то переменилось, а губы изогнулись в привычной кривой усмешке.

– Это ты меня когда-нибудь забудешь, малышка-мико, – его голос прозвучал более хрипло, чем у нее, и в нем слышалось звериное рычание.

– Я тебя никогда не забуду, – проговорила Эми. – Я буду помнить тебя до последнего дня.

– Обещаешь?

Ее сердце вдруг екнуло.

– Да, обещаю.

Кивнув, Широ поднял ладони – на их тыльной стороне горели красным еще два символа – и смахнул пламя на мечи. Они исчезли. Кицунэ опустил руки, мерцающие узоры на них погасли.

И через миг он покачнулся.

Бросившись к нему, Эми успела его поддержать. Широ тяжело привалился к ней; горячая кровь из раны на его груди мгновенно пропитала ее блузку. Огненные хвосты растворились в воздухе, погасли и пылающие сферы. Сгибаясь под весом кицунэ, Эми осторожно уложила его на землю. Он откинулся на спину, тяжело дыша и жмурясь. Метки на лице больше не сияли, став простыми красными линиями на коже.

– Широ! – охнула Эми – ее ладони замерли над страшной раной – и заозиралась, словно могла этим как-то призвать помощь. Вокруг двора по-прежнему тускло мерцал барьер. – Широ, как нам выбраться из ловушки?

Он молчал, кривясь от боли. Эми душило отчаяние. Он терял слишком много крови. Как он выживет с такими жуткими ранами?..

Барьер вдруг дрогнул. Тело Амэонны позади них дернулось и безжизненно обмякло. Вспыхнув последний раз, барьер исчез.

– Эми!

Из тьмы выскочил Катсуо с катаной в руках. Его лицо исказилось от ярости и страха, и он бросился к Эми – и беспомощному ёкаю перед ней. Клинок засветился от ки, занесенный для смертельного удара.

Не задумываясь, Эми закрыла собой Широ.

– Стой, Катсуо! Он меня спас!

– В сторону, Эми!

– Это кицунэ! – завопила она. – Успокойся и послушай! Он не враг!

Катсуо опустил катану и скользнул взглядом от нее и Широ к двум мертвым ёкаям поодаль. Тело инугами начало таять, словно лед, его силуэт стал размытым. Эми осторожно села, готовая вновь заслонить собой Широ, как щитом.

Катсуо охнул и, выронив клинок, потянулся к ней поверх распростертого кицунэ.

– Эми, ты вся в крови...

Она мельком глянула на багровое пятно у себя на блузке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.